

ISSN 2500-039X (Print)
ISSN 3034-3771 (Online)

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKBFU IMMANUEL KANT
BALTIC FEDERAL
UNIVERSITY

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Филология, педагогика,
психология

№ 4

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2025

Редакционная коллегия

И. Н. Симаева, д-р психол. наук, проф., БФУ им. И. Канта (главный редактор);
М. Н. Коннова, д-р филол. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
О. В. Александрова, д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова; *Н. Г. Бабенко*,
 д-р филол. наук, проф., БФУ им. И. Канта; *Л. В. Байбородова*, д-р пед. наук, проф., ЯГПУ
 им. К. Д. Ушинского; *В. П. Бездухов*, д-р пед. наук, чл.-кор. РАО, проф., СГСПУ;
Л. М. Бондарева, д-р филол. наук, проф., БФУ им. И. Канта; *А. О. Будрина*, д-р пед. наук,
 проф., БФУ им. И. Канта; *И. В. Вачков*, д-р психол. наук, проф.,
 Московский государственный психолого-педагогический университет;
А. А. Горелов, д-р пед. наук, проф., СПбУ МВД; *У. Гравитис*, д-р пед. наук, проф.,
 Латвийская академия спортивной педагогики; *Ю. В. Доманский*, д-р филол. наук, проф.,
 РГГУ; *С. П. Евсеев*, д-р пед. наук, проф., НГУ физической культуры, спорта и здоровья
 им. П. Ф. Лесгафта; *В. И. Заботкина*, д-р филол. наук, проф., РГГУ; *И. Ю. Иеронова*,
 д-р пед. наук, проф., БФУ им. И. Канта; *А. В. Кузнецова*, д-р филол. наук, проф., ЮФУ;
Л. В. Куликов, д-р психол. наук, проф., СПбГУ; *В. К. Пельменев*, д-р пед. наук, проф.,
 БФУ им. И. Канта; *А. М. Поликарпов*, д-р филол. наук, проф., САФУ им. М. В. Ломоносова;
А. А. Реан, д-р пед. наук, акад. РАО, МПГУ; *И. В. Реверчук*, д-р мед. наук, проф.,
 Самаркандский государственный медицинский университет; *И. Д. Рудинский*, д-р пед. наук,
 проф., БФУ им. И. Канта; *Н. В. Самсонова*, д-р пед. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
С. В. Свиридов, канд. филол. наук, доц., БФУ им. И. Канта (ответственный редактор);
О. Р. Темиришина, д-р филол. наук, проф., Московский университет им. А. С. Грибоедова;
В. В. Хитрюк, д-р пед. наук, проф., Белорусский государственный педагогический
 университет им. М. Танка; *Н. С. Цветова*, д-р филол. наук, проф., СПбГУ;
Т. А. Шарыпина, д-р филол. наук, проф., НГУ им. Н. И. Лобачевского;
Ю. М. Шемчук, д-р филол. наук, проф., МГЛУ; *К. Г. Языков*, д-р мед. наук, проф.,
 Сибирский государственный медицинский университет

Учредитель

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Издатель

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Типография

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
 информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-68537 от 31 января 2017 г.

Дата выхода в свет 21.11.2025 г.

© БФУ им. И. Канта, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание

Захарова О.С. Сравнительная характеристика средств репрезентации категории оценки в аналитических обзорах валютного рынка (на примере СМИ США и Великобритании)	5
Шаповаленко Е.В. Неодериваты с суффиксом <i>-ing</i> в современном английском языке	16
Манукян Я.А. Ольфакторная оппозиция «свой — чужой» в контексте войны	27
Ведерников Р.Д., Бондарева Л.М. Особенности функционирования прецедентных имен со сферой-источником «Литература» в романе Р. Бротигана «Trout Fishing in America»	39
Королева И.А. Эргонимы в структуре ономастического пространства современного города	51

Литературоведение

Малюта Е.Г. Молитвы С.И. Шаховского: между «спальным» и «подорожным» правилом	56
Мальцев Л.А., Копцев И.Д. «Дар меткого высказывания в разговорной речи»: об эссеистической «сильвичности» польской прозы	68

Педагогика и психология

Юдина Т.О. Моральный компонент идентичности и психологическое благополучие личности	80
Грицай Л.А. Религиозно-философские основы взаимоотношений между учителем и учеником в педагогических традициях протестантизма, католичества и православия: сравнительный анализ	89
Нечаева Н.В. Формирование универсальных компетенций с фокусом на будущей профессии: опыт разработки курса «Основы профессиональной коммуникации» для студентов переводческих образовательных программ	101
Ежель С.М. Взаимосвязь формирования универсальной компетенции и типа личности (на примере дисциплины «Антикоррупционное законодательство и политика»)	113

CONTENTS

Linguistics

<i>Zakharova O.S.</i> Evaluative language in analytical reviews of the foreign exchange market: a comparative perspective from U.S. and U.K. media	5
<i>Shapovalenko E. V.</i> Neoderivatives with the suffix <i>-ing</i> in modern English.....	16
<i>Manukyan Ya.A.</i> Olfactory opposition of “one’s own – another’s” in the context of the war.....	27
<i>Vedernikov R.D., Bondareva L.M.</i> The functioning of precedent names from source domain “Literature” in Richard Brautigan’s “Trout Fishing in America”	39
<i>Koroleva I.A.</i> Ergonyms in the structure of the onomastic space of a modern city.....	51

Literary studies

<i>Malyuta E.G.</i> Prayers of S.I. Shakhovsky: between “sleeping” and “travel” prayer rules.....	56
<i>Maltsev L.M., Koptsev I.D.</i> “An exact statement in everyday speech”: on the essayistic “silvichness” of Polish prose.....	68

Pedagogy and psychology

<i>Yudina T.O.</i> Moral component of identity and psychological well-being.....	80
<i>Gritsay L.A.</i> Religious and philosophical foundations of the relationship between teacher and pupil in the pedagogical traditions of Protestantism, Catholicism and Orthodoxy: a comparative analysis	89
<i>Nechaeva N.V.</i> Universal competencies focusing on the future profession: experience in developing the course “Basics of Professional Communication” for students of translation education programs	101
<i>Ezheliy S.M.</i> The relationship between the formation of universal competence and personality type (using the example of the discipline “Anti-corruption Legislation and Politics”	113

УДК 81

О. С. Захарова

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СРЕДСТВ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ В АНАЛИТИЧЕСКИХ ОБЗОРАХ
ВАЛЮТНОГО РЫНКА (НА ПРИМЕРЕ СМИ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ)**

5

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию 19.03.2025 г.

Принята к публикации 29.04.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-1

Для цитирования: Захарова О. С. Сравнительная характеристика средств репрезентации категории оценки в аналитических обзорах валютного рынка (на примере СМИ США и Великобритании) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. №4. С. 5 – 15. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-1.

Представлен компаративный анализ средств репрезентации оценки в англоязычном аналитическом обзоре валютного рынка. Материалом исследования послужили публикации аналитических агентств и деловых СМИ США (Bloomberg, Forbes, FXStreet) и Великобритании (The Economist, The Daily Mail, Reuters, IFCMarkets). Охарактеризованы жанр аналитического обзора и два способа обработки его данных: фундаментальный и технический. Рассмотрены подходы к трактовке категории оценки и классификация ее видов. Определено понятие речевого воздействия и перечислены способы его реализации. Проведенное согласно логике параметрического анализа исследование показало преобладание отрицательной оценки в обзорах США и положительной – в британских обзорах при доминировании утилитарной частной оценки и минимальном присутствии оценки этической. В обзорах США основными средствами объективации оценки являются существительные, в аналитике Великобритании – глаголы. Выявлена главенствующая роль индивидуального эксплицитного субъекта оценки в текстах выбранного жанра в обеих странах. Объектами оценки становятся денежные единицы, валютные пары, тенденции их движения, политические события, деятельность игроков на валютном рынке.

Ключевые слова: англоязычный дискурс, аналитический обзор валютного рынка, категория оценки, репрезентация оценки, сравнительная характеристика, англоязычный медиадискурс США, англоязычный медиадискурс Великобритании

Введение

Исследование нацелено на изучение общего и особенного в языковой репрезентации категории оценки в аналитических обзорах (далее – АО) валютного рынка в медиадискурсе Великобритании и США. Актуаль-

ность темы следует из значимости той роли, которую играют тексты выбранного жанра в экономике и политике. Новизна работы заключается в изучении реализации категории оценки в жанре АО валютного рынка с лингвокогнитивных и прагмалингвистических позиций. Объектом исследования является аксиологичность как одна из базовых характеристик валютного рынка. Предмет изучения составляют языковые средства выражения оценки в аналитических отчетах, публикуемых в деловых СМИ и аналитических агентствах обозначенных стран.

В жизни современного человека СМИ и медийный дискурс играют существенную роль. Широкая трактовка медийного дискурса описывает его как комплекс процессов речевой деятельности и их результатов в области массовой информации [7]. Выделяют две основные функции СМИ: информационную и воздействующую [15]. Эффективность последней реализуется только посредством эмоциональности, экспрессивности, личностности и ясности изложения, объединяющих стиль электронных СМИ с публицистическим стилем в целом. Язык интернета с точки зрения функциональной стилистики разнороден, что ведет к неоднородности его жанров, перенесенных из традиционной коммуникации и отражающих различные сферы общения в Сети [10, с. 384].

Комплекс языковых, стилистических и коммуникативных характеристик, обладающий устойчивыми содержательно-формальными признаками, формирует понятие аналитического жанра [7]. К медийным жанрам данного вида относят отчет, рецензию, статью, обозрение (обзор), прогноз и иные виды текстов, каждый из которых обладает своей спецификой [12]. Жанр аналитического обзора характеризуется информативностью, так как он осведомляет аудиторию о происходящих событиях с опорой на аналитический комментарий, без которого он превратился бы в простое перечисление событий и фактов. Тематическая направленность АО позволяет различать политические, экономические, спортивные и иные обзоры [5]. Экономические аналитические обзоры, в свою очередь, можно классифицировать на основании секторов или рынков экономики. Таким образом, можно выделить аналитический обзор валютного рынка как разновидность жанра АО.

Данные, характеризующие валютные рынки, могут обрабатываться двумя способами. Если заключения делаются на основании финансовых показателей компаний и макроэкономической ситуации в стране и в мире, — это фундаментальный вид анализа, если же выводы обусловлены сигналами специальных инструментов и графиков — технический [18]. Соответственно разграничивают фундаментальный и технический типы АО валютного рынка. В нашем исследовании учитываются обе эти разновидности. АО призван не только информировать читателя, но и представить ему профессиональное видение ситуации и экспертную оценку, что позволяет отнести аксиологичность к ведущим свойствам исследуемого жанра.

Зарубежные исследователи, рассматривая категорию оценки, используют такие термины, как *attitude* [21], *appraisal* [23], *evaluation* [24], и связывают ее с модальностью. Относительно корреляции этих катего-

рий существуют две позиции. Сторонники первой объединяют их в единое целое, характеризуя оценку как экспликацию отношения (*attitude*) или позиции (*stance*) автора сообщения и включая в нее модальность [24]. Второй подход рассматривает эти две категории отдельно друг от друга [21].

В отечественной лингвистике сформировался прежде всего логико-философский взгляд на оценку, представленный в работах А. А. Ивина, который определяет ее как вербализованное установление абсолютной или сравнительной ценности объекта, где ценность — это «всякий предмет любого интереса, желания, стремления и т.п.» [8, с. 12]. Его идеи нашли свое развитие в концепции Е. М. Вольф, также считавшей, что в основе оценки лежит ценностное отношение между субъектом и объектом. Вслед за А. А. Ивиным и Е. М. Вольф Н. Д. Арутюнова относит к основным функциям оценки экспликацию ценности объекта, которая может быть абсолютной или относительной [1]. В структуре оценки, называемой ее модальной рамкой, выделяются субъект, объект, шкала и стереотипы, аксиологические предикаты, интенсификаторы и т. п. [4, с. 11]. В соответствии с концепцией Е. М. Вольф, субъект оценки (далее — СО) может быть индивидуальным и «общим мнением», кроме того, выделяется субъект пользы [4]. Современные отечественные исследователи продолжают разрабатывать дискурсивный подход к категории оценки и изучать ее соотносительность с ценностями субъекта и реципиента [13; 18]. В свете когнитивного подхода к пониманию оценки она воспринимается как деятельность по освоению ценности объекта, сопряженная с процессом познания [10; 16]. Деятельностное толкование оценки, дополняющее ее классическую трактовку как «совокупности разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [2, с. 139], лежит и в основе нашего исследования. Средства репрезентации оценки в языке анализируются современными исследователями на базе данных корпусной лингвистики [24].

Традиционно на оценочной шкале принято выделять три вида оценки: позитивную, нейтральную и негативную [1; 2; 4; 8; 11; 17]. Наиболее разработанной классификацией оценки за рубежом признана модель APPRAISAL, созданная Дж. Мартином и П. Уайтом совместно с единомышленниками [23]. В соответствии с этой концепцией выделяют три аспекта оценки (*appraisal*): отношение (*attitude*), градуальность (*graduation*) и вовлеченность (*engagement*). На их основании различают семь видов оценки: эмоциональная (*affect*); суждение, оценка поведения (*judgement*); значимость, оценка объектов, процессов и состояний (*appreciation*); сила, оценка интенсивности, количества (*strength*); оценка точности, неопределенности (*focus*); диалогичность (*heterogloss*); монологичность (*monogloss*).

Одной из первых попыток систематизации видов оценки в отечественной лингвистике стала логико-философская концепция А. А. Ивина, выделившего абсолютные и сравнительные, моральные и нормативные, внутренние и внешние (утилитарные) оценки [8]. По присут-

ствию эмотивного компонента выделяют оценку эмоциональную, возникающую как прямая реакция на объект, и рациональную (интеллектуально-логическую), обусловленную социальными стереотипами. Первая характеризуется экспрессивностью, а вторая формулируется как оценочное суждение. Аксиологическая и дескриптивная составляющие слова позволяют отнести единицу языка к средствам репрезентации общей либо частной оценки [1; 4]. Классификация последней представлена в концепции Н.Д. Арутюновой. Предложенная ею модель систематизации частнооценочных значений объединила опыт предшествующих исследований в данной области и признана наиболее комплексной и подробной. Она базируется на характере основания оценки и подразумевает наличие группы сенсорных, сублимированных (абсолютных) и рационалистических оценок. Далее они подразделяются на восемь подгрупп: сенсорно-вкусовые (гедонистические), интеллектуальные, эмоциональные, этические, эстетические, утилитарные, нормативные, телеологические [1]. Кроме того, в зависимости от степени компетентности реципиентов можно разграничить экспертную (профессиональную) и наивную оценку [16].

В силу зависимости оценки от мировоззрения и нормативных установок субъекта, ее ориентированности на адресата, а также наличия в оценочных высказываниях коммуникативного намерения адресанта [1] аксиологически окрашенные высказывания могут руководить мнениями и поступками адресата. Такое влияние называют речевым воздействием, под которым понимается «произвольная или непроизвольная передача информации субъектом реципиенту (либо группе реципиентов) в процессе речевого общения в устной и письменной формах, которая осуществляется с помощью лингвистических, паралингвистических и нелингвистических символических средств и определяется сознательными и бессознательными интенциями адресанта и целями коммуникации — предметной, коммуникативной или информационной, а также пресуппозициями и конкретной знаковой ситуацией» [14, с. 38]. Среди широкого спектра способов речевого воздействия можно перечислить семантические пресуппозиции, вопросительные конструкции с имплицитной семантикой, имплицитную логическую связь, доведение до абсурда логики оппонента, ссылку на неизвестный источник или опору на авторитетное мнение, аргументацию [3; 10].

Материал и методы исследования

В нашем исследовании мы придерживаемся когнитивно-дискурсивного подхода к пониманию категории оценки, а при определении вида частнооценочного значения ориентируемся на классификацию, предложенную в лингвопрагматической концепции Н.Д. Арутюновой. Работа с материалом осуществлялась согласно логике параметрического анализа, складывающегося из морфологического, дефиниционного, контекстуального, стилистического, лингвоаксиологического и коммуникативно-прагматического типов анализа. Соответственно, характе-

ризовались субъект и объект оценки, устанавливалась частеречная принадлежность единицы языка, принимались во внимание компоненты ее семантики, специфика контекстуального значения, а также стилистическая маркированность и экспрессивность, идентифицировались виды выражаемой оценки и коммуникативно-речевые стратегии, актуализации которых она способствует. С учетом вышеизложенного алгоритм обработки данных включил 11 параметров (П): П1 «субъект», П2 «объект», П3 «часть речи», П4 «дефиниция», П5 «контекстуальное значение», П6 «стилистическая маркированность и экспрессивность», П7 «интенсификация и деинтенсификация», П8 «вид общей оценки», П9 «вид частной оценки», П10 «вид оценки по наличию эмоциональной / рациональной составляющей», П11 «стратегия речевого воздействия».

Материалом для исследования послужили фундаментальные и технические АО аналитических агентств и деловых СМИ США (Bloomberg, Forbes, FXStreet) и Великобритании (The Economist, The Daily Mail, Reuters, IFCMarkets) за 2022–2024 гг. Выбор временного интервала связан с необходимостью рассматривать обе разновидности АО валютного рынка (фундаментальный и технический) при работе с выбранным жанром, тогда как количество технических обзоров, более удаленных по времени, недостаточно для соблюдения представительности выборки. Помимо этого, специфической чертой именно этого периода является установка на такой экстралингвистический процесс, как дедолларизация, консолидирующая дискурс валютного рынка и порождающая единство макроконтекста при изучении комплекса языковых оценочных средств.

Результаты и дискуссия

Рассмотрено 995 текстов, содержащих 403711 словоупотреблений, что соответствует критериям репрезентативности лингвистических баз данных и корпусов. Оценочные контексты отбирались на основании их цельности и связности, а также содержания в них аксиологически маркированного высказывания с использованием метода направленной стратификационной выборки в соответствии с техниками классификации и параметризации для достижения представительности выборки [3, с. 488–489]. Из данного массива была сформирована выборка в количестве 1375 оценочных контекстов с 12958 языковыми единицами, передающих разные виды общей и частной оценки. В их число вошли 557 контекстов из деловых СМИ и аналитических агентств США, включающих 4673 единицы анализа, из которых 1955 объективируют оценку положительную, а 2717 — отрицательную. Среди АО, опубликованных в изданиях Великобритании, выделено 818 фрагментов с 8286 оценочными единицами, при этом 4834 из них передают положительную оценку, а 3453 — отрицательную. Полученные данные свидетельствуют о различии в характере общей оценки, выражаемой по отношению к одному и тому же объекту — доллару — и так или иначе связанным с

ним факторам, и можно говорить о преобладании отрицательной оценки в аналитических обзорах валютных рынков США, в то время как в АО Великобритании доминируют позитивные настроения.

К сходствам американских и британских АО отнесены идентичные субъекты оценки — это специалисты в области валютных рынков, например трейдеры, финансовые и инвестиционные аналитики. Исследование выявило, что в обзорах США доминирует индивидуальный эксплицитный субъект оценки (59,8 %), при этом коллективный СО в большинстве случаев также выражен явно (35,42 %), а самым малочисленным является имплицитный субъект оценки (4,77 %). Ниже в примере (1) будет представлена ситуация, когда оценка преподносится от лица индивидуального эксплицитного субъекта — специалиста по имени Eren Sengezer. В британских изданиях также преобладает индивидуальный эксплицитный СО (70,44 %), а коллективный, напротив, преимущественно имплицитен (20,9 %). Наименее распространен в британских АО коллективный явно выраженный СО (8,65 %). Ниже в примере (2) индивидуальным эксплицитным субъектом оценки выступает старший эксперт-аналитик агентства IFCMarkets по имени Ara Zohrabyan. Объектами оценки в обоих случаях могут являться валюты и валютные пары, так иначе коррелирующие с мировой резервной валютой — долларом, тенденции их движения (рост, снижение, боковой тренд), а также действия центрального банка, политические события в стране и мире, деятельность отдельных значимых игроков на валютном рынке и т. п.

К объединяющим чертам обзоров американских и британских СМИ и аналитических агентств отнесены реализуемые в них типы частной оценки. В результате работы с материалом удалось показать присутствие в изучаемом жанре всех видов частнооценочных значений, доминантой среди которых является оценка утилитарная. Так, данные по США позволяют увидеть, что утилитарная оценка составляет 96,4 % (4504 единицы анализа), эмоциональная — 1,41 % (66), нормативная — 0,73 % (34), гедонистическая — 0,68 % (32), интеллектуальная — 0,3 % (14), эстетическая и телеологическая — 0,17 % (8), этическая — 0,13 % (6). Работа с британскими текстами показала, что утилитарная оценка в них составляет 95,5 % (7913 единицы анализа), эмоциональная — 1,85 % (153), гедонистическая — 0,95 % (79), интеллектуальная — 0,82 % (68), нормативная — 0,46 % (38), телеологическая — 0,22 % (18), эстетическая — 0,12 % (10), этическая — 0,08 % (7). Таким образом, наиболее распространенным типом оценки как в американских, так и в британских обзорах является утилитарный, а наименее распространенным — этический.

Кроме того, АО Великобритании и США характеризуются тождественностью в морфологическом аспекте реализации оценки в языке. В американских аналитических обзорах валютного рынка преобладают существительные (30,20 %) наряду с личными и неличными формами глаголов (28,23 %), а также прилагательные (21,6 %) при наличии других частей речи, таких как наречия (11,22 %), детерминаторы (2,63 %), предлоги (1,9 %), числительные (0,68 %), местоимения (0,54 %) и частицы (0,09 %). Кроме того, обнаружены идиомы (1,22 %) и словосочетания,

характеризующиеся высоким уровнем единства и семантической связанности, которым в словаре Cambridge Dictionary [19] присвоен статус фраз (0,43 %), а также коллокации (0,15 %). В АО валютного рынка изданий Великобритании доминируют личные и неличные формы глаголов (35,16 %) вместе с существительными (25,25 %) и прилагательными (17,63 %) на фоне присутствия иных частей речи: наречий (10,97 %), местоимений (3,26 %), детерминаторов (2,2 %), предлогов (2,12 %), союзов (1,11 %), числительных (0,88 %) и частиц (0,01 %).

Помимо этого, выявлены идиомы (0,97 %) и словосочетания с повышенной смысловой целостностью, в словаре Cambridge Dictionary [19] отнесенные к фразам (0,39 %), и коллокации (0,05 %). Таким образом, доминантой средств репрезентации оценки в АО обеих стран являются глаголы, существительные и прилагательные при общем широком спектре морфологического разнообразия аксиологически окрашенных единиц. Подтвердим сказанное примерами.

Рассмотрим способы репрезентации оценки в АО США. Проанализируем отрывок из фундаментального обзора, опубликованного на сайте агентства FXStreet специалистом по имени Eren Sengezer, который, таким образом, представляет собой индивидуальный эксплицитный субъект оценки. Текст характеризуется высоким уровнем оптимизма и уверенности в благоприятном будущем пары EUR/USD:

(1) *Early Tuesday, the **positive** shift witnessed in **risk mood** seems to be **helping** EUR/USD cling to **modest** daily gains. **Renewed optimism** about China continuing to **move away from the zero-Covid policy** after Global Times commentator Hu Xijin tweeted that China may “**walk out of the shadow** of COVID-19 sooner than expected,” allowed **risk flows** to return to markets [20].*

Положительные ожидания подтверждаются в данном тексте наличием прилагательного с ингерентной позитивной оценкой **positive**: *full of hope and confidence, or giving cause for hope and confidence* [19], неличной формы глагола (причастия I) **helping** с семами помощи и поддержки: *to make it possible or easier for someone to do something, by doing part of the work yourself or by providing advice, money, support, etc.* [19], а также сочетания прилагательного **modest**, указывающего на умеренность: *not large in size or amount, or not expensive* [19], с существительным с позитивными семами успеха и прибыльности **gains**: *an occasion when you get something useful or positive; an increase in something such as size, weight, or amount* [19]. Кроме того, спектр языковых средств выражения позитивной оценки дополняется существительным **optimism**, которое описывается неличной формой глагола (причастием II) **renewed** с семами повторения, возврата, обновления: *begun or happening again; happening again after having stopped for a period of time* [19]. В зоне положительной оценки оказывается значение сочетания, включающего фразовый глагол **walk out of**, обозначающий факт выхода из нежелательных и неблагоприятных обстоятельств: *to leave an event such as a meeting or performance because you are angry or disapprove of something* [19], и существительное **shadow**, значение которого метафорически переосмысливается, так как понятие из области физического мира переносится в сферу экономических абстракций: *an area of darkness,*

caused by light being blocked by something [19]. Это усиливается сочетанием наречия **sooner**, сравнительная степень которого может рассматриваться как интенсификатор: *in or within a short time; before long; quickly* [19], с неличной формой глагола (причастием II) **expected** с семами предсказуемости и ожидаемости: *believed to be going to happen or arrive* [19].

В тексте присутствует и отрицательная оценка, на которую указывают следующие существительные в форме множественного числа: **mood**, передающее внутреннее состояние и ощущения: *the way you feel at a particular time* [19], и **flows** с семами однонаправленности и единства: *the movement of something in one direction* [19]. Они оба характеризуются существительным в функции определения **risk** с семами опасности: *the possibility of something bad happening* [19]. Обнаруженные в данном отрывке средства объективации оценки участвуют в реализации таких способов речевого воздействия, как аргументация и ссылка на авторитет [3].

Рассмотрим средства выражения оценки в АО Великобритании. Так, Ara Zohrabyan, старший эксперт-аналитик агентства IFCMarkets, изучив технические показатели рынка, сообщает о процессе снижения курса валютной пары USD/CHF после недавнего достижения месячного максимума:

(2) *The technical analysis of the USDCHE price chart on 4-hour timeframe shows USDCHE, H4 is retreating toward the 200-period moving average MA(200) after hitting one month-high four days ago* [22].

Возврат цены к прежним позициям вызывает некоторое разочарование, передаваемое при помощи неличной формы глагола (причастия I) **is retreating**, свидетельствующего о процессе отступления, стремлении избежать опасности: *to go away from a place or person in order to escape from fighting or danger; to go to a quiet safe place in order to avoid a difficult situation* [19]. Однако предшествующий успешный рост воспринимается с оптимизмом, что показано неличной формой глагола, герундием **hitting**, значение которого как резкого движения с приложением силы (*to move your hand or an object onto the surface of something so that it touches it, usually with force; to touch something with sudden force* [19]) является в данном контексте метафорически переосмысленным, так как действия, свойственные материальному и живому миру, переносятся в сферу абстрактных понятий экономики и валютных рынков. Связанное с герундием существительное **high**, указывающее на достижение более высокого уровня: *a higher level than has ever been reached previously* [19], подтверждает положительное отношение к достигнутым успехам. Рассмотренные средства экспликации оценки в выбранном отрывке реализуют такой прием речевого воздействия, как рациональная аргументация [3].

Заключение

Проведенное исследование языкового материала позволяет выделить как общие черты, так и специфику способов репрезентации оценки в жанре аналитического обзора валютного рынка США и Великобритании. Выявлено преобладание отрицательной оценки в американ-

ских АО валютных рынков, в то время как в британских текстах данного жанра преобладают положительные настроения. При этом в обеих странах представлены все типы частнооценочных значений, среди которых доминирует утилитарная оценка, а этическая встречается наиболее редко. Морфологический анализ свидетельствует о том, что главенствующую позицию среди средств объективации оценки в обзорах США и Великобритании занимают глаголы, существительные и прилагательные при широком морфологическом разнообразии аксиологических единиц.

В качестве субъектов оценки в обзорах США и Великобритании выступают трейдеры, финансовые аналитики и эксперты по инвестициям. Исследование показало, что в изучаемых текстах США доминирует индивидуальный эксплицитный СО, при этом коллективный СО также по большей части выражен явно, а наиболее малочислен имплицитный субъект оценки. В британских изданиях, как и в американских, преобладает индивидуальный эксплицитный СО, в то время как коллективный, в отличие от обзоров США, в большинстве случаев имплицитен. Наименее распространен в АО Великобритании коллективный эксплицитный СО. Объектами оценки в изучаемых текстах изданий обеих стран становятся отдельные денежные единицы и валютные пары, а также тенденции движения их цен, политические события в стране и мире, действия центрального банка и отдельных значимых игроков на валютном рынке, так или иначе связанные с долларом как мировой резервной валютой.

Аналитические обзоры валютного рынка не только способствуют формированию мнений как профессиональных его участников, так и людей, интересующихся политикой и экономикой, но и могут направлять их поступки. Речевое воздействие осуществляется различными способами, к основным из которых в обзорах как США, так и Великобритании отнесены аргументация и отсылка к авторитетному мнению.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
2. Баженова Е.А. Категория оценки // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003. С. 139–146.
3. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М., 2007.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
5. Ворошилов В.В. Журналистика. Базовый курс. СПб., 2000.
6. Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.
7. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи. М., 2010.
8. Ивин А.А. Основания логики оценки. М., 1970.
9. Иссерс О.С. Речевое воздействие : учеб. пособие. М., 2023.
10. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка : учебник. М., 2008.
11. Петухова Т.И., Хомякова Е.Г. Новое знание и биполярность оценочной интерпретации изобразительного искусства соцреализма в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. №4. С. 53–63.

12. Тертычный А.А. Аналитическая журналистика : учеб. пособие для студентов вузов. М., 2010.
13. Хомякова Е.Г. Лингвистический анализ оценки в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Общество. Среда. Развитие. 2020. №4. С. 3–7.
14. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. М., 2014.
15. Шестеркина Л.Е., Лободенко Л.К. Сравнительный анализ жанров журналистских и рекламных медиатекстов // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. Вып. 9. С. 279–286.
16. Шутёмова Н.В. Виды экспертной оценки творчества И. Наховой в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 3. С. 56–68.
17. Шутёмова Н.В. Параметр значимости в реализации категории оценки в искусствоведческом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2022. №3. С. 469–472.
18. Щеголева Н.Г. Валютный рынок и валютные операции : учебник для вузов. М., 2025.
19. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 28.11.2024).
20. FXStreet. EURUSD forecast and news. URL: <https://www.fxstreet.com/analysis/eur-usd-forecast-euro-needs-to-reclaim-10450-to-remain-bullish-202211290739> (дата обращения: 29.11.2022).
21. Halliday M.A.K., Matthiessen C. Halliday's introduction to functional grammar. 4th ed. Routledge, 2014.
22. IFCMarkets. USDCHF price bias bearish as Swiss producer prices decline again. URL: <https://www.ifcmarkets.com/en/technical-analysis/usd-chf/2024-01-23> (дата обращения: 23.01.2024).
23. Martin J.R., White P.R.R. The language of evaluation. Appraisal in English. Palgrave Macmillan, 2005.
24. Thompson G., Hunston S. Evaluation: an introduction // Evaluation in text: authorial stance and the construction of discourse. Oxford, 2000. P. 1–22.

Об авторе

Ольга Сергеевна Захарова — асп., Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: st111446@student.spbu.ru

O. S. Zakharova

EVALUATIVE LANGUAGE IN ANALYTICAL REVIEWS OF THE FOREIGN EXCHANGE MARKET: A COMPARATIVE PERSPECTIVE FROM U. S. AND U. K. MEDIA

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Received 19 March 2025

Accepted 29 April 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-1

To cite this article: Zakharova O.S., 2025, Evaluative language in analytical reviews of the foreign exchange market: a comparative perspective from U.S. and U.K. media, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №4. P. 5–15. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-1.

The paper presents a comparative analysis of evaluation representation means in the anglophone analytical review of the foreign exchange market. The research material includes publications by analytical agencies and business media in the United States (Bloomberg, Forbes, FXStreet) and the United Kingdom (The Economist, The Daily Mail, Reuters, IFCMarkets). The genre of the analytical review and two methods of data processing – fundamental and technical – are characterized. Approaches to the interpretation of the category of evaluation and the classification of its types are considered. The concept of speech influence is defined, and the means of its implementation are listed. The study, conducted according to the logic of parametric analysis, revealed the predominance of negative evaluation in U.S. reviews and positive evaluation in British reviews, with the dominance of utilitarian private evaluation and minimal presence of ethical evaluation. In U.S. reviews, the main means of objectifying evaluation are nouns, while in British analytics they are verbs. The leading role of the individual explicit subject of evaluation in the texts of the selected genre in both countries is identified. The objects of evaluation are monetary units, currency pairs, trends in their movement, political events, and the activities of players in the foreign exchange market.

Keywords: anglophone discourse, analytical review of the foreign exchange market, evaluation category, evaluation representation, comparative characteristics, anglophone media discourse of the USA, anglophone media discourse of the UK

The author

Olga S. Zakharova, PhD student, Saint Petersburg State University, Russia.
E-mail: st111446@student.spbu.ru

Е. В. Шаповаленко

НЕОДЕРИВАТЫ С СУФФИКСОМ -ING В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 07.06.2025 г.

Принята к публикации 29.08.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-2

16

Для цитирования: Шаповаленко Е.В. Неодериваты с суффиксом -ing в современном английском языке // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. №4. С. 16—26. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-2.

Рассматриваются особенности функционирования форманта -ing в современном английском языке в синхронно-диахронической перспективе с фокусом на адаптацию суффикса к новым номинативным задачам в условиях цифровой эпохи. В рамках ономаσιологического подхода описываются когнитивные и структурные механизмы образования неологизмов, основанные на расширении традиционной отглагольной деривации за счет использования в качестве мотивирующих основ апеллятивных и проприальных существительных. Устанавливается факт пополнения репертуара деривационных моделей ингового словообразования в английском языке, проявляющийся в возникновении композитных производных, основанных на метафорическом переносе. Сам суффикс претерпевает изменения, эволюционируя в направлении аффиксоида, участвующего в процессе образования сложных существительных. Выявляются особенности функционирования английских неологизмов в интернет-пространстве, отражающие изменения в социокультурных и поведенческих практиках. Описывается семантика неологизмов, выявляются культурные и когнитивные факторы, обеспечивающие высокую продуктивность суффикса в номинации новых явлений, включая молодежные субкультуры и тренды социальных сетей. Сделан вывод о лингвистической креативности носителей современного английского языка, использующих формант в различных структурных моделях с целью номинации разнообразных феноменов, представляющих аксиологическую значимость на современном этапе развития общества.

Ключевые слова: инговое словообразование, суффикс -ing/-инг, аффиксоид, деривационная модель

Введение

Англоязычный суффикс -ing, имеющий в английском языке значение процессуальности и выполняющий системные функции образования различных грамматических форм, с начала 1990-х гг. получил свое распространение в русском языке. Функционируя первоначально в составе заимствованных лексических единиц, данный формант постепенно начал активно использоваться носителями современного русского

языка, изобретающими дериваты различного типа. Неслучайно Е. И. Коряковцева назвала активизацию суффикса «инговым цунами» [13, с. 14], вызвавшим пристальный интерес российских лингвистов. В рамках появившихся в связи с этим интересом работ были описаны разнообразные особенности функционирования форманта на почве русского языка: деривационные модели, разновидности мотивирующих слов, типы возникающих словообразовательных значений, основные дискурсивные области функционирования инговых производных [4; 5; 10; 16] и т. д.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов в теоретическом описании английского аффикса является степень его адаптации в русском словопроизводстве. В некоторых источниках, в том числе в справочных изданиях словарного типа [17, с. 388–389], признается факт вхождения форманта в словообразовательную систему русского языка. Это связано с тем, что анализ языковых данных свидетельствует о значительном росте деривационной активности английского суффикса в автохтонном словообразовании, что позволяет констатировать факт адаптации иноязычного форманта к русской деривационной системе и его превращения «в “русскую” морфему» [8, с. 241].

В то же время в исследованиях многих лингвистов отмечается, что данный суффикс участвует в возникновении, как правило, окказиональных образований, преимущественно на уровне игровых речевых практик, эксплуатирующих ощущаемую носителями языка генетическую чужеродность суффикса [3; 9; 16]. Такие неологизмы, как *монастыринг* или *болотинг*, независимо от реальных интенций номинаторов, воспринимаются как юмористически окрашенные игровые образования. В качестве основных причин такого восприятия чаще всего указывается присоединение форманта к существительным (в отличие от языка-донора, в котором он присоединяется к глагольным основам) или «оксюморонность» общего звучания производных, в которых исконно русское слово оформляется аффиксом с отчетливо ощущаемым английским генезисом.

Использование инговых форм рассматривается как факт своего рода «параллельного словообразовательного импорта» и интерпретируется как свидетельство лингвокреативности носителей современного русского языка, активным образом экспериментирующих с заимствованным формантом. При этом фокусирование исключительно на практиках неузального русского словообразования, вне учета новейших форм активности форманта *-ing* в практиках носителей английского языка, приводит к недостаточно верифицированным выводам. В большинстве работ соотношение использования суффикса с формами его деривационной активности в языке-доноре ограничивается указанием на его процессуальный характер и присоединение исключительно к глагольным основам.

Целью данной статьи является анализ словообразовательных практик использования суффикса *-ing* в современном английском языке. Гипотеза исследования заключается в том, что новейшие производные с

аффиксом *-ing* в современном английском языке отражают значимые изменения по сравнению с традиционной базовой моделью $V + ing \rightarrow N$. Инговые английские неодериваты свидетельствуют о выходе аффикса за пределы deverбальной деривации со свойственным ей транспозиционным словообразовательным значением и расширении типов структурных моделей, используемых с целью номинации самых разнообразных феноменов, в том числе игрового характера.

Материал и методы исследования

18

Достижение поставленной цели предполагает анализ англоязычных недериватов с учетом обширной синхронно-диахронической перспективы, способной выявить особенности современного этапа образования дериватов с инговой финалью. В связи с этим в качестве основополагающих теоретических положений были использованы труды ученых в области системного описания функционала форманта *-ing* в английском языке [7; 18]. Анализ новейших инговых образований осуществляется на базе ведущих ономаσιологических принципов [23], а также наиболее обширной классификации типов ингового словообразования в современном русском языке, разработанной С.Д. Левиной [16]. Источниками языкового материала послужили данные современных англоязычных интернет-словарей [25] и Корпуса современного американского английского языка [22]. В ходе исследования использовались словообразовательный, этимологический, ономаσιологический, функционально-семантический и количественный методы анализа. В результате применения метода сплошной выборки из вышеуказанных источников общее количество недериватов, вошедших в объект исследования, составило 85 единиц.

Результаты и дискуссия

Зафиксированная в научных работах и лексикографических источниках история функционирования аффикса *-ing* в системе английского языка относится к древнеанглийскому периоду (см. подробнее: [12]). Формант *-ing* (и вытесненный им позже вариант *-ung*), восходящий к протогерманской праформе **inga* / **unga* [24], имел изначально патронимическую семантику в древнегерманских языках (ср. названия известных династий типа *Каролинги*, *Меровинги* и т.п.), однако позднее, участвуя в образовании существительных, так или иначе обозначающих родственные или социальные отношения (др.-англ. *sibling* ('родственник'), *sunping* ('вождь') [24] и т.д.), начал демонстрировать расширение семантики в направлении абстрактных понятий «рода / семьи / социальной общности» и в дальнейшем в сторону метонимического значения части вместо целого: др.-англ. «*fēōrding* — *ƿarƿing* (буквально ¼ часть)» [12, с. 61–62]. Впоследствии это привело к тому, что «уже размытая в семантическом и функциональном отношении словообразовательная парадигма суффикса могла испытать новую переориента-

цию и включить в свои рамки отглагольные образования с абстрактным значением. Именно эта словообразовательная модель становится особенно продуктивной в середине древнеанглийского периода и в более позднюю эпоху» [24]. Таким образом, прототипическое значение форманта было вытеснено новой семантикой, ориентированной на сферу отглагольной деривации, что находит свое отражение в тех ключевых грамматических функциях, которые *-ing* выполняет уже в более поздних периодах развития английского языка.

Рассматриваемый суффикс в современном английском языке участвует в образовании разнообразных грамматических форм и значений [11, с. 55]. Во-первых, *-ing* используется для образования форм *present continuous* — настоящего продолженного времени, указывающих на действия, происходящие в данный момент или в течение определенного периода: *She is reading a book* (Она читает книгу). Во-вторых, *-ing* образует действительные причастия (*present participles*), которые могут выполнять функции прилагательных или входить в состав сложных временных форм, например: *the running water* (текущая вода). В-третьих, инговые формы в английском языке могут функционировать как деепричастия (*gerunds*), обозначающие абстрактные действия и выступающие в роли подлежащего, дополнения или обстоятельства: *Swimming is fun* (Плавание — это весело). Все приведенные выше грамматические категории обозначают осуществляющееся в течение длительного времени действие и выражают в компрессированном виде процессуальную семантику.

Системный характер образования описанных выше инговых форм и их значение в английском языке обуславливают функционирование суффикса в первую очередь как формообразующего форманта, естественным образом участвующего преимущественно в отвербальной деривации. С ономаσιологической точки зрения в рамках данного процесса реализуется транспозиционное словообразовательное значение отвлеченного действия: *reading* ← *to read* + *ing*, *swimming* ← *to swim* + *ing*, *running* ← *to run* + *ing* и т. п. Как известно, словообразовательная транспозиция представляет собой изменение «исходной части речи при образовании нового слова, то есть переход этой части речи в другую часть речи» [19, с. 244], что имеет место в вышеуказанных словообразовательных парах.

Однако анализ новейших инговых дериватов в английском языке позволяет утверждать, что в последнее время носители английского языка расширяют репертуар словообразовательных моделей и спектр их использования в различных сферах номинации. Примечательно, что в английском языке существует сленговое существительное *inging*, обозначающее сам процесс образования производных с соответствующим суффиксом [25], что может свидетельствовать о значимости рассматриваемого типа деривации для носителей английского языка. Более того, тенденция к присоединению к существительным форманта *-ing* негативным образом оценивается отдельными комментаторами. Так, в словаре *Urban Dictionary* приводится следующая цитата: “Prescriptivists

don't enjoy the inging of nouns such as *facebook* into verbs such as *facebooking*. It drives them nuts" («Нормативисты не любят, когда существительные, такие как *facebook*, превращаются в глаголы, такие как *facebooking*. Это выводит их из себя») (здесь и далее перевод наш. — Е.Ш.) [25].

Действительно, как показывает анализ новейших дериватов в английском языке, в качестве мотивирующих основ все чаще используются имена существительные. Заметим, что выделение таких производных требует от исследователя известной осторожности в связи с отсутствием четких границ между лексико-грамматическими классами слов в английском языке и их частеречной полифункциональностью, обусловленной в том числе «грамматическим контекстом» [2, с. 30]. По наблюдениям Т.Б. Астен, «в лексике английского языка более 700 самых общеупотребительных лексем свободно перемещаются из одного класса в другой» [1, с. 15]. Поэтому более корректным для анализа частеречной принадлежности мотивирующей основы представляется выбор только тех лексем, которые не имеют соответствующего глагольного значения.

Большинство инговых производных возникают в молодежной среде и получают быстрое распространение в социальных сетях, однако не находят фиксации в академических словарях современного английского языка. Целая группа дериватов, образованных от существительных, связана с трендом среди англоязычной молодежи различных стран выкладывать свои фотографии в социальных сетях в самых различных позах, изображающих, например, сову или чайник: *owling* (← *owl* 'сова') и *teapotting* (← *teapot* 'чайник'). В онлайн-словаре молодежного сленга Urban Dictionary, который в свободной форме составляется интернет-пользователями, зафиксированы лексемы, относящиеся к той же группе неодериватов, именующих модные в Сети фототренды. Например, *planking* (← *plank* 'доска, плоскость, планка') — лежачее положение лицом вниз на фотографии; *Batmaning* (← *Batman* 'герой комиксов Бэтмен') — разновидность планкинга, предполагающая расположение человека вверх ногами в позиции летучей мыши; *horsemaning* (← *horseman* 'всадник', отсылает к персонажу романа В. Ирвинга «Сонная лощина») — создание оптической иллюзии, при которой человек на фотографии выглядит так, будто его обезглавили и он держит свою голову в руках, хотя на самом деле на фотографии изображены два человека [25], и т.п.

Как видим, производные данной группы, именующие модные интернет-тренды, образуются, с одной стороны, от имен нарицательных, называющих предметы или животных, которым уподобляются на изображениях их авторы, а с другой — от имен собственных, с которыми последние себя ассоциируют. Однако все они демонстрируют иконическую форму номинации, используя в качестве ономаσιологического признака определенные визуальные или поведенческие характеристики объекта, которому они подражают. В качестве мотивирующей основы выступают существительные, именующие прецедентный образ, реальный или вымышленный, воплощенный в произведениях искусства. Неслучайно дериваты данного типа имеют яркую образность и

отличаются прозрачной внутренней формой. В данном случае лингвокреативность англоязычных номинаторов проявляется не только в образном мышлении и интертекстуальных ассоциациях, но и в самом игровом характере номинации, связанном с пародийной культурой, свойственной интернет-пространству.

С лингвокультурной точки зрения инговые номинации данного типа вписываются, на наш взгляд, в общий вектор молодежных анималистических субкультур, самым ярким воплощением которых стал феномен квадробики, получивший в английском языке обозначение *quadrobing* (см. подробнее: [20]). Образование данной номинации тоже довольно интересно, поскольку содержит имплицитную иконичность. Использование в процессе сложения основы латинского происхождения *quattuor* 'четыре' и английского *aerobics* 'аэробика' указывает на практику передвижения животных на четырех конечностях, которым уподобляются последователи движения квадроберов. Авторство слова приписывается японцу Кенити Ито, получившему прозвище «человек-обезьяна» в силу предложенной и апробированной им практики имитации передвижения и прочих навыков животных [20, с. 3735—3736]. Однако анонимные номинаторы, присваивающие названия различным способам позирования для интернет-снимков, не ограничиваются анималистическим рядом, используя в качестве мотивирующих основ пласт культурных имен современного кинематографа и мировой классики.

Другая репрезентативная часть инговых неодериватов в современном английском языке, образованных от нарицательных имен существительных, именуется различные типы поведенческих интерактивных практик. В отличие от рассмотренных нами выше примеров, основанных на метонимии и имеющих достаточно прозрачную внутреннюю форму, данный словообразовательный ряд использует в качестве мотивирующей основы метафорический признак. Например, *ghosting* (← *ghost* 'призрак') обозначает «резкое прекращение каких-либо отношений без предупреждения и объяснения возможных на то причин, игнорирование, партнер становится неуловимым, как “призрак”»; *cushioning* (← *cushion* 'небольшая подушка') имеет значение открытого флирта одного из партнеров, состоящего в отношениях, но преследующего цель прекратить их, в связи с чем человек готовит себя к расставанию, подыскивая «подушку безопасности» в виде новых отношений. *Orbiting* (← *to orbit* 'вращаться по орбите') описывает тип «современных отношений в интернет-пространстве, еще одну разновидность гостинга, когда человек остается “на орбите” у бывшего поклонника — достаточно близко, чтобы видеть друг друга, и достаточно далеко, чтобы никогда не разговаривать». *Submarining* (← *submarine* 'подводная лодка') — разновидность гостинга, молчание после продолжительного общения между пользователями, возобновляющегося через пару месяцев, когда собеседник «всплывает», как подводная лодка. *Stashing* (← *stash* 'заначка') — нежелание партнера объявлять об отношениях в силу религиозных, национальных, расовых или других предрассудков, а также из-за скрытого мотива или предполагаемой возможности найти кого-то «лучше» [25] и т. д.

Потребность современных номинаторов в дериватах такого рода может быть объяснена способностью последних лаконично и метафорически ярко выражать сложные социальные поведенческие модели, что соответствует принципам экономии и выразительности, согласно которым метафора играет «ключевую роль в структурировании нашего концептуального опыта, позволяя выражать новые идеи через знакомые образы» [14, с. 45]. Во-первых, возникновение таких неонимаций подчеркивает возрастающее влияние интернет-психологии и цифровой коммуникации на лексическую инновацию. Цифровая эпоха трансформировала межличностные взаимодействия, породив новые поведенческие паттерны, требующие языкового воплощения. Такие лексемы, как *ghosting* и *orbiting*, напрямую связаны с поведением в онлайн-среде, осуществляемым посредством социальных сетей и мессенджеров, где возможно внезапное прекращение общения или поддержание дистанцированного, пассивного присутствия в цифровой жизни других. Заметим, что о лингвокреативности англоязычных номинаторов может свидетельствовать также тот факт, что некоторые из подобных лексем имеют конкретных авторов. Например, неологизм *орбитинг* был придуман одним из авторов сайта «Man Repeller» Анной Иовин, которая в статье «Орбитинг — новый гостинг, и, возможно, он происходит с вами» описала случай из личной жизни [6].

Подобные инговые дериваты трансформируют статичные существительные (*ghost*, *orbit*) в динамичные процессы, отражая активный, перформативный характер взаимоотношений в виртуальной среде. Распространенность подобных терминов указывает на усиленное внимание общества к межличностным отношениям и их психологическим нюансам, активно обсуждаемым в интернет-пространстве как профессиональными психологами, так и любыми желающими пользователями. Метафоры, заложенные в таких дериватах, как *ghost* (призрачная неуловимость) или *cushion* (защита с помощью подушки безопасности), передают тонкие эмоциональные и стратегические аспекты современных отношений.

Продуктивность номинаций данного типа в английском языке отражает значительный культурный сдвиг в сторону артикуляции и анализа реляционных динамик, особенно в контексте романтических и социальных взаимодействий. Кроме того, Интернет как демократизированное пространство для языкового творчества способствует быстрому распространению и усвоению таких терминов через мемы, вирусные тренды и дискурс в социальных сетях. Инговые производные выступают в роли прагматических маркеров, в лаконичной форме передающих общее культурное знание и социальные нормы внутри специфических дискурсивных сообществ. Например, *гостинг* стал универсально признанным термином в англоязычной и русскоязычной (см.: [21]) цифровой культуре, отражая коллективное понимание определенного реляционного феномена.

Аналогичная номинативная техника свойственна также дериватам отпроприального происхождения, обозначающим типичные поведенческие практики, используя в качестве мотивирующей основы имена

литературных героев или политических деятелей. Таковы, например, образования *marleying* (← *Marley* — Джейкоб Марли, призрак, явившийся персонажу романа «Рождественская песнь»), описывающее появление бывших партнеров исключительно в период праздников, используемых как повод для этого, *gatsbying* (← *Gatsby* — персонаж одноименного романа Ф. Фицджеральда), обозначающее различные демонстративные способы заявления о себе с целью завоевания желанного объекта, *trumping* (← *Trump* — американский президент Д. Трамп), означающее практику избегания ответа на прямой вопрос [25], и т. д.

Отдельную группу составляют дериваты, образованные в результате словосложения, при этом некоторые из них также являются продуктом метафорического переноса. Например, *breadcrumbing* (← *bread* + *crumbs* 'хлебные крошки') — нежелание продолжать отношения или состоять в отношениях при сохранении видимости общения, «подкармливании» партнера обещаниями «на всякий случай»; *catfishing* (← *cat* 'кошка' + *to fish* 'ловить') — модель поведения в социальных сетях, когда человек выдает себя не за того, кем является, с целью получения определенной выгоды; *kittenfishing* (← *kitten* 'котенок' + *to fish* 'ловить') — смягченный вариант кэтфишинга, при котором человек использует свои фотографии, но всячески их улучшает при помощи редакторов, искажает информацию о себе, также преследуя определенную выгоду; *straightwashing* (← *straight* 'гетеросексуал' + *to wash* 'мыть, отмывать') — обозначение персон нетрадиционной ориентации в публичном пространстве как гетеросексуалов с целью реабилитации их репутации [25] и т. д. Такого рода композиты отражают усиление внимания к этическим аспектам цифровой коммуникации и идентичности, что подчеркивает роль языка как инструмента осмысления современных социальных реалий.

Также обращают на себя внимание дериваты, в которых один из повторяющихся компонентов сложного слова начинает приобретать черты так называемых оидных морфем (см. подробнее: [15]), обладающих определенным деривационным значением и функционирующих в рамках одного и того же словообразовательного типа, что сближает его со служебными формантами. К примеру, существительные *fat-shaming*, *age-shaming*, *slut-shaming*, *women-shaming* (← существительное / прилагательное + *to shame* 'пристыжать') [25] обозначают социальную практику критики людей на основании их внешности, возраста, пола, сексуальной ориентации, рода деятельности (*fat* 'толстый', *age* 'возраст', *slut* 'шлюха', *women* 'женщины') и т. п. Тот же механизм наблюдается в образовании дериватов с компонентом *sharing*, обозначающих обмен книгами, фильмами, машинами, музыкой: *booksharing*, *filmsharing*, *carsharing*, *musicsharing* [25] и т. п. «Оидность» компонентов типа *shaming* и *sharing*, на наш взгляд, отражает свойственное современному интернет-пространству стремление к механическому маркированию реальности с помощью емких и удобных в использовании словообразовательных средств, обеспечивающих возобновляемость и повторяемость актов номинации, а также их семантическую прозрачность.

Выводы

Таким образом, проведенный анализ ингового словообразования в современном английском языке подтвердил верность гипотезы о том, что суффикс *-ing* вышел за рамки традиционной девербативной деривации, демонстрируя высокую продуктивность в различных словообразовательных моделях и сферах номинации. Исследование выявило, что в условиях цифровой эпохи и глобализации английский язык активно использует анализируемый формант для создания лексических инноваций, отражающих новые социокультурные реалии, в первую очередь новейшие тренды в области культурно-поведенческих практик.

Лингвокреативность англоязычного номинатора приводит к тому, что в рамках ингового словообразования наблюдаются изменения типологического характера: во-первых, переход от исключительно отглагольной деривации к использованию существительных и имен собственных в качестве мотивирующих; во-вторых, формирование дериватов (в том числе в рамках композитного словообразования) с метафорическим переносом, подчеркивающих психологические и этические аспекты цифровой коммуникации; в-третьих, развитие оидных морфем, таких как *shaming* и *sharing*, которые приобретают черты служебных формантов, обеспечивая семантическую прозрачность и повторяемость номинации. Данные процессы не только свидетельствуют о роли человеческого фактора в языке, и в частности в словообразовании, но и косвенным образом опровергают выводы российских ученых о лингвокреативности в процессе изобретения инговых дериватов как об исключительном свойстве использования форманта в речевых практиках носителей русского языка.

Список литературы

1. Астен Т. Б. Неизменяемые атрибуты в русском языке // Гуманитарные и социальные науки. 2016. №2. С. 10 – 17.
2. Основные понятия переводоведения (отечественный опыт): терминологический словарь-справочник. М., 2010.
3. Боброва А. В. Суффиксы — иноязычный, освоенный, заимствованный (на примере истории группы слов на *ing*, заимствованных из английского языка) // Stephanos. 2018. №2 (28). С. 248 – 255.
4. Вахрамова Э. Р., Иванова Ю. С. Функционирование продуктивного суффикса «-инг» в существительных родственных и неродственных языков на примере семантической группы «спорт» // Современные лингвистические парадигмы: традиции и новации : труды межвуз. лингвистического семинара молодых ученых. Уфа, 2020. С. 32 – 38.
5. Вотякова И. А. Суффикс *ing* в словообразовательной системе современного русского языка // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2020. №1. С. 275 – 282.
6. Встречайте — орбитинг: Почему люди лайкают друг друга, но не общаются? // Wonderzine : [онлайн-журнал]. URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/237901-orbiting> (дата обращения: 10.05.2025).

7. Дорохова Н.И., Тогунوف Б.М. Структурно-семантическая характеристика продуктивных суффиксальных образований научно-технических терминов в современном английском языке в сопоставлении с русским (на материале современного англо-русского морского технического словаря // Вестник Дагестанского научного центра. 2009. №35. С. 44–49.

8. Дьяков А.И. Статика и динамика англицизмов в системе русского языка: многоаспектное лингвистическое моделирование : дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2015.

9. Дьяков А.И. Участие англоязычных морфем в русском словообразовании // Филология и человек. 2012. №2. С. 43–56.

10. Дьяков А.И., Скворецкая Е.В. Суффикс *инг* завоевывает свои позиции в русском словообразовании // Сибирский филологический журнал. 2013. №4. С. 180–186.

11. Ермачкова О. Англицизмы на *инг* в русском и словацком языках // Филологический класс. 2020. №1. С. 51–61.

12. Жердева М.О. Суффикс *ing/ung* в истории английского языка // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. 2003. №4. С. 60–62.

13. Коряковцева Е.И. Словообразовательные ресурсы новых функциональных стилей славянских языков // *Slowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków slowiańskich = Word-Formation and the New Functional Styles of Slavic Languages: Papers in Thematic Session: XV International Congress of Slavists: Belarus, Minsk. Siedlce*, 2013. С. 9–38.

14. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. М., 2004.

15. Левашов Е.А. От редактора // Козулина Н.А., Левашов Е.А., Шагалова Е.Н. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника. СПб., 2009. С. 3–8.

16. Левина С.Д. Адаптация иноязычной морфемы *инг* в русском языке начала XXI в. // *Verba. Северо-Западный лингвистический журнал*. 2023. №1 (6). С. 34–47.

17. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М., 2016.

18. Мешков О.Д. Словообразование в современном английском языке. М., 1976.

19. Усачёв В.А., Усачёва Г.М. Словообразовательная транспозиция английского языка // Менеджер. 2016. №4 (78). С. 243–249.

20. Шкапенко Т.М., Городецкая Е.А. Современные анималистические субкультурные практики и их прецеденты в русской лингвокультуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, №10. С. 3734–3738.

21. Якушина О.И. Современные цифровые средства коммуникации и их влияние на построение личных отношений // Теория и практика общественного развития. 2023. №7 (183). С. 97–106.

22. *Corpus of Contemporary American English*. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 12.05.2025).

23. Dokulil M. Tvoření slov v češtině // *Teorie odvozování slov*. Praha, 1962. S. 191–219.

24. *Online Etymology Dictionary*. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 16.05.2025).

25. *Urban Dictionary*. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 31.05.2025).

Об авторе

Евгений Владимирович Шаповаленко — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: eshapovalenko@kantiana.ru

E. V. Shapovalenko

NEODERIVATIVES WITH THE SUFFIX *-ING* IN MODERN ENGLISH

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 07 June 2025

Accepted 29 August 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-2

26

To cite this article: Shapovalenko E. V., 2025, Neoderivatives with the suffix *-ing* in modern English, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №4. P. 16—26. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-2.

The features of the functioning of the formant -ing in modern English are examined from a synchronic-diachronic perspective, with a focus on the adaptation of the suffix to new nominative tasks in the context of the digital era. Within the framework of the onomasiological approach, the cognitive and structural mechanisms of neologism formation are described, based on the expansion of traditional verbal derivation through the use of appellative and proper nouns as motivating bases. The replenishment of the repertoire of derivational models of -ing word formation in English is established, manifested in the emergence of compound derivatives based on metaphorical transfer. The suffix itself undergoes changes, evolving toward an affixoid that participates in the formation of compound nouns. The specific features of the functioning of English neologisms in the Internet space are identified, reflecting changes in sociocultural and behavioral practices. The semantics of the neologisms are described, and the cultural and cognitive factors ensuring the high productivity of the suffix in naming new phenomena, including youth subcultures and social media trends, are revealed. It is concluded that speakers of modern English demonstrate linguistic creativity, using the formant in various structural models to nominate diverse phenomena that possess axiological significance at the present stage of societal development.

Keywords: *ing* word formation, suffix *-ing*, affixoid, derivational model

The author

Dr Evgeny V. Shapovalenko, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: eshapovalenko@kantiana.ru

Я. А. Манукян

ОЛЬФАКТОРНАЯ ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В КОНТЕКСТЕ ВОЙНЫ

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию 08.11.2024 г.

Принята к публикации 06.06.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-3

27

Для цитирования: Манукян Я. А. Ольфакторная оппозиция «свой – чужой» в контексте войны // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. №4. С. 27 – 38. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-3.

Исследование направлено на описание и интерпретацию запаха как знака «своего» и «чужого» в контексте войны. Материалом для анализа послужили текстовые фрагменты на русском и немецком языках, содержащие отсылки к процессам обоняния; фактологический материал извлекался из художественной литературы, посвященной событиям двух мировых войн. Исследовательский вектор строился с учетом того, что смысловые и символические коннотации запахов тесно связаны с социокультурным контекстом; ольфакторный опыт субъективен. Доказано, что запах в дискурсе войны выполняет две ключевые функции – оценочную и функцию границы; ольфакторный образ «своего» и «чужого» формируется под влиянием экстралингвистических факторов (война, концентрационный лагерь, пропагандистские нарративы и др.); запах выступает как инструмент разграничения, реже – как инструмент объединения и наделяется дополнительными когнитивно-семиотическими смыслами. Выделены и проанализированы три ольфакторные модели: «свои запахи – чужие запахи», «запахи чужой земли», «запах как стигма». Сделан вывод о том, что в условиях войны ольфакторные образы «своего» и «чужого» создаются путем социальных, этнокультурных, идеологических сравнений; как следствие, обонятельные впечатления отражают впечатления ментальные.

Ключевые слова: «свой – чужой» / «свое – чужое», запах, ольфакторный, война, концентрационный лагерь Освенцим

Введение

В российской лингвистике наблюдается устойчивый интерес к ольфакторной проблематике (подробнее об этом см.: [1]). Ольфакция привлекает внимание и западных ученых [2–5]. Однако несмотря на большое количество уже имеющихся научных трудов, запах в рамках оппозиции *свой – чужой* еще не становился предметом специального научного изучения. А между тем, как считает голландский психолог П. Врон, из всех чувств обоняние, вероятно, лучше всего выполняет функцию различения «я» и «не-я» [6].

Цель настоящего исследования заключается в описании, анализе и интерпретации запахов в рамках оппозиции *свой – чужой / свое – чужое* в условиях войны, когда категория чужести получает наивысшую актуализацию как в общественном метадискурсе, так и в индивидуальном сознании – потенциально опасный «чужой» становится врагом (подробнее об этом см.: [7, с. 32–67]).

Анализируя запахи в рамках указанной оппозиции, мы исходили из следующих положений: а) смысловые и символические коннотации запахов тесно связаны с социокультурным контекстом, с индивидуальным опытом оценивающего субъекта [8, с. 8; 9, с. 93; 10, с. 108]; б) в общественной жизни запахи участвуют в качестве парадигмы идентификации мира и взаимодействия с ним [11, с. 48].

Филолог и историк культуры О.Б. Вайнштейн вслед за парфюмером Эдмоном Рудницка описывает функционирование обоняния по следующей схеме: «Эта схема предполагает несколько этапов: действие пахучего вещества – возбуждение обонятельных рецепторов – выработка “ольфакторного послания” – обонятельное впечатление. Из них для нас наиболее интересна стадия оформления “послания”, поскольку именно в этот момент активно подключается смысловое поле культуры: “возбуждение, чтобы вызвать общую реакцию, сначала переводится и кодируется”, а затем уже передается через нервные импульсы в головной мозг, где этот сигнал соотносится с другой информацией, то есть попадает в знаковое поле и дешифруется как приятный или неприятный, опасный или, быть может, расслабляющий; далее уже следует реакция на уровне поведения и социальных императивов. Таков самый условный алгоритм обонятельного впечатления: его траектория ведет от природы к культуре» [8, с. 10–11]. Другими словами, ольфакторное восприятие имеет культурно-историческую динамику, обонятельный паритет не может быть вневременным и статичным. Отсюда – субъективно-оценочная составляющая одорической лексики. Соответственно, следует говорить не о дискурсе запахов вообще, а о дискурсе запахов определенной эпохи, среды, которые и формируют ольфакторную шкалу *хорошо / плохо*. При таком подходе к исследованию одоремы представляют собой бесценные ключи для выявления некоторых скрытых смыслов, отражают социокультурные и исторические реалии.

Гипотеза исследования состоит в том, что ольфакторный образ «*своего*» и «*чужого*» формируется под влиянием экстралингвистических факторов; запах выступает как инструмент разграничения, реже – как инструмент объединения и наделяется дополнительными когнитивно-семиотическими смыслами.

Фактологической базой исследования стали текстовые фрагменты на русском и немецком языках, содержащие отсылки к процессам обоняния. Материал для анализа извлекался из художественной литературы, посвященной событиям двух мировых войн.

В работе применен интерпретативный анализ, способствующий «дешифровке» запаха, упоминаемого в текстовом фрагменте, благода-

ря знаниям контекста, равно как и фактов, выходящих за пределы языка. Дополнительными методами исследования стали описательный, сравнительный методы, элементы лингвокультурологического и лингвокогнитивного анализа.

Отмеченная выше активизация интереса к изучению ольфакции подтверждает актуальность выбранной темы. Научная новизна исследования продиктована необходимостью специального изучения смыслов и функций запахов в разных дискурсах (парфюмерный, любовный, геронтологический и др.), иллюстрирующих различную оценку запаха.

Результаты и выводы проведенного исследования, расширяя и углубляя наши представления о дискурсивной типологии запахов, способствуют дальнейшему развитию сенсорной лингвистики в целом и ольфакторной в частности.

Результаты и обсуждение

Оппозиция *свой – чужой*, как указывает Ю.С. Степанов, представляет собой сложное, многомерное образование и является одним из основополагающих концептов ментального поля всякой культуры. Это та сфера, «где само противопоставление создается не только объективными данными, но и их субъективным отражением в сознании» [12, с. 126 – 127]. Как показывает дальнейшее исследование, проблема взаимодействия *своего* и *чужого* проявляется и на ольфакторном уровне.

Этнолингвист и антрополог Г.И. Кабакова отмечает: «Человек ничем не пахнет до тех пор, пока остается в “своей” среде; лишь болезни да скрытые пороки проявляются через дурные запахи. Упоминание о неприятном запахе, кроме того, встречается в описании “чужого”: человека иной нации, культуры, иного социального происхождения» [13, с. 40]. Для нашего исследования в рассуждениях Кабаковой показательно следующее замечание: «не пахнет до тех пор, пока остается в “своей” среде», то есть пока индивид пребывает в родной, привычной для него ольфакторной среде. И второе: «упоминание о неприятном запахе... встречается в описании “чужого”», то есть понятие чужести, выступая как когнитивный маркер, сопрягается с плохими, неприятными запахами. В связи с этим обратимся к следующему утверждению А.И. Татарниковой, исследовавшей санитарно-гигиеническую культуру аборигенного населения Тобольской губернии второй половины XIX в. через ее восприятие представителями местной русской интеллигенции: «Неудовлетворительное санитарно-гигиеническое состояние жилищ “сибирских дикарей” порождало массу неприятных, скверных запахов, которые характеризовались описателями быта аборигенов как “зловонные”. Между тем самими обитателями жилых помещений запахи плесени, гниения, сырости, тухлые запахи не воспринимались так остро. <...> Зловонный запах в представлении местной интеллигенции был своего рода визитной карточкой “чужих” народов, населяющих край. Образ “инородца” устойчиво ассоциировался у авторов газетных публикаций с дурным запахом» [14, с. 130].

В приведенной цитате оценивание *чужих* запахов протекает в рамках оппозиции «цивилизация» – «варварство», оценка дается с опорой на *свои* «эталонные» ощущения. Как следствие, формируется негативный одорический образ «туземца».

Рассуждения Г. И. Кабаковой и А. И. Татарниковой подтверждаются результатами эксперимента, который описан в работе социолога А. Г. Левинсона «Повсюду чем-то пахнет». Запахи родного и чужого дома, по его словам, сильно разнятся. В ходе эксперимента было установлено, что в формировании перцептивного образа концепта «Свой дом» участвуют многочисленные факторы: это запах материалов (дерево), красок (пола, стен), тканей (шторы, одежда), разнообразных хранимых веществ, газа, перца, хлорки. В чужом доме гости чувствуют запах уборной, еды, домашних питомцев, табака, идентифицируют по запаху национальную принадлежность хозяев, их социальный статус и культурные традиции [15, с. 12–13]. С некоторыми допущениями можно сказать, что запахи, которые респонденты чувствуют в своем доме, выражают такие понятия, как «уют», «чистота». Иначе пахнет у чужих. Здесь запахи «кричащие», порой отталкивающие.

В 2004 г. эксперт в области запахов и художница Сиссель Толаас реализовала специфический урбанистический проект NOSOEAWWE, цель которого заключалась в том, чтобы проиллюстрировать ольфакторные предрассудки жителей немецкой столицы. Для реализации проекта были отобраны четыре района Берлина, образующие ключевые точки городского ландшафта: Райниккендорф (в округе преобладают запахи лестниц, пропитанных потом тренажерных залов и недорогого алкоголя), Нойкёльн (благоухает ароматами крепкого табака, мяса, поджаренного на гриле, подсолнечного масла и турецкой сдобы), Митте (в этом районе доминируют кофейни Starbucks, суши-рестораны и модные бары) и Шарлоттенбург (известен своими дорогими бутиками и первоклассными спа-салонами). Ответы информантов, участвовавших в опросе, показали, что чужие ароматы и запахи вызывают у них напряжение, враждебность. По мнению самой художницы, «ни один запах не является вонью: таким его делают наши представления». Анализируя данный проект, Джим Дробник¹ приходит к выводу о том, что «традиционные ольфакторные дискурсы не являются ни естественными, ни очевидными»; «обоняние — нечто большее, нежели просто пассивное восприятие; этот процесс включает в себя оценочную, мыслительную и агентную деятельность» [16].

В настоящей статье выделены следующие ольфакторные модели: 1) «свои запахи — чужие запахи»; 2) «запахи чужой земли»; 3) «запах как стигма». В рамках данных моделей анализируются и интерпретируются различные ольфакторные фреймы и фрейм-сценарии, образуемые отношениями сопоставления и противопоставления. Перейдем к их описанию.

¹ Автор книги «Акустические культуры» (*Aural Cultures*, 2004) и хрестоматии по запахам (*The Smell Culture Reader*, 2006).

1. **Ольфакторная модель «свои запахи — чужие запахи».** Приведем несколько текстовых фрагментов, иллюстрирующих восприятие чужих запахов:

(1) *Чужой запах шел от американских касок. При братании с союзниками их приходилось надевать. У них они были двойные: одна из прессованного картона, а на нее надевалась вторая — стальная* [10, с. 116].

(2) *Лес был полон указок, причем чаще всего на них были написаны цифра 5 и буква W. Повсюду был запах немца, фрица, ганса, германца, фашиста, — запах постылый и презираемый* [17].

(3) *Пахло от немца каким-то чужим запахом: и табаком не таким, и одеждой другой, и даже потом другим...* [18].

31

Обонятельное воплощение «чужого» находит свое отражение и в следующем контексте. После ухода русских солдат в доме немцев остался чужой запах, что можно интерпретировать как символическое присутствие врага, запах здесь — нечто чуждое, что вторглось в привычную атмосферу немецкой семьи:

(4) *Die Russen standen mitten im Zimmer. Sie fragten: „Soldatt?“ Alle verneinten, der Vater entschloß sich, sein Holzbein vorzuweisen, sie nickten dazu. <...> Schließlich ging er schweigend aus dem Zimmer, die beiden Soldaten verließen das Haus, zurück blieb ein fremder Geruch* [19].

Обращает на себя внимание тот факт, что одоремы *чужой запах; пахло чужим запахом; запах немца, фрица, ганса, германца, фашиста; ein fremder Geruch* — это запахи без собственно запаха. Распознавание чужого происходит по формуле «пахнет по-другому / иначе», ольфакторная оценка осуществляется через призму концепта «Враг». Соответственно, запахи могут выступать как «заместители» тех или иных ощущений, то есть домысливаться.

Рассмотрим контексты, которые иллюстрируют восприятие запахов в рамках категории *свой / свое*.

Автор книги «Человек ли это?» Примо Леви, арестованный нацистами как член итальянского антифашистского движения в феврале 1944 г., повествует о своем жизненном опыте в концентрационном лагере Освенцим:

(5) *Schade, denn einen Bettkameraden zu haben, dem man Vertrauen schenken oder mit dem man sich wenigstens verstehen kann, ist ein unermesslicher Vorteil; außerdem ist es jetzt Winter, und die Nächte sind lang, und wenn wir schon einmal gezwungen sind, Schweiß, Geruch und Wärme mit jemandem zu teilen, so ist es doch sehr wünschenswert, es möge dies ein Freund sein* [20, S. 33].

Пример показывает, что при определенных обстоятельствах запах, который в условиях насильственно навязанной интимности есть не что иное как зловоние, не только не оценивается отрицательно, но и становится для узника Освенцима возможностью для сближения и шире — стратегией для выживания. С этой точки зрения процитируем Дж. Дроб-

ника: «...человеческое обоняние, под влиянием сентиментальных и эмоциональных душевных порывов, способно сообщать значимость необычным и даже неприятным запахам» [16].

Для того чтобы сравнить восприятие неприятного запаха в разных контекстах, приведем следующий текстовый фрагмент. Главный герой романа Г. Канта «Остановка в пути» Марк Нибур, находясь в плену, попадает в лазарет. Здесь главной темой становится резкий, отвратительный запах, из-за которого нет места дружбе:

(6) *Für Freundschaft war dies kein Ort; man wohnte zu eng, und man stank zu sehr* [21, S. 40].

Таким образом, неприятный запах в примере (5) выступает символом сближения, тогда как в примере (6) аналогичный запах становится преградой для дружбы.

Запах пота как знак «своего» иллюстрирует текстовый фрагмент из романа Ю. В. Бондарева «Горячий снег». Описывая встречу сына с отцом, писатель приводит следующую ольфакторную деталь:

(7) *Виктор неловко ткнулся губами в край его рта, и Бессонов поцеловал его в горячую щеку, ощутив сладковатый запах чистого мальчишеского пота от его гимнастерки* [22].

Отметим, что синестема *сладковатый запах* (запах > вкус), относимая к метафорам когнитивного круга, не только имплицитно указывает на юный возраст сына, но и несет дополнительную смысловую нагрузку, кодируя чувственную и эмоциональную оценку.

2. *Ольфакторная модель «запахи чужой земли»*. Согласно Н. Л. Зыховской, «при попадании в чужое пространство активизируется “животное” начало — инстинкт самосохранения “включает” обоняние, помогающее анализировать новое место, чтобы заключить, враждебно (опасно) оно или нет» [23, с. 104]. Имеющийся в нашем распоряжении фактологический материал подтверждает данное наблюдение. Приведем контексты, иллюстрирующие этот процесс «принюхивания» (Н. Л. Зыховская) к пространству в условиях войны на территории противника:

(8) *Es riecht wie in den Gängen eines Hospitals. Es riecht nach Chlor und allen möglichen Dingen. Diesen Geruch habe ich schon heute morgen verspürt, als wir uns dem Argonnerwald näherten. Dieser ganze Wald, trüchtig von Feuchtigkeit, Erde und Wurzeln, hat diesen **sonderbaren Geruch** angenommen. Er stammt von den Gasbomben der Franzosen, von den Gasen der stündlich einschlagenden Granaten, von den Massengräbern, die mit Chlorkalk zugeschüttet sind* [24].

В примере (9) главной темой становится *чужой, опасный* запах:

(9) *Graeber stapfte den Weg um das Dorf herum. Das mondlose Licht verschob alle Perspektiven. Der Schnee fing es irgendwoher und warf es zerstreut zurück. Häuser erschienen ferner und Wälder näher, als sie waren. **Es roch nach Fremde und Gefahr*** [25].

Следующий пример показывает, как география военного конфликта и исторические факты влияют на восприятие запахов. Роман Э.М. Ремарка «Время жить и время умирать» начинается с описания запахов смерти, и если в Африке смерть имеет *сладкий, удушливый, тяжелый* запах, то в России смерть *зловонная* (запах как символ колоссального поражения нацистской Германии в войне против СССР):

(10) *Der Tod roch anders in Rußland als in Afrika. In Afrika, unter schwerem englischem Feuer, hatten die Leichen zwischen den Linien auch oft lange unbeerdigt gelegen; aber die Sonne hatte schnell gearbeitet. Nachts war mit dem Winde der Geruch herübergekommen, süß, stickig und schwer... In Rußland war es ein scmieriger, stinkender Tod* [25].

33

Обоняние тесно связано с памятью человека. «Запахи — пусть даже на бессознательном уровне — регистрируются мозгом» [11, с. 46] и могут спровоцировать глубокую эмоциональную реакцию. Так, запахи войны (крови, пороха, земли, смерти, пепла) как личное воспоминание, связанное с определенными местами прошлого, представлены в следующих текстовых фрагментах:

(11) *Die kahlen Felder der Schlacht liegen vor ihm. In der ungewissen Dämmerung sind sie ein aufgewühltes und erstarrtes Meer, ein versteinertes Sturm. Rahe spürt den fahlen Dunst von Blut, Pulver und Erde, den wilden Geruch des Todes, der immer noch in dieser Landschaft ist und Gewalt hat* [26].

(12) *Damit läßt er den Graben hinter sich, springt auf und greift selber wieder an. Aber das ist jetzt nicht mehr Karl Broeger, der Mann mit Bankgeschäften und Fußballnachrichten; das ist ein ganz anderer, zehn Jahre Jüngerer, dies ist Unteroffizier Broeger, den die Erde wieder gepackt hat, der wilde Aschengeruch der Schlachtfelder und die Erinnerung, die wie ein Wirbelwind auf ihn einstürmt* [27, S. 27].

3. Ольфакторная модель «запах как стигма». Рассмотрим пример, в котором запах¹ в контексте Первой мировой войны включается в нарратив в качестве активного участника событий и выступает как яркий маркер «обонятельной идеологии», сложившейся под влиянием определенных нарративов. Историк Д. Дендувен пишет:

(13) *Во Франции была широко распространена идея, что немцы распространяют отвратительный запах. Он наполнял местность, которую они занимали, даже за пределами уборных, которыми они, казалось, отмечали свое присутствие... Частные дневники, письма и статьи в печати свидетельствуют об устойчивой вере в отличный немецкий запах. Это был глубоко укоренившийся предрассудок, который разделяли даже люди науки. Доктор Эдгар Берильон объяснял ужасный запах, исходящий от немцев, как результат эмоциональной несдержанности, вызывавшей чрезмерное потоотделение (цит. по: [28, с. 81]).*

Итак, в примере речь идет о запахе исключительно сильном и, что особенно важно, это запах национальный: образу здорового и потому

¹ Мы полагаем, что в данном текстовом фрагменте речь идет о запахе пота.

лишенного неприятного запаха участника антигерманской коалиции противопоставлен ольфакторный образ больного и потому смердящего немецкого тела (ср. с наблюдением Г.И. Кабаковой: «лишь болезни да скрытые пороки проявляются через дурные запахи» (курсив наш. — Я.М.) [13, с. 40]).

Обозначим, какие именно когнитивные параметры задают восприятие запаха и тем самым моделируют пейоративный ольфакторный образ *чужого*. Это, во-первых, *война*, во время которой вопрос о чужом как враге особо заострен: так, в период Первой мировой войны британская пропаганда находила у солдата-немца черты «варвара», повадки «зверя», а сама Германия осмыслялась как «мировое зло»; уничижительному переосмыслению подвергался и образ кайзера, который в британских материалах агитационной направленности был представлен как «мясник» и «главный военизированный актер» [29, с. 140]. И, во-вторых, *националистический дискурс*, характерный для политики практически всех участвовавших в Первой мировой войне стран.

Отметим и другой аспект. Немцы, определяя культуру через чистоту, связывали с последней идею порядка. Грязь с позиций немецкой этнокультуры — это покушение на порядок как на национальную ценность [30, с. 196]. Соответственно, отвратительный запах, якобы исходящий от немецкого военнослужащего, выступает как инструмент деконструкции образа «белокурого героя» — носителя германской культуры как единственной истинно европейской, а сам «запаховый след», демонизирующий противника и одновременно с этим являющийся ядром оппозиции, противопоставляющей категории «варварства» и «европеизма», становится одним из неотъемлемых фреймовых составляющих таких концептов, как «Враг» и «Война».

Представляется интересным сопоставить репрезентацию неприятного запаха у Леви (пример (5), где он служит мостом для сближения) и у Бондарева (сладковатый запах пота, исходящий от сына, в примере (7)) с ольфакторной характеристикой, данной немцам военнослужащими антигерманской коалиции: запахи одинаковые, восприятие разное. В примере из Д. Дендувена запах — это ненависть по отношению к врагу, выраженная языком перцепции.

Негативные этнические стереотипы, навешивающие ярлыки на представителей другого народа, иллюстрирует и следующий пример. События разворачиваются в лагере для немецких военнопленных; лагерный быт описывается одним из заключенных через дискурс антисемитизма:

(14) *Nicht daß wir etwas gegen einen gehabt hätten, der sich die Russen vornahm oder die Bolschewisten, aber Edwin hatte es ausschließlich mit den Juden, und alles, was er dazu sagte, war von einer geradezu manisch schmutzigen Art, und es gehörte unter uns schon etwas dazu, als besonders schmutzig aufzufallen. Edwin schaffte das, indem er die Suppe Judenpisse nannte und die Wanzen Zionstöchter, und auf der Latrine stank es ihm natürlich immer wie in einer Synagoge...* [21, S. 124].

В примере (15) посредством запаха формируется негативная самоидентификация. Узник Освенцима Примо Леви, будучи дипломиро-

ванным химиком, был отобран руководством лагеря для «специальных» работ на заводе по производству искусственного каучука. Один из заключенных рассказал, что химики должны сдавать экзамен. В своих рассуждениях главный герой с ужасом представляет, как он — голодный, с дрожью в коленях и с исходящим от него особым запахом заключенного — будет сдавать экзамен немецкому профессору:

(15) *Mit unserem ständigen Gefährten Hunger werden wir vor ihm erscheinen, und es wird schwer sein, mit unseren unsicheren Knien ruhig zu stehen, und bestimmt wird er diesen Geruch an uns wahrnehmen, der uns inzwischen vertraut ist, aber in den ersten Tagen dauernd verfolgte: den Geruch von Rüben und Kohl, roh, gekocht und verdaut. <...>*

Dann ist Alex in den Chlormagnesium-Keller gekommen und hat uns sieben zur Prüfung abgeholt. Und nun gehen wir hinter ihm her wie sieben unbeholfene Küken hinter der Glucke, die Stiege zum Polymerisations-Büro hinauf. Da stehen wir auf dem Treppenabsatz, an der Tür ist ein Schild mit den drei wohl bekannten Namen [20, S. 57 — 58].

35

В данном текстовом фрагменте запах выполняет несколько функций. Во-первых, запах, о котором говорится в примере, выразительно маркирует ольфакторный ландшафт концлагеря Освенцим (*diesen Geruch... der uns inzwischen vertraut ist*) и предстает как знак-символ не только целого коллектива, но и данного типа коллективности. Во-вторых, запах выступает как средство репрессии: главный герой стыдится своего запаха (*bestimmt wird er diesen Geruch an uns wahrnehmen... den Geruch von Rüben und Kohl, roh, gekocht und verdaut*). С этой точки зрения интересно наблюдение Е. А. Жирицкой: «...запах не может превратиться в средство репрессии, если сам репрессируемый не расценивает его как унижающий» [31, с. 178]. В-третьих, запах, о котором пишет Леви, можно интерпретировать и как своеобразный инструмент разделения пространства на лагерное и окололагерное (химический завод рядом с лагерем). Разделение проходит в рамках оппозиции *мы* и *они*. *Мы* — это узники Освенцима, для которых тяжелый запах репы и капусты стал неотъемлемой составляющей, ольфакторной нормой их лагерного бытия, *они* — экзаменаторы, которые обязательно почувствуют *этот* запах. В дополнение отметим, что сам нарратор осмысляет запаховый «разрыв» между ольфакторной нормой и ольфакторной реальностью, только покидая пределы лагеря, пусть даже и мысленно рассуждая о том, какое негативное впечатление произведет на экзаменаторов исходящий от него запах, то есть при «переходе» границы из своего (= привычного) одорического пространства, находящегося ниже черты социальной ценности (лагерь как таковой), в иное одорическое пространство (химический завод), расположенное за пределами лагеря.

Итак, ольфакторная оценка *своего* и *чужого* в контексте войны формируется не столько за счет объективных факторов, сколько в качестве отражения субъективного восприятия запаха в сознании. Связь между воспринимаемым запахом и порождаемой оценкой носит ярко выраженный аксиологический характер.

Выводы

Проанализированный репертуар запахов позволяет подвести следующие итоги.

Проведенное исследование подтвердило выдвинутую гипотезу. Ольфакторные образы *своего* и *чужого* конструируются путем социальных, этнокультурных, идеологических сравнений. Как результат, перцептивные впечатления отражают впечатления ментальные. Одоремы в дискурсе войны выполняют две магистральные функции — *оценочную* и функцию *границы*. В рамках данных функций запах проявляется как сигнальный, ориентировочный знак:

1. Ольфакторное измерение *своих* получает положительную характеристику. Взаимодействие с врагом сопровождается обнаружением именно *чужих*, а не других запахов. Из концептуальной триады *свой* — *иной* / *другой* — *чужой* выпадает категория *иной* / *другой*.

2. Запахи *чужого* пространства характеризуются отрицательно: а) осмысляются как потенциальная угроза, при этом описание запахов может не детализироваться, важно указать только, что незнакомая местность имеет отличительный или опасный запах; б) оценка ольфакторного ландшафта формируется в зависимости от места военных действий и/или исторических событий. Запах обладает властью над человеком и при определенных обстоятельствах может активизировать деструктивные воспоминания о пережитом военном опыте.

3. Ольфакторная модель «запах как стигма» реализуется в крайних негативных формах, переходящих в эмоциональную враждебность по отношению к представителям другой этнокультуры. Отторжение осуществляется не столько в рамках оппозиции *свой* — *чужие*, сколько по оппозиции «*высшие*» с характерным для них ольфакторным нейтралитетом — «*низшие*» с характерным для них зловонием. Приведенные текстовые фрагменты в рамках данной модели иллюстрируют вектор движения от, условно говоря, простых запахов (ср., например, с моделью «*свои запахи* — *чужие запахи*») к сложным, контекстуально обусловленным одоремам с повышенной символической нагрузкой, репрезентирующим статусно-ролевую ольфакторную стратификацию. В рамках данной модели запах — это репрессивный инструмент и, шире, когнитивный конструкт, отображающий властные отношения.

Список литературы

1. Зыховская Н.Л. Изучение теории одорической вербализации в отечественной филологии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2012. №25. С. 10 — 13.
2. Gschwind J. Repräsentation von Düften. Augsburg, 1998.
3. Holz P. Die Sprache des Parfums: Eine empirische Untersuchung zur Grammatik, Metaphorik und Poetizität des Parfumwerbetextes. Hamburg, 2005.
4. Majid A., Burenhult N. Odors are expressible in language, as long as you speak the right language // Cognition. 2014. Vol. 130, №2. P. 266 — 270.
5. Kaczmarek H. Weingeschmack und -geruch im önologischen Diskurs // Linguistische Treffen in Wrocław. 2024. Vol. 25 (1). S. 105 — 115.

6. Климентьев М. Специи для ума: истоки современной западной парфюмерии // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. 2012. №26. С. 293–318.
7. Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997.
8. Вайнштейн О. Б. Грамматика ароматов // Ароматы и запахи в культуре. М., 2010. Кн. 1. С. 5–13.
9. Нарский И. В. Можно ли разнюхать (советское) прошлое? Возможности и трудности культурной истории обоняния // Мир историка и пространство истории. Челябинск, 2018. С. 92–117.
10. Костяев А. И. Ароматы и запахи в истории культуры: Знаки и символы. М., 2022.
11. Классен К., Хоувз Д., Синнот Э. Значение и власть запаха // Ароматы и запахи в культуре. М., 2010. Кн. 1. С. 43–51.
12. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2004.
13. Кабакова Г. И. Запахи смерти // Ароматы и запахи в культуре. М., 2010. Кн. 2. С. 40–49.
14. Татарникова А. И. Чем пахнут «Чужие»: санитарно-гигиеническая культура аборигенного населения Тобольской губернии второй половины XIX в. (по материалам сибирской прессы) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. №4 (23). С. 127–132.
15. Левинсон А. Г. Повсюду чем-то пахнет // Ароматы и запахи в культуре. М., 2010. Кн. 2. С. 7–39.
16. Дробник Д. Город: дистилляция // Теория моды: одежда, тело, культура. 2012. №26. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2974> (дата обращения: 18.05.2024).
17. Казакевич Э. Г. Звезда. М., 1963. URL: <https://lib.ru/PROZA/KAZAKEWICH/zvezda.txt> (дата обращения: 02.05.2024).
18. Кондратьев В. Л. Сашка. URL: <https://militera.lib.ru/prose/russian/kondratyev1/01.html> (дата обращения: 12.06.2024).
19. Kohlhaase W. Erfindung einer Sprache und andere Erzählungen. URL: https://www.google.ru/books/edition/Erfindung_einer_Sprache_und_andere_Erz%C3%A4hlungen/RBodEAAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения: 10.05.2024).
20. Levi P. Ist das ein Mensch? München ; Wien, 1988.
21. Kant H. Der Aufenthalt. Berlin, 1977.
22. Бондарев Ю. В. Горячий снег. URL: https://mcbs-plast.chel.muzkult.ru/media/2020/04/25/1255470050/Bondarev_Yuriy_Vasilyevich_Goryachiy_sneg_-_The_Lib_Ru.pdf (дата обращения: 18.05.2024).
23. Зыховская Н. Л. Поэтика запаха в чужом пространстве // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. №2. С. 103–107.
24. Kellermann B. Der Krieg im Westen: Kriegsbericht aus Frankreich. URL: https://www.google.ru/books/edition/Der_Krieg_im_Westen/t6HiEAAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения: 11.04.2024).
25. Remarque E. M. Zeit zu Leben und Zeit zu Sterben. URL: https://deutschzusammen.usite.pro/Remarque-Zeit_zu_Leben_und_Zeit_zu_Sterben.pdf (дата обращения: 18.04.2024).
26. Remarque E. M. Der Weg zurück. URL: <https://www.rulit.me/books/der-weg-zur-read-269608-1.html> (дата обращения: 12.04.2024).
27. Remarque E. M. Karl Broeger in Fleury. Köln, 1993. URL: <https://inozmi.wordpress.com/wp-content/uploads/2014/05/remarque-erich-maria-der-feind.pdf> (дата обращения: 17.04.2024).
28. Голубинов Я. А., Жердева Ю. А. Низкий юмор в карикатурах Первой мировой: переосмысление образов войны юными художниками // Уральский исторический вестник. 2019. №3 (64). С. 75–83. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-3\(64\)-75-83](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-3(64)-75-83).

29. Ульянов П.В. Эволюция содержания «образа врага» (по отношению к Германии) в британской пропаганде в период Первой мировой войны : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2016.

30. Фетисова Т.А., Медяков А.С. «Грязный злой русский». Образ России на немецких открытках Первой мировой войны // Вестник культурологии. 2019. №3 (90). С. 193–197.

31. Жирицкая Е.А. Легкое дыхание: запах как культурная репрессия в российском обществе 1917–1930-х годов // Ароматы и запахи в культуре. М., 2010. Кн. 2. С. 167–269.

Об авторе

38

Янис Ашотович Манукян — канд. филол. наук, ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: manukyanyanis@rambler.ru

Ya. A. Manukyan

OLFACTORY OPPOSITION OF “ONE’S OWN – ANOTHER’S” IN THE CONTEXT OF THE WAR

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Received 08 November 2024

Accepted 06 June 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-3

To cite this article: Manukyan Ya. A., 2025, Olfactory opposition of “one’s own – another’s” in the context of the war, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №4. P. 27–38. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-3.

The study is aimed at describing and interpreting smell as a sign of “one’s own” and “the other” in the context of war. The material for analysis consists of text fragments in Russian and German that contain references to olfactory processes; the factual material was extracted from works of fiction devoted to the events of the two world wars. The research vector was built taking into account that the semantic and symbolic connotations of smells are closely connected with the sociocultural context, and olfactory experience is subjective. It is proved that the smell in the discourse of war performs two key functions – an evaluative and a boundary function; the olfactory image of “one’s own” and “someone else’s” is formed under the influence of extralinguistic factors; the smell acts as an instrument of differentiation, less often as an instrument of unification and is endowed with additional cognitive-semiotic meanings. Three olfactory models are identified and analyzed: “one’s own smells – others’ smells,” “smells of foreign land,” and “smell as stigma.” It is concluded that in wartime conditions, the olfactory images of “one’s own” and “the other” are created through social, ethnocultural, and ideological comparisons; as a result, olfactory impressions reflect mental impressions.

Keywords: “one’s own – the other’s”, smell, olfactory, war, Auschwitz concentration camp

The author

Dr Yanis A. Manukyan, Senior Lecturer, St. Petersburg State University, Russia.

E-mail: manukyanyanis@rambler.ru

Р. Д. Ведерников, Л. М. Бондарева

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ
«ЛИТЕРАТУРА» В РОМАНЕ Р. БРОТИГАНА
«TROUT FISHING IN AMERICA»**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 13.08.2025 г.

Принята к публикации 08.09.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-4

39

Для цитирования: Ведерников Р. Д., Бондарева Л. М. Особенности функционирования прецедентных имен со сферой-источником «Литература» в романе Р. Бротигана «Trout Fishing in America» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. №4. С. 39–50. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-4.

Выявляются основные функции, реализуемые прецедентными именами в романе американского писателя-постмодерниста Ричарда Бротигана «Trout Fishing in America». В исследовании применялись методы контекстуального и интертекстуального анализа, а также метод сплошной выборки. Выявленная выборка литературных прецедентных имен (61 единица) представлена прецедентными библионимами (названия литературных произведений), анхистонимами (фамилии авторов) и антропонимами (имена персонажей). Установлены следующие ключевые функции прецедентных имен в романе Р. Бротигана: людическая (реализация комического эффекта), поэтическая (повышение художественной значимости текста и создание тропеических отношений), характеризующая (описание личности героев), референтная (воссоздание культурно-исторического контекста эпохи) и текстообразующая (формирование сюжетной канвы и структурирование внутритекстовых связей). Показано, что прецедентные имена в тексте произведения обладают полифункциональным характером, при этом в качестве гиперфункции выступает людическая функция.

Ключевые слова: прецедентное имя, функции прецедентных имен, людическая функция, постмодернизм, художественный дискурс, интертекстуальность, Ричард Бротиган

Категория интертекстуальности является одной из актуальных и широко обсуждаемых проблем в сфере современных филологических исследований. Впервые тезис о наличии диалогических отношений между текстами был высказан отечественным филологом М. М. Бахтиным в монографии «Проблемы творчества Достоевского» [3]. В своих трудах ученый неоднократно отмечает, что каждый текст содержит в себе заново переосмысленные предшествующие и современные ему тексты, формируя тем самым непрерывный диалог: «Даже *прошлые*, то есть рожденные в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут

быть стабильными (раз и навсегда завершенными, конечными) — они всегда будут меняться (обновляясь) в процессе последующего, будущего развития диалога. В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определенные моменты дальнейшего развития диалога, по ходу его, они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде» [2, с. 393].

В конце 1960-х гг. Ю. Кристева ввела в концепцию диалогичности М. М. Бахтина понятие интертекстуальности, под которым она понимает транспозицию одной или нескольких знаковых систем в другую знаковую систему [36, р. 59 — 60]. В дальнейшем термин Ю. Кристевой получил широкое распространение в научных кругах благодаря Р. Барту, рассматривающему интертекстуальность в качестве одного из ключевых понятий современной лингвистики. Французский исследователь указывает, что любой текст представляет собой некую новую ткань, сотканную из старых цитат, обрывков культурных кодов, формул, ритмических структур и фрагментов социальных идиом [31, р. 78].

Свой вклад в разработку теории интертекстуальности внесли известные зарубежные ученые: Ж. Женетт, У. Эко, Ж. Деррида. В частности, Ж. Женетт предложил обширную типологию, включающую такие виды межтекстовых связей, как интертекстуальность (соприсутствие в одной работе двух и более текстов в форме цитат, аллюзий, реминисценций и др.), паратекстуальность (отношение текста к своему заглавию, предисловию, эпиграфу, иллюстрациям и др.), метатекстуальность (интерпретация одного текста с помощью другого), гипертекстуальность (пародирование исходного текста), архитекстуальность (жанровая связь текстов) [34, р. 1 — 9].

В отечественной традиции интертекстуальность исследовалась в трудах Ю. М. Лотмана, Ю. Н. Тынянова, И. В. Арнольд, Н. А. Фатеевой, И. П. Ильина и др. Особую актуальность для настоящего исследования представляют рассуждения Н. А. Фатеевой о функционировании интертекста в художественной речи. Она отмечает, что межтекстовые связи позволяют писателям ввести в текст ранее объективированную мысль или форму представления мысли, создают вертикальный контекст произведения, формируют подобие тропеических отношений на уровне текста и участвуют в текстопорождении [28, с. 36 — 37]. На основе вышеупомянутой типологии Ж. Женетта Фатеева предлагает классификацию интертекстуальных типов, обращая особое внимание на характер их атрибуции. В рамках категории интертекстуальности она выделяет атрибутированные и неатрибутированные цитаты и аллюзии, а также центонные тексты. К паратекстуальности Фатеева относит цитаты-заглавия и эпиграфы, к метатекстуальности — пересказ, вариативное переосмысление и дописывание претекста, а также языковую игру с ним [28, с. 121 — 150].

В свою очередь, согласно Е. А. Нахимовой, значимым инструментом в арсенале интертекстуальности являются прецедентные имена (ПИ), под которыми понимаются широко известные онимы, способные употребляться в качестве культурного знака, символа определенных ка-

честв, событий, судеб. Как указывает исследовательница, в настоящее время лингвисты называют следующие критерии выявления ПИ: общеизвестность, регулярная воспроизводимость, наличие познавательной значимости, возможность коннотативного употребления без пояснений и связанность с прецедентными источниками [14, с. 5—6, 55—56].

В последние годы появился целый ряд работ, посвященных изучению прецедентных имен в различных типах дискурса: медийном [13; 14; 21; 24; 25], политическом [15; 17; 29], рекламном [7; 19], религиозном [10], военном [26] и др. Вполне закономерное внимание специалисты уделяют рассмотрению прецедентных имен в художественном дискурсе [1; 11; 16; 18; 20], в том числе на материале детективной литературы [8; 27]. Однако, как нам удалось выяснить в процессе реферирования научных трудов по проблеме прецедентности, функционирование ПИ в постмодернистском дискурсе до настоящего времени практически не подвергалось системному анализу, чем обусловлена новизна осуществленного нами исследования.

Несмотря на недостаточную изученность роли прецедентных имен в постмодернистских текстах, понятие интертекстуальности, как констатирует А.Н. Безруков, является одним из системообразующих элементов текстологической теории постмодернизма, в рамках которой взаимодействие текста со знаковым фоном рассматривается как фундаментальное условие смыслообразования [4, с. 5]. Аналогичную позицию занимают И.П. Ильин и Н.А. Фатеева, считающие интертекстуальность одним из основных понятий, которыми оперируют сторонники направления постмодернизма [9; 28].

Для исследования характера функционирования прецедентных имен в постмодернистском дискурсе мы обратились к тексту романа Ричарда Бротигана «Trout Fishing in America» (1967) — культовому произведению американской литературы и одному из ключевых текстов контркультуры США 1960-х гг.

Как отмечают зарубежные литературоведы, с идейно-тематической точки зрения роман представляет собой критику характерного для среднего класса США образа жизни, основанного на массовом производстве, потребительском поведении и экологической эксплуатации. Темы, затрагиваемые Р. Бротиганом в романе, во многом отразили идеологические настроения американской молодежи 1960-х гг. и нашли отклик среди представителей контркультуры, обеспечив автору статус литературного идола 60-х и начала 70-х. Писатель активно использует характерные для постмодернизма приемы — иронию, абсурдный юмор, пародию и интертекстуальность [6; 30; 35]. При этом одним из наиболее ярких проявлений интертекстуальности в романе является использование прецедентных имен.

Прежде чем обратиться к интерпретации релевантного языкового материала, рассмотрим существующие подходы лингвистов к выделению функций ПИ в художественном дискурсе.

В монографии, посвященной функционированию прецедентных имен как элементов интертекстуальности, Е.В. Поветьева выделяет такие их функции, как апеллятивная (упоминание реалий окружающего

мира), фатическая (установка контакта с избранным читателем), поэтическая (передача информации эстетического характера), референтивная (ссылки на события описываемой исторической эпохи) и метатекстовая (надстройка сюжета и раскрытие сущности персонажей через обращение к претекстам) [16, с. 8].

Анализируя ресурсы прецедентности в поликультурных художественных текстах, П. С. Артемьева отмечает, что прецедентные феномены «вливают на развитие сюжета текста, на характер персонажей, определяют решения этих персонажей, влияют на их жизнь, моделируют отношения персонажей между собой» [1, с. 131].

Изучая прецедентный интекст в аспекте художественного перевода, Ю. Ю. Саксонова делает вывод, что прецедентные имена могут использоваться для создания комического эффекта путем столкновения разных дискурсов, а также вызывать узнавание и участвовать в развитии сюжета [20, с. 15].

В связи с этим следует отметить, что комический потенциал прецедентных феноменов во многом определяется их способностью участвовать в реализации языковой игры. Согласно Г. Г. Слышкину, такую функциональную особенность ресурсов прецедентности следует рассматривать в качестве людической функции [23, с. 103–106]. По мнению исследователя, прецедентные феномены могут употребляться в тексте в качестве своеобразных «загадок», преследующих цель развлечения читателя и вовлечения его в коммуникативную игру путем активации культурных коннотаций [23, с. 105].

Согласно Я. В. Кузнецовой, прецедентные феномены являются важным средством моделирования читательского восприятия текста, участвуют в реализации модальности и внутритекстовых связей, а также обогащают содержание текста ассоциациями [11, с. 1–21].

Указывая на характер функционирования прецедентных феноменов в современном художественном дискурсе, Е. Ю. Попова пишет о том, что ПИ могут участвовать в построении сюжета, создании иронического эффекта, характеристике героев и связанных с ними жизненных ситуаций, выражении критики и наделении речи героев выразительностью [18, с. 14–15].

В целом анализ всех вышеупомянутых подходов позволяет выделить следующую группу функций, выполняемых прецедентными именами в художественном дискурсе:

1) апеллятивная — номинативное упоминание знакомых читателю реалий окружающего мира [11; 16; 20];

2) фатическая (парольная) — формирование ментальной связи с селективным читателем на основе общих фоновых знаний [16; 23];

3) референтивная — ссылки на происшествия описываемой исторической эпохи [16];

4) поэтическая — передача информации эстетического характера, наделение речи героев выразительностью [16; 18];

5) текстообразующая — участие в построении сюжетной канвы, реализации внутритекстовых связей и моделировании читательского восприятия текста [1; 11; 16; 18; 20];

6) оценочная — выражение автором субъективного отношения к окружающей действительности [18];

7) характеризующая — описание личности героев, их жизненных ситуаций, верований, чувств [1; 16; 18];

8) людическая — создание комического эффекта, выражение иронии [18; 20].

Обзор научной литературы по теме прецедентности свидетельствует о том, что существуют различные подходы к систематизации прецедентных имен. Так, согласно Е.А. Нахимовой, ПИ разделяются по референтной основе, понятийным сферам-источникам и сферам-мишеням, уровню прецедентности, структурной организации, историческому периоду и другим признакам [14, с. 73–78]. Поскольку объектом нашего исследования выступил функциональный аспект прецедентных имен, мы обратились к их классификации по понятийным сферам-источникам. Выбранная методика предполагает выделение в анализируемом романе ряда понятийных сфер, к которым принадлежат ПИ в своих основных значениях, и последующее изучение употребления данных ономастических единиц в отдельных контекстах.

Исследование языкового материала выявило, что наиболее значимой сферой-источником в произведении Р. Бротигана выступает понятийная сфера «Литература». В соответствии с этим мы проанализировали 61 релевантную языковую единицу, составляющую 44,8 % всего ономастического пространства романа. ПИ, относящиеся к указанной понятийной сфере, представлены в тексте прецедентными анхистонимами, библионимами и антропозтонимами.

Следует упомянуть, что под анхистонимами, согласно трактовке В.П. Белянина и Ю.А. Сорокина, понимаются фамилии писателей [5]. Под библионимами, по определению Д.В. Майданюк, подразумеваются названия произведений художественной литературы [12]. Наконец, антропозтонимами, по мнению Г.А. Силаевой, являются личные собственные имена, именующие литературных персонажей [22].

В ходе работы было установлено, что спектр функций ПИ, реализующихся в романе Р. Бротигана и соотносящихся с понятийной сферой «Литература», достаточно разнообразен. В частности, имена в произведении актуализируют людическую, поэтическую, характеризующую, референтивную и текстообразующую функции. При этом в конкретных контекстах указанные функции нередко актуализируются одновременно, что свидетельствует о полифункциональности прецедентных имен в романе.

Тем не менее на фоне общей функциональной вариативности в большинстве проанализированных случаев ПИ используются автором преимущественно для создания комического эффекта. В связи с этим представляется целесообразным рассматривать людическую функцию данных ономастических единиц в качестве их гиперфункции в интертекстуальной структуре произведения. Перейдем к анализу реализации данной функции на конкретном примере:

I had that hunchback trout for dinner. Wrapped in cornmeal and fried in butter, its hump tasted sweet as the kisses of Esmeralda [32, p. 85].

В представленном фрагменте прецедентный антропоним *Esmerlanda* употребляется писателем в контексте иронического описания вкусовых характеристик форели, приготовленной рассказчиком на ужин. Упомянутое сравнение отсылает читателя к главной героине романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» — очаровательной цыганке Эсмеральде, за сердце которой боролись сразу несколько мужчин.

Комический эффект данного текстового примера реализуется посредством столкновения в одном контексте феноменов «высокого» и «низкого» регистров, при котором возвышенный литературный образ героини знакового произведения французского романтизма подвергается профанации через гастрономический контекст.

При более детальном анализе становится ясно, что акцентирование горба форели ("*hunchback trout*", "*it's hump tasted sweet*") — это не столько комическая детализация описываемого объекта, сколько своеобразная отсылка к физическому облику горбуна Квазимодо, спасшего Эсмеральду от казни. Таким образом, языковая игра в процитированном фрагменте реализуется на разных уровнях: эксплицитно — через прямое соотнесение вкусовых качеств рыбы с поцелуем героини и имплицитно — через завуалированную отсылку к внешности Квазимодо.

Значимую роль в реализации коммуникативно-прагматического потенциала ПИ играет *поэтическая функция*. В этом случае имена служат средством эстетического воздействия, участвуя в формировании тропеических отношений и повышая художественную значимость текста, что наглядно иллюстрирует следующий текстовый фрагмент:

*One graveyard had tall fir trees growing in it, and the grass was kept **Peter Pan green** all year round by pumping water up from the creek, and the graveyard had fine marble headstones and statues and tombs [32, p. 28].*

В представленной цитате из романа автор обращается к образу Питера Пэна, героя серии сказочных повестей Дж. М. Барри, для описания кладбища. В данном контексте прецедентный антропоним *Peter Pan* функционирует в качестве своего рода эпитета, характеризующего вечнозеленую траву, свежесть которой круглый год поддерживается ручейной водой.

Отсылка к Питеру Пэну, одному из популярнейших персонажей детской литературы XX в., актуализирует в сознании читателя представления о вечной юности и зеленом костюме сказочного героя, релевантные для описания цвета и свежести вечнозеленой травы на кладбище. Подобное употребление прецедентного антропонима в роли литературного тропа неизбежно привлекает внимание читателя экспрессивной формой выражения мысли и повышает эстетическую значимость текста.

Как отмечалось ранее, коммуникативно-прагматическое воздействие прецедентных имен в романе, как правило, сопряжено с их *людической гиперфункцией*. Вполне очевидно, что в представленном фрагменте *поэтическая функция* ПИ способствует созданию комического эффекта, достигаемого посредством неожиданного столкновения кон-

трастных смыслов. Так, сочетание сказочного мотива, ассоциируемого с именем героя *Peter Pan*, с мотивами небытия провоцирует у читателя когнитивный диссонанс, разрешением которого становится смех.

Еще одной не менее значимой функцией ПИ в романе Р. Бротигана является *характеризирующая функция*. Как отмечает Е.Ю. Попова, прецедентные имена, апеллирующие к сфере-источнику «Литература», могут использоваться в художественном тексте для характеристики героев, их верований и судеб [18, с. 14]. Рассмотрим подобное употребление исследуемых ономастических единиц на следующем примере:

We read books like The Thief's Journal, Set This House on Fire, The Naked Lunch, Krafft-Ebing. We read Krafft Ebing aloud all the time as if he were Kraft dinner [32, p. 143].

45

В представленном фрагменте главы “In the California Bush” рассказчик описывает свой опыт совместного проживания с приятелями-маргиналами в отдаленной от цивилизации лачуге. Друг рассказчика Пард — пьяница и бывший экзистенциалист, трудоустроенный в типографии, которая выпускает экспериментальную прозу. Его возлюбленная — дочь богатых родителей, интеллигентка, мечтающая отправить свои фотографии в журнал “Playboy”.

Образ существования троих героев во многом напоминает жизнь хиппи-коммуны: их день состоит из встреч рассветов, неторопливых завтраков, походов в секонд-хенд и сна под яблоневым деревом. Другим ритуалом компании является прочтение «прогрессивных» книг.

Речь идет о такой литературе, как, в частности, провокационный автобиографический роман Жана Жене “*The Thief's Journal*” (1949), представляющий собой попытку эстетизации маргинального мира воров, сутенеров и проституток. Следующее упомянутое в текстовом примере произведение, “*Set This House on Fire*” (1960) Уильяма Стайрона, раскрывает темы нравственного разложения и утраты веры в гуманизм. Наконец, канонизированная бит-поколением книга “*The Naked Lunch*” (1959) Уильяма Берроуза представляет собой экспериментальный текст, насыщенный описаниями наркотических опытов, паранойи и сексуальных девиаций.

Следует отметить, что прецедентные библионимы, функционирующие в составе рассматриваемого перечисления, играют ключевую роль в моделировании образов персонажей и реконструкции их культурной и социальной идентичности. Названные книги объединяет критика нормативного, исследование отклонений от общепринятых нравственных принципов — именно эти темы оказываются актуальными для характеристики маргинального образа жизни героев, выбравших путь изоляции от общества в хижине.

Помимо указания на особенности уклада жизни персонажей, прецедентные имена в данном текстовом примере играют роль маркеров культурной памяти, выступающих в качестве актуализаторов *референтивной* функции ПИ.

Так, введение в повествование прецедентных библионимов (“*The Thief's Journal*”, “*Set This House on Fire*”, “*The Naked Lunch*”) позволяет

Р. Бротигану реконструировать социокультурный климат США 1960-х гг. Упоминая названия культовых произведений данной эпохи, автор актуализирует идеологический и эстетический контекст описываемого исторического времени, что способствует углублению идейно-содержательного потенциала романа.

Заметим, что в анализируемом фрагменте вышеперечисленные функции ПИ реализуются в сочетании с *людической гиперфункцией*, что в очередной раз свидетельствует о ее ведущей роли в интертекстуальной структуре романа. Во второй части рассматриваемого текстового примера автор использует каламбур, основанный на фонетическом сходстве фамилии известного психиатра Рихарда фон Крафт-Эбинга и названия популярного бренда обедов быстрого приготовления «Крафт Диннер»:

We read Krafft Ebing aloud all the time as if he were Kraft dinner [32, p. 143].

В данном случае прочтение персонажами романа фундаментальных работ упомянутого ученого подвергается Р. Бротиганом профанации опять же через гастрономический контекст. В результате подобного переосмысления изучение серьезной литературы академического характера превращается для компании в обыденный ритуал вроде поедания полуфабрикатов. Таким образом, читателю становится очевидным, что совместное чтение авангардных романов служит для героев скорее способом внешней самопрезентации и причисления себя к интеллектуальной среде, чем проявлением реального интереса к содержательной стороне прочитанного.

Очередной выделенной нами функцией ПИ в рассматриваемом романе является *текстообразующая функция*, направленная на формирование внутритекстовых связей и построение сюжетной канвы произведения. При этом особого внимания заслуживает употребление ПИ в составе названий глав, способствующее возникновению особого типа взаимодействия между заглавием и текстом.

Помещенное в заглавие прецедентное имя функционирует в качестве своеобразной загадки, ключ к которой читателю предлагается найти в содержании главы. Такое использование ПИ меняет традиционные отношения между структурными элементами текста: не заглавие раскрывает содержание текста, а текст раскрывает содержание литературной отсылки, вынесенной в заголовок [11, с. 1–21]. В частности, одна из глав анализируемого произведения названа следующим образом:

A WALDEN POND FOR WINOS [32, p. 23].

Вынесенное в заголовок прецедентное имя *Walden Pond* отсылает читателя к автобиографической книге “Walden; or, Life in the Woods” (1854), в которой философ Генри Дэвид Торо описывает свой эксперимент по изоляции от общества в лесной хижине у Уолденского пруда.

Отсылка к этому классическому произведению американской литературы в сочетании со стилистически сниженным существительным

winos («человек, обычно бездомный, который употребляет слишком много алкоголя» [33]) в заголовке создает у читателя семантический диссонанс. Для разрешения смыслового напряжения адресату предлагается обратиться к содержанию главы, которое, вопреки его ожиданиям, оказывается далеким от трансцендентальной философии Торо. В действительности повествование разворачивается в одном из городских парков Сан-Франциско, в котором рассказчик укрывается от полиции со своими бездомными приятелями-художниками и распивает портвейн.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на очевидный иронический оттенок, употребление прецедентного имени *Walden Pond* в заголовке задает интерпретационную рамку сюжета главы. В анализируемом фрагменте включение прецедентного библионима *Walden Pond* в состав названия главы направляет восприятие читателем содержания текста через призму фоновых знаний об эксперименте Г.Д. Торо. В результате довольно обыденный сюжет получает дополнительную интерпретацию благодаря актуализации вполне определенных литературных коннотаций. Авторская параллель между содержанием главы и произведением Торо позволяет интерпретировать встречи рассказчика с друзьями-художниками в качестве некой формы отшельничества, но не возвышенного, как в случае Торо, а вынужденного и продиктованного маргинальным положением героев.

По итогам проведенного анализа языкового материала можно заключить, что «Литература» как понятийная сфера — источник прецедентности, представленная библионимами, антропонимами и анхистонимами, играет ключевую роль в интертекстуальной организации романа Р. Бротигана “Trout Fishing in America”. Доказательством данного факта является то обстоятельство, что из пяти выявленных понятийных сфер, которые охватывают 136 прецедентных имен, сфера «Литература» включает в себя 61 номинативную единицу, что составляет 44,8 % всего ономастического пространства романа.

Прецедентные имена, включенные в ткань повествования, способствуют реализации комического эффекта (*людическая функция*), повышению художественной значимости текста и созданию тропеических отношений (*поэтическая функция*), описанию личности героев (*характеризирующая функция*), воссозданию культурного и исторического контекста эпохи (*референтивная функция*), формированию сюжетной канвы и структурированию внутритекстовых связей (*текстообразующая функция*).

Необходимо подчеркнуть, что прецедентные имена в романе Р. Бротигана нередко обладают полифункциональным характером, поскольку в большинстве контекстов, проанализированных в ходе нашего исследования, данные ономастические единицы не только выполняют свою основную функцию, но участвуют в создании комического эффекта. В этом смысле *людическая функция* может рассматриваться в качестве *гиперфункции* ПИ в интертекстуальной организации этого произведения.

В заключение отметим, что подобное использование автором прецедентных имен подчинено общей логике постмодернистского текста,

в котором культурные коды не просто воспроизводятся, но подвергаются иронической переоценке и функциональной трансформации. Прецедентные имена в романе являются активными элементами интертекста, ориентированными на смыслопорождение и требующими от читателя особой культурной компетенции для полноценной интерпретации текста.

Список литературы

1. *Артемьева П.С.* Прецедентные феномены как выразительное средство: диалог культур в художественном тексте : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2016.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986.
3. *Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского. М., 1994.
4. *Безруков А.Н.* Поэтика интертекстуальности : учеб. пособие. Бирск, 2005.
5. *Белянин В.П., Сорокин Ю.А.* Значение мемы анхистонимов в оценке художественного текста // Общение. Текст. Высказывание / отв. ред. Ю.А. Сорокин, Е.А. Тарасов. М., 1989. С. 122–129.
6. *Гуревич Ф.* Ричард Бротиган — человек, который в этом мире не дома (предисловие) // Урал. 2001. №6. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2001/6/lovlya-foreli-v-amerike.html> (дата обращения: 24.05.2025).
7. *Дмитриева А.В.* Прецедентные имена в текстах российской политической рекламы: лингвокультурологический и прагматический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2022.
8. *Завьялова Г.А.* Особенности функционирования прецедентных феноменов в детективном дискурсе: на материале английского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2014.
9. *Ильин И.П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
10. *Кильдибекова Б.Е.* Прецедентные феномены в русскоязычном религиозном дискурсе Казахстана: лингвоперсоналогический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2022.
11. *Кузнецова Я.В.* Прецедентные феномены в цикле И. Северянина «Медальоны»: функционально-типологическая характеристика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2002.
12. *Майданюк Д.В.* Логозпистема-идеоним в лингвокультурологическом пространстве нарратива И. Ильфа и Е. Петрова // Мова. 2014. №21. С. 184–187.
13. *Мищенко А.Н.* Древнегреческая мифология как основа прецедентности в текстах русскоязычных СМИ : дис. ... канд. филол. наук. Симферополь, 2020.
14. *Нахимова Е.А.* Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования. Екатеринбург, 2011.
15. *Орехова Е.Н.* Прецедентность и приращение смысла в общественно-политическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2013.
16. *Поветьева Е.В.* Прецедентное имя как феномен интертекстуальности в англоязычном художественном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2014.
17. *Полякова И.С.* Прецедентные имена в институциональном политическом дискурсе Кондолизы Райс и Ирины Хакамады: 2000–2008 гг. : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2012.

18. Попова Е.Ю. Прецедентные феномены в современном художественном дискурсе (на материале романов В. Пелевина «Generation “П”» и «Числа»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2012.

19. Рогозинникова Ю.В. Прецедентные феномены советского и российского происхождения в американской и британской рекламе: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2022.

20. Саксонова Ю.Ю. Прецедентный интекст: проблема межъязыковой эквивалентности в художественном переводе (на материале английского, немецкого и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001.

21. Серкина В.Н. Прецедентные тексты в региональном медийном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2014.

22. Силаева Г.А. О содержании понятия «литературный антропоним» // Русская ономастика. Рязань, 1977. С. 152–156.

23. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. М., 2000.

24. Степанов Е.С. Функционирование прецедентных имен в немецких СМИ: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2019.

25. Стратиев Ю.А. Сказочные прецедентные феномены в англоязычном медиадискурсе СМИ: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2020.

26. Титова А.В. Прецедентные феномены в речи представителей военной субкультуры (на материале американского варианта английского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 2024.

27. Туова Р.Х. Феномен прецедентности в цикле романов Б. Акунина об Эрасте Фандорине: когнитивно-семантический и лингвокультурологический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2017.

28. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М., 2000.

29. Фокина М.А. Феномен прецедентности в российском политическом дискурсе: на материале блогов политиков: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2017.

30. Anderson Jill E. Blown away like apples by the fickle wind of the Twentieth Century”: Counterculture Resistance and the Wilderness Condition in Richard Brautigan’s Trout Fishing in America // Ecozon@: European Journal of Literature, Culture and Environment. 2013. Vol. 4, №1. P. 30–43.

31. Barthes R. Texte // Encyclopaedia Universalis. P., 1973. Vol. 15. P. 78.

32. Brautigan R. Trout fishing in America. L., 1997.

33. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/wino?q=winos> (дата обращения: 24.05.2025).

34. Genette G. Palimpsestes: Literature in the Second Degree. Lincoln, 1997.

35. Gökçek A. Trout Fishing in America as a Postmodern Parody // Open Journal of Social Sciences. 2021. №9. P. 401–410.

36. Kristeva J. Revolution in poetic language. N. Y., 1984.

Об авторах

Руслан Дмитриевич Ведерников — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: vedernikovsmailbox@gmail.com

Людмила Михайловна Бондарева — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: bondareva.koenig@mail.ru

R. D. Vedernikov, L. M. Bondareva

THE FUNCTIONING OF PRECEDENT NAMES
FROM SOURCE DOMAIN "LITERATURE"
IN RICHARD BRAUTIGAN'S "TROUT FISHING IN AMERICA"

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 13 August 2025

Accepted 29 November 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-4

50

To cite this article: Vedernikov R. D., Bondareva L. M., 2025, The functioning of precedent names from source domain "Literature" in Richard Brautigan's "Trout Fishing in America", *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №4. P. 39–50. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-4.

The main functions realized by precedent names in the novel Trout Fishing in America by the American postmodern writer Richard Brautigan are identified. The study employed methods of contextual and intertextual analysis, as well as the method of exhaustive sampling. The identified sample of literary precedent names (61 units) includes precedent biblionyms (titles of literary works), anchistonyms (authors' surnames), and anthropotonyms (names of characters). The following key functions of precedent names in Brautigan's novel are established: ludic (realization of comic effect), poetic (enhancement of the artistic significance of the text and creation of tropic relations), characterizing (description of the characters' personalities), referential (recreation of the cultural-historical context of the era), and text-forming (formation of the plot framework and structuring of intratextual connections). It is shown that precedent names in the text of the work have a multifunctional character, with the ludic function serving as the hyperfunction.

Keywords: precedent name, functions of precedent names, ludic function, post-modernism, literary discourse, intertextuality, Richard Brautigan

The authors

Ruslan D. Vedernikov, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: vedernikovsmailbox@gmail.com

Prof. Lyudmila M. Bondareva, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: bondareva.koenig@mail.ru

И. А. Королева

ЭРГОНИМЫ В СТРУКТУРЕ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

Поступила в редакцию 10.04.2025 г.

Принята к публикации 23.08.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-5

51

Для цитирования: Королева И. А. Эргонимы в структуре ономастического пространства современного города // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. №4. С. 51 – 55. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-5.

Рассматривается особый пласт имен собственных, входящих в ономастическое пространство современного города, – эргонимы, с помощью которых называются различные коммерческие предприятия. На основе объемного эмпирического материала смоленских и московских эргонимов выявлен комплекс разнообразных функций эргонимов, что позволяет определить их значимость в структуре ономастической периферии. Особое внимание обращено на прецедентные культурные знаки в названиях городских объектов. Доказано, что именно прецеденты в сфере эргонимии позволяют наилучшим образом реализовать информационную и коммерческую функции, привлечь внимание потенциальных потребителей товаров и услуг.

Ключевые слова: ономастика, ономастическое пространство, эргоним, функция, принцип номинирования, прецедентное имя

Ономастическое пространство – это совокупность всех имен собственных, в данном случае какого-либо современного города, определенным образом структурированная в свете полевого подхода. Структурированию ономастического пространства посвящены работы В. И. Супруна [7], И. В. Крюковой [4], О. В. Врублевской [1] и др. Судя по названным именам исследователей, активно это направление изучается волгоградскими лингвистами. В общих чертах ономастическое пространство структурируется на ядро, околядерную зону и периферию. В периферийной зоне находятся такие названия, которые обладают признаками как онимов, так и имен нарицательных, то есть это так называемые закавыченные онимы. Признаки ономастической единицы у них развиты достаточно слабо, имеются свои специфические особенности, они слабо структурированы и слабо системны [1, с. 51 – 52].

Эргонимы, объект нашего рассмотрения, неоднозначно трактуются как разряд ономастического пространства. Многие исследователи выделяют их в составе урбанонимов, то есть названий внутригородских

объектов [5]. Это названия коммерческих предприятий разного рода, объединяемые общим признаком — фиксацией этого названия на вывеске. В широком понимании под этот разряд можно подвести названия фирм, новых жилых комплексов, магазинов, кафе, ресторанов, индивидуальных частных предприятий, крупных государственных предприятий, детских учреждений и пр.

Эргонимы несут информацию о виде деятельности объекта, ассортименте товаров, услуг — иными словами, выполняют информационную функцию. Безусловно, у них также имеется рекламная функция, так как существует необходимость привлечь внимание интересующихся к названному объекту, расширить круг потенциальных клиентов. Реклама в значительной мере создает образ номинируемого объекта, его выразительный, запоминающийся фон. Таким образом реализуется эмоционально-экспрессивная функция эргонима, в определенной степени воздействующая на сознание человека.

Эргонимы — это искусственная номинация, которая связана с творческим началом «языковой личности, включенной в конкретный исторический и социальный континуум, приобщенной к общему языковому сознанию, к знаниям и представлениям своей эпохи, переплавляющей в личном опыте объективно заданное с субъективно значимым» [2, с. 215]. Это подразумевает, что основа эргонима может выражать национально-культурную специфику языка, то есть быть знаком культурного кода в историко-социальном его воплощении.

Помимо этого, эргонимы представляют собой имена, относящиеся к коммерческой сфере современного социума. Названия магазинов, кафе, ресторанов, парикмахерских, аптек и прочих организаций принадлежат языку рекламы и являются интеллектуальной собственностью владельцев. Естественно, главная цель номинаторов — привлечь внимание потенциальных потребителей и получить прибыль от продаж или оказания услуг. Именно поэтому рекламная функция данных онимов становится едва ли не определяющей.

По мнению некоторых исследователей, граница между эргонимами и урбанонимами (названиями внутригородских объектов) неустойчива. Так, название магазина «Пятерочка», широко распространенное по всей России, поскольку сеть этих магазинов охватывает различные регионы страны, представляет собой эргоним: *В «Пятерочке» сегодня огромные скидки*. В другом контексте: *Остановите такси возле «Пятерочки»* — данный оним можно рассмотреть как урбаноним, который выполняет не коммерческую, а топографическую функцию, является городским ориентиром. Безусловно, важна в данном случае коммуникативная ситуация. Об этом пишет, например, О.В. Врублевская [1, с. 159–160]. В научной литературе появился новый термин — эргоурбоним, впервые введенный Р.И. Козловым [3]. Однако при сегодняшней явной избыточности ономастической терминологии, возможно, он также избыточен, хотя и прозрачен по образованию.

Говоря об эргонимах с точки зрения их возникновения в городском ономастическом пространстве, следует подчеркнуть особое коммуни-

кативное действие, способствующее их появлению: номинативная ситуация совпадает с коммуникативной. Это определенный комплекс действий, требующий творческих усилий, что позволяет говорить о номинативном поведении именуемого субъекта. «К основным компонентам номинативной ситуации относится именуемый объект, именуемый субъект, массовый адресат (целевая аудитория)» [1, с. 154].

Естественно, важными факторами для образования эргонимов являются социальный и прагматический. Так, до перестройки имело место ограничение в номинировании городских объектов, диктуемое идеологическими моментами: номинаторам проще было, например, назвать магазин «Промтовары» или «Продукты», аптеку просто пронумеровать, чем давать этим объектам какие-либо творческие названия: «Королева» (женская одежда), «Куриный рай» (продукты), «Здоровье» (аптека) и т. д.

Сегодня номинаторы для выражения своих национально-культурных фоновых знаний зачастую используют прецедентные имена и тексты, что позволяет успешно реализовывать рекламную функцию, особенно если имеется соответствие таких знаний (в этом случае их можно назвать общекультурными) между создающим эргоним и аудиторией потребителей рекламируемых товаров и услуг. Ю. Н. Караулов определяет прецедентные знаки как «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер» [2, с. 216]. Прецеденты выполняют специализированную прагматическую функцию, которая хранит культурную память и реализует ее в новой текстовой среде [6].

Проанализируем систему прецедентных эргонимов на примере наименований ресторанов, кафе, магазинов, детских дошкольных и других учреждений городов Смоленска и Москвы. Путем выборки мы выявили около 300 онимов, являющихся культурными знаками. Около 120 единиц связаны с художественными произведениями: «Чебурашка», «Дюймовочка», «Красная шапочка». «Белоснежка», «Алиса», «Гномик» (детские сады), «Мойдодыр», «Антилопа Гну» (магазины автотоваров), «Золотая рыбка» (магазин рыболовных принадлежностей), «Алые паруса», «Капитан Немо» (туристические агентства), «Маша и Медведь» (детское кафе), «Остров сокровищ», «У дяди Вани» (названия ресторанов) и др. Как видим, все названия отсылают потребителя к хорошо известным прецедентам, то есть это общекультурные знаки.

Зачастую используются имена и названия хорошо известных сказок: кафе «Морозко» и «Гуси-лебеди», магазин мужской одежды больших размеров «Три толстяка», магазин меховых изделий «Снежная королева», магазин обуви «Кот в сапогах», магазины женской одежды «Сказки Шехерезады» и «Элли» («Волшебник изумрудного города»), детские кафе «Колобок», «Золушка», парикмахерская «Мальвина», салоны красоты «Царевна Несмеяна» и «Белоснежка», овощной магазин «Наливное яблочко», магазин косметики «Василиса Прекрасная», детский центр подготовки к школе «Знайка» и др. Эргонимы подобного рода

помимо информативной функции выполняют и эмпативную функцию, то есть воздействуют на чувства потенциальных покупателей, вспоминающих свое детство.

Часто используются названия известных кинофильмов, которые тоже являются прецедентными, так как содержат определенный культурный код: «Веселые ребята» (кафе), «Карнавальная ночь» (ресторан), «Девчата» (женская парикмахерская), «Дикая орхидея» (магазин нижнего белья), «Экипаж» (автомагазин), «Двенадцать стульев» (мебельный магазин), «Валентин и Валентина» (свадебный салон) и т. д. Как правило, такие названия хорошо реализуют рекламную функцию.

Однако есть случаи номинирования городских объектов, носящие исключительно личный характер. Так, в Смоленске сеть цветочных магазинов называется «Машенька» по имени дочери владельца. То же можно сказать и о парикмахерской «Людмила» — это также имя дочери владелицы.

Некоторые названия отражают патриотизм владельца: известны кафе «Смоленская крепость» и «Порубежье», названия которых отражают своеобразную любовь к Смоленщине, кафе «СССР».

Как видим, если название городского объекта носит прецедентный характер, то номинаторы обычно рассчитывают на способность прецедентного имени вызывать воспоминания ассоциативного характера. Важно также то, что имя не надо «раскручивать», так как вызванные им ассоциации актуализируют у потенциальных потребителей прагматическую информацию, вследствие чего реализуется коммерческая функция, важная для номинатора. Необходимо, однако, чтобы фоновые знания называющего и целевой аудитории совпадали, что в принципе и реализуется в большинстве случаев, если используются широко известные прецеденты.

Список литературы

1. Врублевская О. В. Языковая мода в русской ономастике. Волгоград, 2017.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
3. Козлов Р. И. Современные эргоурбонимы в городской ономастической системе // Известия Уральского федерального университета. Гуманитарные науки. 2001. Вып. 4, № 20. С. 25 — 35.
4. Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Волгоград, 2004.
5. Мезенко А. М. Белорусская ономастика. Топонимия. Минск, 2012.
6. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007.
7. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград, 2000.

Об авторе

Инна Александровна Королева — д-р филол. наук, проф., Смоленский государственный университет, Россия.

E-mail: innakor@mail.ru

I. A. Koroleva

ERGONYMS IN THE STRUCTURE OF THE ONOMASTIC SPACE OF A MODERN CITY

Smolensk State University, Smolensk, Russia

Received 10 April 2025

Accepted 23 August 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-5

To cite this article: Koroleva I. A., 2025, Ergonyms in the structure of the onomastic space of a modern city, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №4. P. 51 – 55. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-5.

55

A special layer of proper names within the onomastic space of the modern city – ergonyms, which are used to name various commercial enterprises – is examined. Based on a large empirical material of Smolensk and Moscow ergonyms, a complex of diverse functions of ergonyms is identified, allowing their significance within the structure of the onomastic periphery to be determined. Particular attention is paid to precedent cultural signs in the names of urban objects. It is demonstrated that it is precisely precedents in the field of ergonymy that best enable the realization of informational and commercial functions, attracting the attention of potential consumers of goods and services.

Keywords: onomastics, onomastic space, ergonym, function, principle of nomination, precedent name

The author

Prof. Inna A. Koroleva, Smolensk State University, Russia.

E-mail: innakor@mail.ru

Е. Г. Малюта

МОЛИТВЫ С. И. ШАХОВСКОГО:
МЕЖДУ «СПАЛЬНЫМ» И «ПОДОРОЖНЫМ» ПРАВИЛОМ

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Московская духовная академия, Сергиев Посад, Россия

Поступила в редакцию 18.03.2025 г.

Принята к публикации 01.06.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-6

Для цитирования: Малюта Е. Г. Молитвы С. И. Шаховского: между «спальным» и «подорожным» правилом // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. № 4. С. 56 – 67. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-6.

Статья продолжает исследования внутренней организации корпуса молитв известного государственного деятеля и писателя первой половины XVII в. князя Симеона Шаховского. Выявляются структура и тематическая организация указанного корпуса евхологических опытов Шаховского на основе исследования традиции частного молитвенного правила (так называемых спальных молитв), сложившейся к началу XVII в. Установлено, что три отчетливо выраженные группы молитв в указанном корпусе сочинений Шаховского отражают как личные обстоятельства жизни автора, так и его разносторонние литературные интересы; обозначены возможные образцы этих гимнографических опытов князя, обнаруживающие его знакомство с традициями Троицкого монастыря и влияние первых справщиков Московского печатного двора. Особое внимание уделяется знакомству князя Шаховского с памятниками молитвенного обихода Великого княжества Литовского, включая издания Виленского братства. Показано, как сравнительно новая традиция составления сборников частных молитвословий, не имеющих места в богослужебном круге, могла послужить стимулом для самостоятельного создания Шаховским корпуса небольших ежедневных прошений. Особо рассмотрены предпосылки создания двух необычных заключительных молитв корпуса. Результатом исследования стало обоснование положения об особом характере ежедневных прошений князя С. И. Шаховского (которые можно обозначить как «подорожные») и гипотеза о композиционной правке собрания авторских молитв для помещения в авторские сборники сочинений.

Ключевые слова: Симеон Шаховской, русская гимнография XVII века, личное молитвенное правило, молитва за патриарха, жанр евхологии

Введение

Изучение двух тождественных по содержанию сборников сочинений князя Шаховского [20, ф. 173/1, №213, 214], известного эрудита, полемиста и публициста первой половины XVII в., с точки зрения их структурной организации ставит вопрос о принципах внутреннего единства композиции: труды исторического характера перемежаются с посланиями по разным, преимущественно каноническим, вопросам (прошения к патриарху и тобольскому митрополиту, содержащие моления личного характера, отнесены в начало обоих сборников). Однако внутри этих собраний можно отметить выделенную самим автором группу молитв, снабженную общим заглавием: «Молитвы, творение многогрешного в человецех дукса Семиона Шаховского» [20, ф. 173/1, №213, л. 302–318 об.].

57

Перечень молитв в составе корпуса и его структурная организация

Последовательность молитв идентична в обоих списках сборников Шаховского и состоит из 27 сравнительно кратких, обыкновенно в лист (за исключением первой, очень пространной молитвы Христу), воззваний. Представляется необходимым привести ниже полный их перечень (по группам), так как ни в одной из известных нам описей (Д. Корсакова [9, с. 587], Е. П. Семеновой [21, прилож. 2], С. А. Волкова и Н. А. Тропина [5, с. 72–73]) перечень молитв Шаховского не представлен полностью, включая внутреннее деление блока неозаглавленных молитв. В недавнем обстоятельном исследовании профессор Р. Мартин изучает их сквозь призму воззрения на Шаховского как на эрудита-интеллектуала, *intelligent*, и также перечисляет их в приложении, не выделяя, однако, групп молитв по признаку ориентации на гимнографические и уставные образцы [1, р. 520–522]. В настоящей статье мы освещаем эту сторону вопроса.

Молитвы по структуре литийного прошения:

— «Молитва Господу нашему Иисусу Христу», начало: «Господи Боже всеблагий Иисусе Христе, Судия всему миру...»;

— Тогожде молитва честному и животворящему Кресту»: «Радуйся живоносный Кресте, верным похвала и утверждение, оружие на враги непобедимо...»;

— «Сия молитва Пречистой Богородице, от начала творение преподобного инока Максима Грека святого горца по точку красную, а конец сложен нашею грубостию и недоумением»: «Тебе, превосходящую безплотных божественных чинов неприкладною чистотою, моллю, Всепетая...»;

— «Тогожде молитва великому в пророцех предтече и Крестителю Господню Иванну»: «О, великий во пророцех, просиявший от неплоды, небесный человеце...»;

- «Тогожде молитва бесплотным»: «Святии архангели, ангели, начала, власти, престолы...»;
- «Тогожде молитва святым верховным и прочим апостолам»: «Велицыи верховнии апостоли, блаженный Петр и христоревнительный Павел...»;
- «Тогожде молитва святым пророкам»: «Святии славнии пророцы, Моисей великий и Илия, Самоил славный...»;
- «Тогожде молитва святителям»: «Преславнии велицыи святителие и всея вселенныя учителие...»;
- Тогожде молитва преподобным и богоносным отцем»: «Преподобнии и богоноснии отцы, Антоней и Феодосей велицыи...»;
- «Тогожде молитва святым мучеником»: «Преславнии чюдодейцы, велицыи христовы мученики»;
- «Тогожде молитва святым преподобным женам и мученицам: «О прехвалныя и преблаженныя девы и жены, преукрашенные невесты...»;
- «Тогожде молитва святителям Московским и всея Руси»: «Нового Рима пресветлая светила, богомудрые отцы...»;
- «Тогожде молитва святым благоверным царем и великим князем»: «Благоверныя и скифетродержавныя цари и князи новаго Израиля...»;
- «Тогожде молитва преподобным отцем русским»: «Приидете благовернии людие, воспоим преподобных отец лики»;
- «Тогожде молитва за царя»: «Помилуй, Господи и соблюди раба своего, государя нашего <Алексея Михайловича>...»;
- «Тогожде молитва за патриарха»: «Помилуй, Господи, и соблюди господина нашего смиреннаго кир <имярек> на престолника святых Твоя апостолския церкви...».

Пропуск имени в данной молитве позволяет Е.П. Семеновой датировать сборник сочинений Шаховского первой половиной 1652 г. — временем, когда патриаршая кафедра некоторое время оставалась вакантной по причине скоропостижной смерти патриарха Иосифа. Кроме того, в исследовании Семеновой представлен перечень заимствований, перифразов и вариаций отрывков «Слова в новую неделю» в указанных сочинениях Шаховского [21, с. 50]. Некоторые замечания относительно адресации имеются в нашей недавней статье [12].

Молитвы, не имеющие заглавий:

- а) «Помилуй, Господи, и посети милующих нас...»;
- б) «Помилуй, Господи, отец наших духовных...»;
- в) «Помилуй, Господи, служащая нам и повинующаяся...»;
- г) «Помилуй, Царю небесный, всех православных христиан...»;
- д) «Помилуй, Господи, и прости враги наша...»;
- е) «Помилуй, Господи Царю, и сохрани жену мою...»;
- ж) «Помяни, Господи, отшедшия души раб своих...»;
- з) «Помяни, Господи, отец моих духовных, и вся сродники моя...».

Написанные виршами и житийные молитвы:

– «Тогожде молитва преподобному Дмитрию, вологодскому чудотворцу».

Начало:

О, преблагий наш пастырю и учитель

О, великий чудотворец Димитрий...

Виршевую структуру этой молитвы, равно как и «молитвы о неразлучении брака», впервые обнаружил В. К. Былинин [3, с. 34–35; 13].

– «Тогожде молитва преподобному Макарию, унежскому чудотворцу».

Начало: «Радуйся, богоизбранный честный сосуде, велие святому Духу пребывание...».

Внутренняя организация корпуса данных текстов выражена в первую очередь заглавиями: так, первая группа молитв отличается четкой иерархической структурой, начинаясь с пространной молитвы Господу Иисусу Христу. Последние две молитвы этого ряда, имеющие названия «За царя» и «За патриарха», примыкают ко второму ряду молитв, не имеющих заглавия и представляющих собой, по существу дела, личный помянник князя Симеона за умерших и живых родственников с некоторыми элементами биографии поименованных. Заключительные две молитвы посвящены избранным святым, преподобным Дмитрию и Макарию. Можно предполагать, что их создание обусловлено посещением автором указанных монастырей и личным благочестием.

Ориентация автора молитв на различные традиции и образцы: справщики Московского печатного двора

Каково вероятное происхождение первой и второй групп молитв в составе корпуса? Содержание не позволяет относить их к определенному циклу вечерних, называемых «спальными», молитв, имевших к началу XVII в. устойчивую традицию, включавших от пяти до девяти молитв. Так, чинопоследования «спальных молитв» имеются в издании Псалтыри с воследованием 1625 г. и в рукописном Каноннике 1636 г., где они помещены либо в конце повечерия (в первом случае), либо непосредственно после него. Перечень часословов из собрания Троице-Сергиевой лавры с указанием количества «спальных» молитв приведен в статье [7, с. 292–293]. Ее автор, иеромонах Далмат (Юдин), полагает, что удаление молитв из канонников при никоновской справе 1658 г. показывало мнение справщиков о необязательности данного дополнения к суточному кругу богослужения [7, с. 294].

Знакомство Шаховского со справщиками Московского печатного двора, происходившими из круга троцкого архимандрита Дионисия, состоявшееся, вероятно, благодаря дружбе с келарем Симоном Азарьиным и неоднократным посещениям Троицкого монастыря, позволяет предположить его осведомленность о ряде частных молитв, в традиции Троицкого монастыря ежедневно присоединяемых к уставным чинопоследованиям, берущих начало в том числе из первопечатных памятни-

ков западнорусской митрополии: Острожская Псалтирь с воследованием 1598 г. была одним из источников, по которому сверялись деятели уже первой sprawy при возникавших затруднениях во время исправления Требника в 1618–1619 гг. [14, с. 86–102], а также в некоторых частных вопросах (таких, например, как необходимость изменить возглас на «Отче наш» [8, с. 10]).

Хотя из частных последований «Псалтыри с воследованием», содержащей кроме «Молитв спальных» еще и «Молитвы от сна вставши» и «Молитвы на ночь», в первый подобный сборник Московского печатного двора вошли только первые из названных, князь Шаховской мог иметь представление о данных группах молитвословий, как будучи непосредственно знаком с изданием 1598 г., так и опосредованно — через келаря Симона Азарьина, любимой книгой которого, как известно, была «Книжица в шести розделах», подготовленная к печати Василием Суражским, сотрудником Ивана Федорова в издании Библии 1581 г. Отдельно нужно отметить, что ряд глав так называемой Кирилловой книги¹ содержит извлечения из «Книжицы в шести розделах».

Таким образом, Шаховской, хорошо разбиравшийся, как показываю его послания богословского характера, в вопросах антипротестантской и антикатолической полемики, мог быть хорошо знаком с обоими памятниками через келаря Троицкого монастыря, снабжавшего его книгами из своей личной библиотеки.

Дополнительным подтверждением нашего предположения служит тот факт, что Кириллова книга была напечатана в большом количестве экземпляров и активно использовалась в богословской дискуссии между русскими богословами и пастором, прибывшим вместе с королевичем Вальдемаром. В этой дискуссии, длившейся с января 1644 по август 1645 г., Шаховской принимал самое деятельное участие, а кроме того был в составе делегации, встречавшей датское посольство, и позже высказал особое мнение о возможности не переkreщивать королевича в православие, за что был подвергнут новой опале, лишению имущества и едва не сожжен: князь Симеон передал царю Михаилу Федоровичу письмо, в котором излагал свои взгляды на возможность брака с инославным, подкрепляя их историческими примерами таких смешанных браков с представителями правящих династий Польши и Ливонии. Возмущение данным «вольнодумством» Шаховского со стороны патриарха и бояр (письмо было обнародовано) привело наконец к ссылке последнего в Колу [4, с. 350–351; 15, с. 156–157].

С. Ф. Платонов, комментируя данные события, делает общий вывод о причинах несчастий Шаховского: при безупречном его правоверии много вредили его положению «особенности его умственного склада, не позволявшие ему разбираться в людях и делах с надлежащей быстротой и смыслом» [17, с. 94]. Следствием этого следует считать и особый

¹ Издана Московским печатным двором в 1644 г., содержит полемические вирши Михаила Рогова и Иоанна Наседки, а также ряд статей эсхатологического и антипротестантского характера, библиографию и индекс книг, включая неизвестные ранее в Москве книги западнорусского происхождения.

характер умолчаний в «Домашних записках» князя, поведавшего в них лишь то о своей биографии, чего, по выражению С. Ф. Платонова, «никак нельзя было скрыть» [17, с. 111].

Ориентация автора молитв на различные традиции и образцы: уставные молитвы Виленского братства

Можно предположить знакомство князя с памятниками молитвенного обихода Великого княжества Литовского, в частности с традицией уставных молитв Виленского братства, нашедшей отражение в ряде изданий сборников «Молитв повседневных», переизданных большее количество раз, чем любая другая книга братства¹, а также в Анфологионе издания 1613 г., представляющем собой уже не устойчивую традицию «Псалтыри с воследованием», а «новый тип книги — типикарный сборник Братской типографии, объединяющий общецерковные богослужения суточного круга с частными молениями, предназначенными для личной молитвы в продолжение дня по местному уставу» [7, с. 309]. Именно в этом Анфологионе, ставшем последним изданием Виленской братской типографии, которое содержит отдельные группы вечерних, полуночных и утренних молитв², можно найти главу «Всякому правоверному, хотящему спастись, да не будет леностно по молитвах на сон грядущих и сии молитвы с поклонением колен по вся дни глаголати».

В этой главе вариант правила, имеющийся в венецианских изданиях сербской традиции, дополнен развернутыми прошениями с указанным земным поклоном после каждого. Автором данных прошений иеромонах Далмат (Юдин) считает самого редактора сборника, руководителя Виленского братства по смерти Лаврентия Зизания, архимандрита Леонтия (Карповича), который составил данную книгу для личного употребления как «необходимую в его положении» (так как после выхода из заточения настоятель Духовского монастыря, при каждодневном служении литургии, занимался целым рядом безотлагательных дел, касающихся братства и монастыря, а потому не мог исполнять последования суточного круга в должном объеме) [7, с. 307]. Традиция поклонов с собственными воззваниями не ограничивается упомянутым изданием: в сборнике «Акафисты» издания Киево-Печерской лавры 1625 г. также имеется подобная группа текстов, схожая с рядом литийных прошений. Иеромонах Далмат пишет: «Заметна двоякая тенденция подхода редактора-составителя: с одной стороны, он стремится сохранить традицию молитвенного обихода Виленского брат-

¹ «Молитвы повседневные», напечатанные в 1595 и 1596 гг., стали первой книгой Виленского братства, переиздавались в 1601, 1609, 1611, 1615, 1621, 1626 и 1635 гг.

² Таким образом, название книги нехарактерно для ее содержания: в устоявшейся традиции Анфологионом именуют сборник, схожий по типу с Праздничной Минеей.

ства, а с другой — привлечь дополнительные тексты молитв из авторитетного острожского издания, очевидно ставшего востребованным среди православных, и из некоторых других источников» [7, с. 309].

Таким образом, сама возможность составления авторских молитв, не относящихся непосредственно к монашескому правилу и не входящих в суточный богослужебный круг, имела вполне зримое осуществление в ряде изданий книжников Западнорусской митрополии. Эта тенденция правки и составления новых вариантов чинопоследований, однако, не наблюдалась всю первую половину XVII в. в памятниках Московского печатного двора, проявивших консервативную линию троицких справщиков: те включали в такие сборники только «спальные молитвы», имевшие богатую рукописную традицию. В числе содержащих данные молитвы следует указать такие известные сборники, как «Обиход церковный» (пергаменный сборник начала XV в. редакции митрополита Киприана [20, ф. 304/I, №17]), а также сборник преп. Кирилла Белозерского.

Не следует забывать и о широко распространенной традиции кратких поминовений в молитвах, основанных на прошениях ектений и в ряде случаев последовательно повторяющих поминовения в последней части анафоры на литургии (это обусловило наименование нами первой группы молитв «по структуре литийного прошения»). Последним значительным исследованием вопроса бытования поминовений анафоры в древнерусских источниках является труд Т. И. Афанасьевой [2] а также статьи А. К. Пентковского, свящ. М. Желтова, Н. В. Шалыгиной, Ю. И. Рубана, касающиеся данной проблематики.

Для нашей темы весьма важен вывод, к которому приходит иеромонах Далмат (рассматривавший в числе источников и упомянутую ранее «Малую подорожную книжицу» Ф. Скорины), рассуждая о причинах составления новых молитв. Он отмечает, что и составитель Острожской «Псалтири с воследованием» 1598 г. был мирянином, и виленский сборник «Полуустав» 1622 г. предназначен для любого человека, будь то мирянин, священник или монах: «которые не часто в церкви бывают, а особливо для подорожных... говорим же докучнику, а не гостю, то есть желающему знать, что заключено в нем не кончиком пальца, но от всей души...» (предисловие указанного устава, цит. по: [7, с. 317–318]).

Князь Шаховской, без сомнения, был таковым «докучливым» благочестивым мирянином, имевшим необходимость в едином и относительно кратком молитвенном правиле в отсутствие книг на военной службе и во время ссылок. Сознание своих способностей гимнографа могло побудить князя составить самостоятельно корпус ежедневных молитв по образцу виденных им ранее памятников западнорусской книжности и предложить его достаточно широкому кругу читателей (именно молитвы, а не большинство более пространственных гимнографических сочинений, помещены в сборник авторских произведений С. И. Шаховского).

При всем том, как уже было замечено, молитвы князя Симеона в большинстве своем носят подчеркнуто личный характер и лишь в двух случаях явно предполагают замысел автора предложить их иному молящемуся как готовый образец. Причем указание подставить личное имя имеется именно в *первой* молитве Господу Иисусу Христу и в *заключительной* молитве преп. Макарию, что служит дополнительной аргументацией предположения о тематическом расположении Шаховским 27 молитв согласно трехчастной структуре этого собрания евхологических опытов князя. Средняя часть в нем, таким образом, имела подчеркнуто частный характер и была представлена в составе сборника как личный опыт, первая и третья же представляли собой качественно различные примеры следования известным автору образцам и предлагались для широкого употребления, начинаясь и завершаясь актуализацией прошений путем самостоятельного включения молящимся своего имени.

Две заключительные молитвы

Необходимо подробнее сказать о специфике третьей группы воззваний. Две заключительные молитвы, составляющие ее, отличаются от всех предыдущих адресным обращением к определенным святым (преп. Димитрию Прилуцкому и Макарию Унженскому (или, как в рукописи, «Унежскому») и выглядят добавленными автором в общий корпус позже, так как отличаются от «*литийных*» и «*не имеющих заглавий*» молитв первой и второй групп как объемом и структурным делением, так и особым характером этих опытов церковного творчества писателя.

«Серьезная торжественность силлабического стиха» [16, с. 99], принятая за эталон уже в середине XVII в. (кроме частных посланий), не выражена еще в молитве преп. Димитрию (видимо, написанной по причине близости к Вологде известных вотчин Шаховского), где князь, взяв за основу молитву свт. Николаю [11, с. 430–435], наполняет ее посредством виршевого деления и некоторой стилистической переработки новым эмоциональным звучанием, делая ее, хотя она и составлена в строгом соответствии с образцом и даже сохраняет большинство его формулировок, очень личной и прочувствованной.

Вторая молитва заключительной группы, преп. Макарию, представляет значительный интерес как единственная из всего корпуса, в которой автор выказывает хорошее знание жития и особенно современных ему самому чудес святого, называя его в молитве русским святым, «яко светозарная луча новоприсявшим чудесами».

Следует сказать, что особый характер почитание преп. Макария приобрело именно в Смутное время, непосредственно соотносясь с земским движением 1608–1609 гг., участники которого считали желтоводского чудотворца своим покровителем. Преподобного почитали и в нижегородском ополчении 1612 г.; знакомец Шаховского князь Пожар-

ский почитал его своим личным заступником и построил в честь чудотворца монастырь в своем имении [19, с. 58–60]¹. Новоизбранный царь Михаил Феодорович уже в 1619 г. по благословению своего отца отправился в паломничество в Унженский монастырь (оставшись, впрочем, недовольным нравами братии), а в 1620 г. игумен Авраамий получил от царя и патриарха повеление на возобновление Желтоводской обители. Е. В. Кравец считает, что «почитание преп. Макария царской семьей могло быть обусловлено тем фактом, что преподобный считался покровителем пленных, и ему, как принято думать, молились царь Михаил и его мать в Унженском монастыре о возвращении из Речи Посполитой митрополита Филарета» [10, с. 231]. Тогда же, по повелению патриарха, были составлены житие и чудеса святого [18, с. 291–292].

Этот сборник, судя по информации, представленной в молитве, был известен князю Шаховскому, а молитва преп. Макарию, содержащая мотив прошений об укреплении установленного государственного порядка, напоминала автору и о трагических событиях его собственной биографии: согласно изысканиям С. Ф. Платонова, на период с 1608 по 1611 г. приходится период «шатости» князя: в 1608 г. он возвращается из новгородской службы в Москву, в 1608–1609 гг. участвует в боях против Лжедмитрия II. В 1610 г. князь уже в тушинском стане, в среде противников Василия Шуйского, сославшего его в 1606 г. в «мор», а в 1611 г. вновь обретается в Новгороде, но уже с русским ополчением [17, с. 72].

Известно и о вотчине самого Шаховского в Галиче: после ссылки в Колу он был отпущен в это свое имение, а затем в Москву, после чего в 1649 г. вновь оказывается в томской опале [6, с. 80; 20, ф. 205, № 227, л. 42]. Вероятно, в это время и он сопричисляет себя «галическим людям», которым явлены недавние чудеса, и просит быть столь же милостивым и к нему.

Выводы

«Молитвы на всяк день» князя Симеона Шаховского, отражающие его личные обстоятельства и включающие в себя молитвы за конкретных родственников, помещены в середину цикла и являются разграничением, с одной стороны, молитв — опытов переложений и подражаний, а с другой — также евхологических опытов, но совершенно другого характера: виршевого и житийного. Эти три разноплановые части одного молитвослова князя, по всей видимости, стали его одновременным опытом составления личного сборника «подорожных» молитв, окончательное оформление которого можно отнести ко времени по-

¹ В статье [19] введено в научный оборот «Сказание о чудесах преподобного и богоносного отца нашего Макария, Унженскаго чудотворца, бывших во граде Юрьевце Поволском и в пределах его во время, внегда попущением Божиим Российская земля страдаше от нахождения безбожных ляхов...» по сохранившимся спискам XVII в.

следней ссылки Шаховского в Колу в 1642 г. Лирика этих молитв и цельность выражения мысли в них ставят С. И. Шаховского на уровень не рядового гимнографа-переписчика и представляются отдельным предметом исследования в компаративном аспекте. Автор умеет переосмысливать типовые евхологические формулы в личном ключе и переводит практический опыт молитвы в законченное произведение, свидетельствующее об искусстве в классической форме выражать собственный интерес, наблюдательность и личное начало.

Наблюдения, изложенные выше, приводят к выводу о том, что можно с уверенностью говорить о сложной трехчастной структуре рассматриваемого корпуса молитв Шаховского, составленного не единовременно, но носящего следы композиционной обработки, быть может, имевшей место непосредственно при составлении князем сборника сочинений.

Список литературы

1. Martin R. E. «The Prayers of the Sinful Prince Semën Shakhovskoi». The Religious World of Russia's First Intelligent // Canadian-American Slavic Studies. 2022. Vol. 56, №4. S. 498–522.
2. Афанасьева Т. И. Древнеславянский перевод литургии в рукописной традиции XI–XVI вв. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012.
3. Былинин В. К. Небольшой фрагмент из русской поэзии начала XVII в. «Молитва-заговор» князя С. И. Шаховского // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник — 1982. Л., 1984. С. 34–37.
4. Вернадский Г. В. Московское царство : в 2 ч. Ч. 1. Тверь, 2001.
5. Волков С. А., Тропин Н. А. Рукопись князя С. И. Шаховского из собрания российской государственной библиотеки: содержательный анализ // История: Факты и символы. 2024. №1 (38). С. 71–78.
6. Гальцов В. И. Сведения о С. И. Шаховском в описи архива Посольского приказа 1673 г. // Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977. С. 79–81.
7. Далмат (Юдин), иером. Начальный этап бытования молитв утренних и вечерних по печатным источникам (1596–1622): возникновение, вариативность состава, пути передачи текста // Богословский вестник. 2015. №18–19. С. 289–340.
8. Казанский П. С. Исправление церковно-богослужебных книг при патриархе Филарете // Чтения в обществе истории и древностей Российских. 1848. Год 3. №8. С. 1–26.
9. Корсаков Д. Шаховской, князь Семен Иванович, по прозванию Харя // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 22. С. 586–589.
10. Кравец Е. В. Почитание преподобного Макария Унженского и Желтоводского как один из источников движения обновления в России в первой половине XVII века // Труды Нижегородской семинарии. Н. Новгород, 2011. Вып. 9. С. 227–237.
11. Ляпин Д. А. Непризнанный святой Прокопий Устьянский и новые сведения к творческой биографии С. И. Шаховского // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 430–435.
12. Малюта Е. Г. «Молитва о патриархе» князя Шаховского: предварительные наблюдения // Modern Humanities Success. 2023. №4. С. 65–68.
13. Малюта Е. Г. Личное среди типового. (История одной виршевой молитвы князя Симеона Шаховского) // Слово и образ. 2024. №2 (7). С. 286–298.

14. Опарина Т.А. «Да в люди ту книгу казать не для чего»: библиотека Симона Азарьина и отношение к украинско-белорусской книжности в России первой половины XVII в. // *Mediaevalia Ucrainica*. 1995. Т. 4. С. 86–102.
15. Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, собранные Александром Голубцовым. М., 1892.
16. Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.
17. Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI–XVII веках. Л., 1925.
18. Поньрко Н.В. Житие Макария Желтоводского // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1988. С. 291–293.
19. Поньрко Н.В. Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII в. — ревнители благочестия // *Труды отдела древнерусской литературы*. СПб., 1990. Т. 43. С. 58–69.
20. *Российская государственная библиотека*.
21. Семенова Е.П. Русская общественная мысль первой половины XVII в. (творчество С.И. Шаховского и И.А. Хворостинина) : дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982.

Об авторе

Евгений Григорьевич Малюта — канд. филол. наук, мл. науч. сотр., Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук, Россия; преп., Московская духовная академия, Россия.

E-mail: 7tsarei@gmail.com

E. G. Malyuta

PRAYERS OF S.I. SHAKHOVSKY: BETWEEN “SLEEPING” AND “TRAVEL” PRAYER RULES

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Moscow Theological Academy, Sergiyev Posad, Russia

Received 18 March 2025

Accepted 01 June 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-6

To cite this article: Malyuta E.G., 2025, Prayers of S.I. Shakhovsky: between “sleeping” and “travel” prayer rules, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №4. P. 56–67. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-6.

The article continues research on the internal organization of the corpus of prayers by the well-known statesman and writer of the first half of the 17th century, Prince Simeon Shakhovsky. The structure and thematic organization of this corpus of Shakhovsky's euhological compositions are identified based on a study of the tradition of private prayer rules (the so-called bedtime prayers) of the early 17th century. It is established that three clearly distinguished groups of prayers in this corpus reflect both the personal circumstances of the author's life and his diverse literary interests; possible models for these hymnographic compositions of the prince are indicated, showing his familiarity with the traditions of the Trinity Monastery and the influence of the early compilers of the Moscow Printing House. Particular attention is paid to Prince Shakhovsky's acquaintance with the prayer practices of the Grand

Duchy of Lithuania, including editions of the Vilnius Brotherhood. It is shown how the relatively new tradition of compiling collections of private prayer books, not included in the liturgical cycle, could have served as a stimulus for Shakhovsky's independent creation of a corpus of small daily petitions. The prerequisites for the creation of two unusual concluding prayers of the corpus are examined in detail. The result of the study is the substantiation of the special character of Prince S.I. Shakhovsky's daily petitions (which can be termed "travel prayers") and the hypothesis regarding the compositional editing of the collection of the author's prayers for inclusion in his collected works.

Keywords: Simeon Shakhovskoy, Russian hymnography of the XVII century, personal prayer rule, prayer for the patriarch, genre of euchologia

The author

Dr Evgeny G. Malyuta, Junior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Russia; Lecturer, Moscow Theological Academy, Russia.

E-mail: 7tsarei@gmail.com

Л. А. Мальцев, И. Д. Кошцев

**«ДАР МЕТКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ»:
ОБ ЭССЕИСТИЧЕСКОЙ «СИЛЬВИЧНОСТИ» ПОЛЬСКОЙ ПРОЗЫ**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 06.05.2025 г.

Принята к публикации 21.08.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-7

68

Для цитирования: Мальцев Л. А., Кошцев И. Д. «Дар меткого высказывания в разговорной речи»: об эссеистической «сильвичности» польской прозы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. №4. С. 68—79. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-7.

Изучается эссеистическая традиция старопольской прозы, представленная авторами эпох Возрождения (Рей, Гурницкий, Моджевский), барокко (Пасек, Б. Хмельвский), Просвещения (Красицкий). Создателем польского эссеистического канона был Миколай Рей как автор книги «Зерцало», которую Мицкевич сравнил с «Опытами» Монтеня. Рассматривается роль эссеистического начала в литературных дневниках польских писателей XX в. (Анджеевский, Гомбрович, Герлинг-Грудзинский). Констатируется, что традиция польской эссеистики, охватывающая Новое и Новейшее время, основывается на доминировании «жанрового блока *silva*» (С. Скварчиньская), генезис которого в мировом литературном контексте восходит к Античности, а в постклассический период знаменует собой новый этап литературного самосознания, в котором использование «сильвических» форм приобретает характер художественной игры с читателем. В «Дневнике» Гомбровича старопольские формы «*silva rerum*» представлены в пародийном аспекте. «Дневник, писавшийся ночью» Герлинга-Грудзинского как собрание комментариев по поводу прочитанного сохраняет в себе жанровую память «*lucubrations*» — ночных «размышлений», представленных в творчестве философа поздней Античности Авла Геллия.

Ключевые слова: эссе, «*silva rerum*», старопольская литература, современная польская литература, дневник

Знакомя американских студентов с историей польской литературы, Чеслав Милош выделял в качестве доминирующего фактора ее развития большую склонность «к поэзии и театру, чем к романистике» [14, s. 11]. Кроме того, Милош скептически воспринимает традиционные суждения о романтизме как о «сердце» польской литературы, а также о влиянии католицизма на польское сознание, напоминая, что в период возникновения польской письменности — в эпоху Возрождения — Польша «была в значительной мере страной протестантской, “раем для еретиков”» [14, s. 11]. Последствия этого историко-культурного факта были, по мнению Милоша, весьма значительны для последующей «цепочки» исторической и культурной хроники: «...наследие интеллекту-

ального бунтарства никогда не было утрачено: через публицистов Просвещения и демократов девятнадцатого века оно было передано либеральной интеллигенции нашего времени» [14, s. 12]. Как следствие, основной идейной «константой» польской литературы Милош считает «дихотомию... эмоционального морализма, явно подпитываемого христианской этикой, с антиклерикализмом и крайним скептицизмом по отношению к каким-либо догматам (как религиозным, так и политическим)» [14, s. 12].

Поскольку в качестве исходного пункта Милош называет эпоху Возрождения и явно следует за Бердяевым, который в статье «Духи русской революции», наряду с немцем и русским, охарактеризовал менталитет француза (последний, согласно русскому философу, является «догматиком и скептиком, догматиком на положительном полюсе... и скептиком на отрицательном» [2, с. 80]), то в подтексте констатирующего суждения Милоша об особенностях исторического пути развития польской литературы скрывается диалог с Монтенем, который был не только создателем жанра эссе, но и своеобразным эталоном французского интеллектуала-скептика.

Известна жанровая склонность самого Милоша к эссеистике, а также к смешению эссеистики с поэзией в виде стихотворных поэм-«трактатов». Примечательно в этой связи хотя и несколько утрированное, но не лишенное своих резонансов историко-литературное наблюдение Милоша о том, что польская литература, в отличие от русской, не создала в XIX в. собственной школы «великого романа», с чем Милош связывает сильную тенденцию к эссеизации польской прозы. Характеризуя в «Истории польской литературы» польскую прозу 1918–1939 гг., Милош пишет: «Излюбленная польской читательской публикой небеллетристическая проза занимала в польской литературе значительное место, вторгаясь часто в районы, зарезервированные в других странах для беллетристики» [14, s. 502], а в интервью Сильвии Фролов он заключает: «Век XIX был веком романа по всей Европе. России удалось создать великий роман, чего в Польше не было. Наша литература — это прежде всего поэзия, драма, а также мемуары, дневники, эссе» [15, s. 272].

«Старшинство» эссеистики по отношению к жанру романа — историко-литературный факт, определившийся в эпоху Возрождения, когда помимо латиноязычных трактатов на общественные и моральные темы вышли в свет две прозаические книги на польском языке — «Польский придворный» Лукаша Гурницкого (1566) и «Зерцало» Миколая Рея (1567–1568). Оба произведения написаны в жанре «зеркала» (*speculum*) — дидактической «энциклопедии», в которой в назидательной и одновременно популярной форме излагается свод правил, представляющий достойный образ жизни и поведения человека, принадлежащего к определенному социальному кругу. В качестве образца для обоих произведений ранней польской прозы послужила книга итальянского гуманиста Бальдасарио Кастильоне «Придворный» («*Il Corteggiano*»), написанная в 1528 г. «Польский придворный» («*Dworzanin polski*») Лукаша Гурницкого является не чем иным, как вольным переложением этого произведения Кастильоне. Произведение Миколая Рея

«Зерцало» обнаруживает следы того же влияния, хотя отличается большей степенью своеобразия. По словам Станислава Виндакевича, литературное творчество Рея было смешением философии и беллетристики: «наполовину философствуя, наполовину забавляясь» [21, s. 11], Рей писал сочинения стихами и прозой без отрыва от привычных помещичьих дел. Его дидактическое произведение, полное название которого — «Зерцало, или Образ, в котором каждое сословие без труда может к своим делам как в зеркале присмотреться» («*Żwierciadło albo Kształt, w którym każdy stan snadnie się może swym sprawom jako we zwierciadle przypatrzeć*»), С. Виндакевич называет «наиболее зрелым и социально значимым трудом, написанным — может быть, за побуждением “Придворного” — во вкусе тогдашних руководств для людей разного положения и жизненного призвания» [21, s. 11].

Соотечественники считают Рея «отцом» польской прозы и его же, с легкой руки Мицкевича, называют славянским Монтенем. «Его произведения, похоже, происходили из того же самого духа, что произведения прославленных писателей эпохи, Кастильоне и Монтеня» [13, s. 472], — утверждал Мицкевич в «Славянской литературе». По Мицкевичу, как в Кастильоне и Монтене, в Рее соотечественники, даже критически к нему настроенные, признавали «дар меткого высказывания в разговорной речи» [13, s. 469], «талант выражения в простой и легкой форме возвышенных мыслей и глубоких чувств» [13, s. 472]. Конечно, существует огромная разница между автором «Зерцала», дающим совокупность вполне конкретных практических советов по поводу того, как должен прожить свою жизнь «человек почтенный», выходец из круга поместной польской шляхты, и автором «Опытов» — мыслителем релятивистского толка, полагавшим, что «разными средствами можно достичь одного и того же» [6, с. 36]. Однако для Мицкевича как автора парижского курса лекций подобная аналогия является осознанной стратегией, заключающейся в том, чтобы создать литературе славянской, в первую очередь польской, репутацию литературы равноправной по отношению к романским и германским. Давая обзор творчеству Рея, подобный прием использует Милош: «Поиски правил хорошей жизни, какие находим у Монтеня во Франции, склонили Рея написать частично стихами, частично прозой “Зерцало”» — «свободно текущую медитацию, наполненную бесчисленными цитатами из Библии и классической литературы» [13, s. 81].

Сравнивая Рея с Монтенем, Мицкевич признает нехватку эрудиции у своего соотечественника: «Польский шляхтич не так начитан, как французский дворянин. Читали они одни и те же книги; охотно пользовались краткими изложениями, сборниками анекдотов, выдержками из философских трудов, но Монтень лучше знает классических писателей, в особенности поэтов; да и вся его книга — это удивительная мозаика рассказов, анекдотов, вплетенных в весьма оживленное повествование; есть в ней легкость, непринужденная свобода занимательного собеседника» [13, s. 474]. Однако недостаток начитанности компенсируется у Рея, согласно Мицкевичу, тем, что, в отличие от Монтеня, польский автор «очерчивает общий план, дает философскую систему; по-

сколько он искреннее, у него больше веры, хотя он и протестант» [13, s. 475]. Здесь проявляется основная антитеза «Славянской литературы» Мицкевича, заключающаяся в том, что славянская душа в большей степени религиозная и эмоциональная, нежели это свойственно рационалистической душе западного человека. Основным моральным рецептом Рея — «укроти естество» («uczyn gwałt przyrodzeniu» [18, s. 212]) — опирается на необходимость соблюдения Моисеевых десяти заповедей. Но, несмотря на необходимость «укрощения естества», природное начало также сильно в образе жизни «человека почтенного» по Рею, о чем свидетельствует не лишенное поэтичности описание сезонных сельскохозяйственных занятий в отрывке книги под названием «Год на четыре части разделен» («Rok na cztery części rozdzielon» [18, s. 292]). Согласно Мицкевичу, «француз живет только книгами и самим собой. Поляк живет природой и Библией. Рей берет все сравнения из природы и Библии; от родной земли он черпает образы и их переносные значения; у него глубокое чувство природы, которое отсутствует у Монтеня» [13, s. 478]. Милош, следом за Мицкевичем, также говорит о «чувстве природы» в творчестве Рея. Однако последнее становится для Милоша доказательством не цельности Рея, а его антиномичности, что создает менее идеализированный, зато более реалистичный образ «отца» польской прозы: «Рей является странным сочетанием рассогласованных тенденций. Прославляя разум как доминирующую силу в человеке, он, несомненно, уместается в русле главного течения эпохи. Но хаотическое богатство его чувственной натуры мешает ему удержать свой стиль в строгих рамках, что отличает (Рея. — Л. М., И. К.) от современных ему гуманистов...» [14, s. 82].

Характерная тенденция, связанная с рассогласованностью в польской душе природного и рационального начал, проявляется в доминировании форм письменности, именуемых «ильвическими» (от *silva rerum* — «лес вещей» (лат.)). «Ильвической» форме в польской литературе положил начало латиноязычный писатель, автор известного во всей Европе политико-публицистического трактата «Об исправлении Речи Посполитой» («De Republica emendanda», 1551) Анджей Фрыч Моджевский, после смерти которого в 1590 г. вышел в свет сборник эссе на богословские темы под названием «Четыре ильвы» («*Silvae quator*»), написанный в 1565 г. В работе, посвященной литературной карьере жанровых форм *silva* (1969), Стефания Скварчиньская прослеживает генеалогию «ильвических» форм письменности в прозе и стихах, восходящих к Античности и ренессансному гуманизму, а также указывает на диалектику литературного развития, проявляющуюся в том, что рядом с классицизирующим стремлением к порядку и дисциплине формируется барочная по духу эстетика *varietas*, заключающаяся в неограниченной множественности поднимаемых тем и, в связи с этим, ничем не ограниченной авторской свободе перехода от одной темы к другой, а следовательно — в поэтике «открытого» произведения. «Мы имеем тут дело с первой в письменности открытой формой, разумеется, еще в состоянии примитивном», — утверждает С. Скварчиньская [20, s. 43]. Восходящая к Цицерону, Квинтилиану, а также к Юлию Цезарю Ска-

лигеру метафора *silva rerum*, традиционно интерпретируемая как «набросок» или «черновик», нашла себе стабильное место только в польской терминологии, но не встречается в иноязычных словарях и энциклопедиях. С. Скваичиньская уточняет:

...Жанровое наименование *silva rerum* относится к многочисленным от XVI до середины XVIII века, и знаменательным для шляхетско-помещичьей культуры, внушительным и, в принципе, не предназначенным к печати фолиантам, ведущимся главой семейства, часто из поколения в поколение. Их содержимое составляли изначально записи событий общественной, светской и семейной жизни... а с другой стороны, вписываемые (в эту хронику. — Л. М., И. К.) от случая к случаю тексты, различные по тематике, значимости, форме и жанровому характеру, анонимные, чужие и собственные, сбиваемые, в совокупности, в анонимную массу. Сосуществовали рядом друг с другом произведения на польском и латинском языке, в прозе и стихах, короткие, средние и длинные, а также отдельные фрагменты; переплетаясь, стояли в одном ряду тексты речей на сеймах и сеймиках, речей свадебных и похоронных, разного рода документы по политическим, а также имущественным и торговым вопросам, счета и реестры, хозяйственные записи и предписания, письма, панегирики и пасквили, анекдоты по случаю и шутки, эпиграммы и фразы, теологические заключения, любовные и религиозные песни, сатиры и даже диалоги [20, s. 40–41].

Традицию «сильвичности» С. Скваичиньская далеко не без оснований прослеживает вплоть до новейшего периода развития литературы, что проявляется в популяризации таких жанров, как дневник, мемуары, эссе, отражающих приоритет многообразия форм и открытости живой речи перед логическим единством скристаллизованного текста. Среди примеров «сильвизации» прозы в период Нового времени исследовательница приводит «жанровую карьеру» эссе, началом которой послужило творчество Мишеля де Монтеня: «Связываемые обычно с философской тематикой, а в ее рамках с моральной и религиозной, “прозаические *silvae*” стали на основании присущей им свободы восприятия темы и лишенной ригоризма композиции колыбелью не только нового жанра — эссе, но и ренессансного метода философского высказывания, эссеистического метода, санкционированного “Опытами” Монтеня» [20, s. 68]. В подобном духе говорил о книге Монтеня в цитировавшейся выше «Славянской литературе» Адам Мицкевич: «По отношению к догмату он [Монтень] был всегда правоверен, но во второстепенных вопросах позволял себе писать, вернее, непринужденно беседовать с читателем без конца. Он размышляет обо всем, что ни приходит ему в голову, поэтому его произведение порождает хаос, в котором все партии ищут себе оружие, все взгляды находят поддержку» [13, s. 474].

«Сильвизация» польской прозы, сказывающаяся в жанровой, тематической и стилистической «пестроте» текстов, проявляется в эпоху барокко. Самым показательным примером являются «Паментники»¹ Яна Хризостома Пасека, написанные в 90-е гг. XVII в. Фрагментарным зачи-

¹ «Pamiętnik» (польск.) — «мемуары».

ном этого «сильвического» мемуарного текста выступает стихотворная эпитафия боевому коню автора по кличке Дереш. Помимо стихотворений, жанровый состав «лоскутного» сочинения Пасека образуется письмами, публичными речами, историями анекдотического характера, песнями. Польская разговорная (сказовая) речь «Паментников» перемежается с макароническими конструкциями — латинизмами, усиливающими впечатление «сильвичности» на уровне стиля. Язык «Паментников» оказал огромное влияние на развитие традиций польской прозы, в том числе реалистического романа XIX в. («Огнем и мечом» Сенкевича).

В упоминавшейся выше статье С. Скварчиньской говорится также о том, что в эпоху Античности (начиная с «Естественной истории» Плиния Старшего) и Ренессанса сформировался противоположный «жанровому блоку *silva*» жанр энциклопедии, порожденный стремлением к универсальности и системности знания: одним из разновидностей энциклопедии является вышеупомянутый дидактический поджанр «*speculum*»-«зеркала». Стремление к энциклопедизму отражает предпросветительские тенденции в европейской культуре и, в частности, в польской литературе раннего Нового времени. Однако в 1745 г. появилась не лишенная барочных признаков «сильвичной» фрагментарности польская энциклопедия Бенедикта Хмелёвского: ее полное название — «Новые Афины, или Академия, полная всяческих знаний, по разным названиям как по классам разделенная, умным для запоминания, идиотам для науки, политикам для практики, а меланхоликам для развлечения предназначенная» («*Nowe Ateny albo Akademia wszelkiey sciencyi pełna, na różne tytuły, iák ná classes podzielona, mądrym dla memoryału, idiotom dla náuki, politykom dla práktyki, melancholikom dla rozrywki erigowana*»). Несмотря на жанровое задание энциклопедии, труд Хмелёвского слабо связан с идеологией и философией Просвещения, представляя картину мира, основанную в большей степени на предрассудках и даже суевериях, чем на научно проверенном знании. Характеризуя «Новые Афины», Милош в «Истории польской литературы» иронически замечает, что они являются диагнозом невысокой степени просвещенности и высокой степени эклектизма познаний польской читательской публики первой половины XVIII в., превратившей труд Хмелёвского едва ли не в «бестселлер»: «Это был альманах, дающий ответы на серию проблем практического свойства, вроде того, как предотвратить сонливость: “Ласточкин глаз положив в чью-то постель, сна лишишь (спящего на ней. — Л. М., И. К.)... хорошее средство против сонъ”» [14, s. 184]. Противоположная оценка сочинения Хмелёвского дана уже в наше время другим польским Нобелевским лауреатом — современной писательницей Ольгой Токарчук, автором «Книг Якова» (2014), представляющих собой сплав энциклопедии и романа в «сильвическом» духе. В послесловии к «Книгам Якова» Токарчук пишет о том, что энциклопедия Хмелёвского может считаться одним из прообразов интернета, направившего литературное развитие XXI в. в новое, но, по сути, хорошо забытое старое русло: «Множество радостных мгновений принесла мне работа над фигурой ксендза Бенедикта Хмелёвского, ро-

гатинского декана, впоследствии киевского каноника, первого польского энциклопедиста. <...> Уверена, что ксендз Хмелёвский испытал бы удовлетворение, узнав, что его идея — знания, доступные всем и в любой момент, — была реализована спустя двести пятьдесят лет после его смерти» [9, с. 16–17].

Обилие «сильвических» и присутствие энциклопедических форм в старопольской письменности XVI и XVII вв. контрастирует с основной лакуной жанровой системы польской литературы — запоздалым развитием романа, который сыграл в литературе Нового времени роль «центрального» жанра. Первый пример польского романа — «Случаи Миколая Досвядчиньского» Игнация Красицкого — относится только к 1775–1776 гг. Он представляет собой контаминацию жанровых схем западноевропейского просветительского романа XVIII в.: романа воспитания, «философской повести», утопии, «робинзонады» — и выражает систему просветительских взглядов на мир и человека. Игнаций Красицкий — характернейший представитель энциклопедизма польского «извода», о чем косвенно свидетельствует созданный им труд «Собрание нужнейших сведений» («Zbiór potrzebniejszych wiadomości», 1781–1783).

Возрождение форм «сильвичности» и связанную с ним вторую волну эссеизации польской прозы необходимо отнести уже к новейшему периоду развития польской литературы. В 1984 г. вышла в свет монография Рышарда Ныча «Современные сильвы» («Sylwy współczesne»), в которой исследуемый феномен античной, ренессансной и барочной письменности теоретически адаптирован к специфике XX в. как «тип современной литературной формации» [17, s. 6] и «форма внутреннего самопознания литературы» [17, s. 149]. Одной из экспериментальных «площадок» по «сильвическому» игровому скрещению разнородных жанровых схем становится дневник. Наиболее отчетливо об архаической генеалогии этого жанра пишет Ежи Анджеевский в дневнике «День за днем» (1972–1979): «Меня манит и притягивает что-то наподобие старопольских записных книг, чтобы... все бросить в один мешок... пусть все это... сплетется, перемешается и загустеет, чтобы этой польской записной книгой на рубеже XX века не руководили ни один заведомо определенный порядок и ни одна окончательная цель...» [10, s. 34]¹.

Поэтика «жанрового блока *silva*» (С. Скварчиньская) ярко проявляется в «Дневнике» (1961–1969) Витольда Гомбровича. В предисловии к 1-му тому «Дневника» приводится суждение, уместное по отношению к любой книге, написанной в «сильвической» манере: «Дневник этот — писанина довольно беспорядочная, с одного месяца на другой, — наверняка не раз повторяюсь, не раз себе противоречу. Упорядочить это? Причесать? Предпочел бы, однако, чтобы не было все это слишком прилизано» [11, t. 1, s. 5]. Подобное предупреждение не чуждо традициям старопольской письменности, примером чему могут быть «Четыре сильвы» Моджевского. «Вижу сам, — пишет этот автор XVI в., — что

¹ О поэтике «сильвичности» Ежи Анджеевского см. подробнее: [4].

в произведении много таких мест, которые нуждаются в обработке и выглаживании... Но, так и быть, выпускаю в свет книги скомканные, несовершенные, написанные в спешке, поэтому даю им название "Сильва"» [16, s. 42]. Авторы произведений «сильвического» типа часто говорят не только о необработанности, но и о заведомой бесцельности подобных писаний, однако Гомбрович в «Дневнике» прямо заявляет одной из целей своего сочинения провокативное высмеивание, пародирование польских традиций, польской «формы»: «Сто лет назад литовский поэт (Мицкевич. — Л. М., И. К.) выковал форму польского духа, сегодня я, как Моисей, вывожу поляков из несвободы этой формы, поляка из него самого вывожу» [11, t. 1, s. 59]. Как известно, борьба с польской «формой» велась Гомбровичем посредством пародизации старопольско-сарматского стиля, примером чему может быть роман «Транс-Атлантик» (1951), построенный в форме квазимемуаров, как стилизация уже упомянутых «Паментников» Яна Хризостома Пасека. О XVIII в., то есть об эпохе правления саксонских курфюрстов, предшествовавшей разделам Речи Посполитой, Гомбрович пишет как о периоде кризиса старопольско-сарматского стиля и вместе с тем упущенной возможности более глубокого самопознания польской «формы»:

И отсюда авантюра неслыханная, которой был XVIII век... который оставил нас с глазу на глаз с нашим уродством, разболтанностью нашей... век склеротического, старческого окостенения и одновременно тупой разнужданности, когда из-за разрыва между формой и инстинктом открылась бездна... самая глубокая, которая когда-нибудь открывалась нашей сельской душе [11, t. 1, s. 354].

Диссонанс между традиционной польской «формой», со времен Миколая Рея пропитанной духом благообразия сельских «трудов и дней», и неистовством западной «фаустовской» цивилизации определяет стратегию автокреации Гомбровича, который, с одной стороны, выставляет напоказ самокомпрометирующий имидж провинциального и старомодного шляхтича из «золотого века» Речи Посполитой, но с другой — показывает, как «почтенный польский шляхтич» оказывается перед «вызовами» западноевропейской цивилизации, далеко ушедшей от состояния идиллической безмятежности. Вместе с тем выдвижение на передний план образа «почтенного шляхтича» а Іа Миколай Рей может послужить стратегией пародирования современной западной интеллектуальной жизни:

Читая мой дневник, какое складывается впечатление? Разве не такое, будто бы некий селянин из Сандомирщины приходит в дребезжащую и вибрирующую фабрику и гуляет по ней как по собственному саду? Вот раскаленная печь, в которой фабрикуются экзистенциализмы, вот Сартр из расплавленного олова стряпает свою свободу-ответственность. Вот мастерская поэзии, где тысяча рабочих, истекающих семью потоками, в движении раскрученных пленок и шестеренок, производят операцию острейшим электромагнетическим ножом на все более твердом материале... Вот доменная печь католицизма. А чуть поодаль завод марксизма, вот молот пси-

хоанализа, вот артезианские колодцы Гегеля и феноменологический станок... А я хожу себе среди этих машин и изобретений с рассеянной миной и вообще-то без особого интереса, совсем как по своему деревенскому огороду [11, т. 1, с. 145].

Не отрицая свою польскую идентичность, Гомбрович манифестирует скептическое отношение к национальным стереотипам, обусловленное тем, что он как писатель имеет «генеалогию» «от Монтеня» и, следовательно, «вошел в литературу под знаком бунта и провокации» [11, т. 1, с. 301]. Эпатажная провокативность Монтеня проявляется во вступлении к «Опытам», в котором он заявляет, что выступает не как политик и проповедник, а как частное лицо, поэтому: «Если бы я жил между тех племен, которые, как говорят, и посейчас еще наслаждаются сладостной свободой изначальных законов природы, уверяю тебя, читатель, я с величайшей охотой нарисовал бы себя во весь рост, и притом нагишом» [6, с. 35]. У Гомбровича в «Дневнике» есть подобный пассаж с провокативным заданием: «Никогда ни с кем я не вступил в поединок, кроме как предварительно сняв с себя все чины и эполеты, и вообще не написал ни одного слова, кроме как в костюме Адама» [11, т. 2, с. 282]. Подобным и Монтеню, и Гомбровичу по своей литературной «конституции» был эссеист русского серебряного века Василий Васильевич Розанов¹, утверждавший следующее: «И я, который наименее опубликовывался уже в печати, сделал еще шаг вовнутрь, спустился еще на ступень вниз против своей обычной "печати" (халат, штаны) — и очутился, "как в бане нагишом", что мне было совсем не трудно» [7, с. 250]. Книги Розанова «Уединенное» и «Опавшие листья» являются одной из параллелей типу эссеистической прозы, называемой в польской традиции «сильвической». Об этом свидетельствуют наблюдения А.Д. Синавского, назвавшего «Опавшие листья» даже отдельным «жанром», причем жанром «уникальным» [8, с. 111], сугубо «розановским»: «Розанов между делом и где угодно: в гостях, на извозчике, на вокзале, на улице и т.д. — кое-что записывал из того, что его занимало в данный момент. Записывал на отдельных листочках, которые затем бросал в общую кучу... Строго говоря, это книга из мусорной корзины. Книга без замысла, без предварительного сюжета, без цели. И вместе с тем книга о самом себе, более чем какая-либо другая книга прилегающая к душе и к телу писателя» [8, с. 112]. Изобретенная А.Д. Синавским жанровая номинация прозы Розанова — «лирическая газета» — как нельзя лучше передает сродство поэтики Розанова с «жанровым блоком *silva*», зиждущимся, по С. Скварчиньской, на «шатком равновесии» [20, с. 44] между экстравертным и интровертным психологическими типами: «"Опавшие листья" — это чисто документальный жанр, граничащий с газетной информацией. Но через крайнюю интимность материала и интимность подачи этого материала газета здесь обращается в лирику, в лирическую прозу» [8, с. 146].

¹ См. также сравнительное-сопоставительное исследование прозы Розанова и Гомбровича [3].

Иной модификацией эссеистической «сильвичности» является «Дневник, писавшийся ночью» («Dziennik pisaný nocą», 1971 – 2000) Густава Герлинга-Грудзиньского. Название «...писавшийся ночью» содержит фактографическое указание на временные обстоятельства ведения записей, что автор озвучивает в интервью Эльжбете Савицкой: «Я пишу “Дневник” ночью, то есть набрасываю его начерно, а утром следующего дня принимаюсь за шлифовку» [19, s. 136]¹. Во многом «Дневник, писавшийся ночью» состоит из заметок на полях прочитанного — авторской рефлексии по поводу художественных, документальных, публицистических, философских и научных сочинений разных времен. Также «сильвическую» «ткань» «Дневника...» образуют «картинки» городской и загородной жизни, путевые очерки, автобиографическо-мемуарные тексты, искусствоведческие этюды, рассказы. «Акцент» «Дневника...» на разносторонний читательский опыт, как и само название произведения, типологически соотносит его с традициями поздней Античности. О соответствующей разновидности «сильвы» под названием *lucubrationes*, представленной Плинием Старшим и Геллием, пишет С. Скварчиньская как «о типе произведений, возникших за счет бессонных ночей, при свете лампы», как о своеобразных «“эксерта” из чужих произведений, “выписках”» [20, s. 55]. В предисловии к книге «Аттические ночи» Авл Геллий говорит о бессистемных записках, которые «забавы ради» он вел «долгими зимними ночами». Само название книги отражает простоту и невзыскательность формы: «...небрежно, незатейливо и даже несколько грубовато... по самому месту и времени ночных бдений назвали [наш труд] “Аттические ночи”» [1]. Также в предисловии Геллия говорится о том, что подобная «сильва» не имеет четкой логической концовки и может быть прервана только со смертью автора: «...число книг будет с помощью богов продвигаться вперед по мере продвижения вперед [дней] самой жизни, пусть они и будут совсем немногочисленны, но я не хочу, чтобы мне был дан более долгий срок жизни, чем [тот], пока я еще буду способен к писанию и составлению комментариев» [1]. Принцип пожизненного ведения «сильвы»-*lucubrationes* соблюден в «Дневнике, писавшемся ночью». В предисловии к 10-му тому своего Собрания сочинений (1997) Герлинг-Грудзиньский пишет следующее: «Оборву ли писание дневника и сросшихся с ним рассказов в конце 1996 года? Если судьба не вырвет пера из моей руки, то, конечно, мой дневник, типичный *work in progress*, будет иметь продолжение» [12, t. 10, s. 6]. А в предисловии к 11-му тому (2000) дополняет сказанное: «Особенность дневника в том, чтобы продержаться до конца, до момента, когда уж, в самом деле, нельзя будет удержать перо в руке» [12, t. 11, s. 5].

«Жанровый блок *silva*» в эссеистике, диаристике и мемуаристике образует «вертикаль», пронизывающую историю литературы от Античности до современности. Роль польской литературной традиции —

¹ Помимо буквального смысла «...писавшийся ночью» возможны также аллегорические варианты прочтения образа «ночи» у Герлинга метаисторического, метафизического и экзистенциального характера, о чем автор этих строк писал ранее в монографии [5, с. 42–44].

в сохранении форм «сильвичности», распространенных впоследствии на новейший период развития. Сам факт бытования «сильвических» форм в старопольской литературе имеет социокультурную обусловленность, поскольку авторам, вышедшим из шляхты, анархическая «сильвичность» барокко представлялась чем-то более привычным и родным, чем дисциплина классицизма. В XX в. польское тяготение к «сильвическим» формам объясняется уже иными причинами: тем, что авторская точка зрения, выраженная от первого лица, нередко противостояла идеологическим дискурсам литературы, требующим однозначности суждения и выраженным, с одной стороны, в соцреалистической «партийности», а с другой — в политических лозунгах эмиграции.

Список литературы

1. Авл Геллий. Аттические ночи. URL: https://royallib.com/read/avl_gelliy/atticheskie_nochi_knigi_I___X.html#0 (дата обращения: 6.05.2025).
2. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. Париж, 1997. С. 71 — 106.
3. Мальцев Л.А. В. Гомбрович и В.В. Розанов: борьба с формой // Балтийский филологический курьер. 2005. №5. С. 303 — 311.
4. Мальцев Л.А. Дневник «День за днем» Е. Анджеевского: поэтика «незавершенного произведения» // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. №8. С. 144 — 149.
5. Мальцев Л.А. Между Россией и Западом: традиция экзистенциализма в творчестве Г. Херлинга-Грудзиньского. Калининград, 2008.
6. Монтень М. де. Опыты. М., 1991.
7. Розанов В.В. О себе и жизни своей. М., 1990.
8. Синявский А.Д. «Опавшие листья» В.В. Розанова. Париж, 1982.
9. Токарчук О. Книги Якова. М., 2023.
10. Andrzejewski J. Z dnia na dzień. Dziennik literacki : w 2 t. T. 1. Warszawa, 1988.
11. Gombrowicz W. Dziennik : w 3 t. Kraków, 1997.
12. Herling-Grudziński G. Pisma zebrane : w 12 t. Warszawa, 1995 — 2002.
13. Mickiewicz A. Dzieła. T. VIII. Literatura słowiaska. Kurs pierwszy. Warszawa, 1997.
14. Miłosz Cz. Historia literatury polskiej do roku 1939. Kraków, 1993.
15. Miłosz Cz. Rosja. Widzenia transoceaniczne. Dostojewski — nasz współczesny. Warszawa, 2010.
16. Modrzewski A. F. Dzieła wszystkie. Warszawa, 1959. T. 5.
17. Nycz R. Sylwy współczesne. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Łódź, 1984.
18. Rej M. Wybór pism. Warszawa, 1975.
19. Sawicka E. Widok z wieży. Rozmowy z Gustawem Herlingiem-Grudzińskim. Warszawa, 1997.
20. Skwarczyńska S. Kariera literacka form rodzajowych “silva” // Europejskie związki literatury polskiej. Warszawa, 1969. S. 37 — 75.
21. Windakiewicz S. Mikołaj Rej z Nagłowic. Lublin, 1922.

Об авторах

Леонид Алексеевич Мальцев — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: lamaltsev23@mail.ru

Иван Демьянович Копцев — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: IKoptsev@kantiana.ru

L. A. Maltsev, I. D. Koptsev

**"AN EXACT STATEMENT IN EVERYDAY SPEECH":
ON THE ESSAYISTIC "SILVICHNESS" OF POLISH PROSE**

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 06 May 2025

Accepted 21 August 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-7

79

To cite this article: Maltsev L.M., Koptsev I.D., 2025, "An exact statement in everyday speech": on the essayistic "silvichness" of Polish prose, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №4. P. 68–79. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-7.

The essayistic tradition of Old Polish prose is examined, represented by authors of the Renaissance (Rey, Górnicki, Modrzejewski), Baroque (Pasek, B. Chmielowski), and Enlightenment (Krasicki) periods. The creator of the Polish essayistic canon was Mikołaj Rey, the author of the book Zerciadło, which Mickiewicz compared to Montaigne's Essays. The role of the essayistic element in the literary diaries of 20th-century Polish writers (Andrzejewski, Gombrowicz, Herling-Grudziński) is considered. It is stated that the tradition of Polish essayism, spanning the Modern and Contemporary periods, is based on the dominance of the "genre block silva" (S. Skwarczyńska), whose genesis in the world literary context goes back to Antiquity, and which in the postclassical period marks a new stage of literary self-consciousness, where the use of "silva" forms acquires the character of artistic play with the reader. In Gombrowicz's Diary, the Old Polish forms of silva rerum are presented in a parodic aspect. Herling-Grudziński's Diary Written at Night, as a collection of comments on what was read, preserves the genre memory of lucubrationes – nocturnal "reflections" presented in the works of the philosopher of Late Antiquity, Aulus Gellius.

Keywords: essay, "silva rerum", Old Polish literature, contemporary Polish literature, journal

The authors

Prof. Leonid A. Maltsev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: lamaltsev23@mail.ru

Prof. Ivan Koptsev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: IKoptsev@kantiana.ru

УДК 159.9.07

Т. О. Юдина

МОРАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЛИЧНОСТИ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Поступила в редакцию 05.06.2025 г.

Принята к публикации 13.08.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-8

80

Для цитирования: Юдина Т. О. Моральный компонент идентичности и психологическое благополучие личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. №4. С. 80—88. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-8.

Влияние личностных черт, ценностей и моральных установок на уровень психологического благополучия личности представляет собой актуальную и перспективную тему, существенную для решения фундаментальных и прикладных задач междисциплинарного спектра. Зарубежные исследования подтверждают связь психологического благополучия с показателями психического здоровья и уровнем морально-нравственного развития, отражающегося в просоциальном поведении. Однако как в зарубежных, так и в отечественных научных кругах существует дефицит исследований, посвященных взаимосвязи содержательных компонентов идентичности и целостности структуры идентичности с психологическим благополучием и психическим здоровьем. Цель исследования — проверить гипотезу о связи психологического благополучия с моральной идентичностью и индексом устойчивости идентичности, а также изучить взаимосвязь моральной идентичности с тревожностью и депрессией как показателями психического здоровья. Проведена проверка гипотез с использованием стандартизированных методик на выборке из 127 человек, после чего выполнен корреляционный анализ полученных данных. Полученные результаты, показавшие значимую положительную корреляцию между психологическим благополучием, моральной идентичностью и индексом устойчивости идентичности, могут стать основой для дальнейших исследований в области морального развития, а также разработки практических рекомендаций.

Ключевые слова: моральная идентичность, устойчивость идентичности, психологическое благополучие, психическое здоровье, целостность идентичности

Введение

Теоретические и эмпирические данные свидетельствуют в пользу утверждения о том, что сформированная идентичность является защитой от негативных ментальных и поведенческих проявлений. Однако

проводимые исследования почти не касаются содержания структуры идентичности личности. В то же время качественное наполнение сформированной структуры идентичности и соотношение ее элементов имеют большое значение для понимания специфики личности [19]. Так, те или иные установки, обязательства, ценности, убеждения или смыслы представляют различные области в структуре идентичности и могут играть более или менее весомую роль в системе поведения и уровне благополучия личности. Например, в качестве приоритетных могут выступать области идентичности, способствующие творческой и активной деятельности, социальной активности, или «первой скрипкой» выступают смыслы и установки, гармонизирующие отношения личности с окружающими и способствующие психологической безопасности, или ведущим для личности является морально-нравственный аспект идентичности, и т.д. [9; 20]. Другими словами, сформированная идентичность — это гайд, задающий направление активности личности.

В исследованиях идентичности большинство авторов опираются на теорию развития идентичности Э. Эриксона [7]. Согласно теории Эриксона, основным вызовом оказывается конфликт становления идентичности, решение которого становится фундаментом и залогом благополучного функционирования личности на пути дальнейшего развития. Сформированная целостная идентичность обеспечивает личность ощущением агентности, что выражается в автономности, психологической зрелости, целенаправленности, ответственности и готовности брать на себя обязательства [21]. Теоретические изыскания Эриксона подтверждают современные эмпирические исследования, указывающие на наличие связи между здоровым психологическим функционированием и целостностью идентичности [9], а также связи между идентичностью и уровнем счастья [11]. Было показано, что люди со зрелой и целостной идентичностью реже страдают от тревожного и депрессивного расстройств, зависимостей и расстройств поведения, а также имеют стабильную самооценку и демонстрируют высокий уровень психологического благополучия [10].

Морально-нравственный аспект идентичности или моральная идентичность отражается в том, насколько нравственные идеалы и ценности являются руководящими в структуре идентичности личности и ее поведении [15; 16]. Формирование морально-нравственного элемента идентичности происходит параллельно с индивидуальным моральным развитием, в ряде случаев позволяя личности определять себя исключительно через свои морально-нравственные качества, базируя таким образом собственную идентичность на моральном аспекте. Исследования показывают, что просоциальное поведение, склонность к сотрудничеству и вовлеченности в общественную жизнь, а также щедрость прямо связаны с уровнем развития морально-нравственного аспекта идентичности [12; 14; 15].

Наряду с пулом работ, посвященных связи морального аспекта идентичности с перечисленными поведенческими проявлениями, обзор литературы выявил дефицит данных относительно связи морального компонента идентичности [1, с. 26] и психологического благополучия [18, с. 161]. В то же время предположения о наличии такой связи и попытки их проверить можно найти в исследованиях, посвященных изучению связи моральной идентичности с социальной тревожностью [22], алкогольной и наркотической зависимостью [8; 17].

Мы предполагаем, что роль морального компонента и его значимость в общей структуре идентичности может быть рассмотрена с разных сторон. Так, с одной стороны, моральный аспект может составлять фундамент идентичности, однако его проявление будет зависеть от степени зрелости личности или устойчивости идентичности. В случае высокой степени зрелости моральный аспект будет способствовать устойчивости и адаптивному поведению. В случае если личность незрелая, моральный компонент будет лишь задавать направление движению, но не станет значимым фактором при принятии решений, адаптации в новых ситуациях или проявлении просоциальных актов. Мы предполагаем, что личность, приверженная своим ценностям и моральным убеждениям, чаще является психологически благополучной и менее подвержена деструктивному поведению.

Вместе с этим отдельного внимания заслуживает сам вопрос о связи устойчивости идентичности и степени выраженности морального компонента в общей структуре идентичности. С одной стороны, можно предполагать, что устойчивая идентичность с выраженным моральным компонентом личности будет предиктором здорового психического функционирования. С другой стороны, вероятно и то, что зрелая идентичность без выраженного морального компонента также будет способствовать более адаптивному поведению и здоровому психическому функционированию, но, скорее всего, это поведение и его мотивы не всегда окажутся желательными или благоприятными с моральной точки зрения.

Опираясь на вышеописанные данные и выводы, мы считаем, что проблема соотношения морального компонента идентичности и уровня психологического благополучия заслуживает внимания исследователей, однако слабо освещена в отечественной психологической литературе. Целью нашего исследования является проверка предположения о наличии связей между устойчивостью идентичности, моральным компонентом идентичности, уровнем психологического благополучия и показателями психического здоровья. Для конкретизации нашей цели мы планируем проверить следующие рабочие гипотезы: 1) психологическое благополучие положительно связано с устойчивостью идентичности и моральной идентичностью; 2) моральная идентичность отрицательно связана с уровнем тревоги и депрессии; 3) психологическое благополучие отрицательно связано с уровнем тревоги и депрессии.

Процедура и материалы

Выборку составили 127 респондентов в возрастном диапазоне от 18 до 53 лет (средний возраст $M = 28,2$; $SD = 10,2$), из них 55 мужчин, 72 женщины. Исследование проводилось методом опроса в онлайн-форме. Для проверки наших гипотез при составлении онлайн-опросника был использован следующий перечень стандартизированных методик:

- 1) русскоязычная версия методики «Индекс устойчивости идентичности» (IRI) в адаптации Я. А. Соловьевой и М. А. Одинцовой [5];
- 2) русскоязычная версия опросника «Моральная идентичность» (MIQ) в адаптации О. А. Сычева и И. Н. Протасовой [6];
- 3) короткий вариант шкалы психологического благополучия Рифф (PWB) в адаптации Л. В. Жуковской и Е. Г. Трошихиной [3];
- 4) госпитальная шкала тревоги и депрессии (HADS) [2; 4].

Участие в исследовании было добровольным и анонимным, обратной связи не предоставлялось. Математическая обработка результатов выполнялась с помощью программы JASP. Корреляционный анализ данных осуществлялся с помощью вычисления r -коэффициента Пирсона.

Результаты

В таблице 1 представлена описательная статистика изучаемых параметров, а именно размеров стандартного отклонения и средней величины индекса устойчивости идентичности (УИ), показателя моральной идентичности (МИ), интегрального показателя психологического благополучия (ПБ), показателей тревоги (Тр) и депрессии (Дп).

Таблица 1

Описательная статистика

Показатель	УИ	МИ	ПБ	Тр	Дп
Mean	29,34	55,09	145,45	7,24	5,04
SD	9,87	8,05	20,64	3,45	3,19

В таблице 2 приведены данные по величинам выраженности измеренных параметров. Как видно из таблицы, большинство испытуемых находятся в рамках среднего диапазона выраженности индекса устойчивости идентичности (УИ=78 %), моральной идентичности (МИ=69 %) и уровня психологического благополучия (ПБ=53 %). Большая часть респондентов демонстрируют низкий уровень выраженности тревоги и депрессии (Тр=57 % и Дп=79 % соответственно). Примечательно, что почти $1/5$ респондентов показали высокий уровень тревожности (Тр=18 %) и низкий — выраженности моральной идентичности (МИ=17 %). Показательно малая доля респондентов имеет низкий уровень индекса устойчивости идентичности (УИ=4 %).

Таблица 2

Уровни выраженности показателей, %

Уровень	УИ	МИ	ПБ	Тр	Дп
Низкий	4	17	13	57	79
Средний	78	69	53	25	14
Высокий	18	14	34	18	7

84

Наша первая гипотеза о наличии связи психологического благополучия с устойчивостью идентичности и моральной идентичностью подтвердилась полностью (табл. 3). Так, статистический анализ обнаружил слабую, но значимую положительную корреляцию между уровнем психологического благополучия и величиной индекса устойчивости идентичности ($r=0,288$, $p\leq 0,001$). Средний уровень значимой корреляционной связи обнаружен между психологическим благополучием и моральной идентичностью ($r=0,502$, $p\leq 0,001$). Также корреляционный анализ показал значимую положительную связь средней выраженности между устойчивостью идентичности и моральной идентичностью ($r=0,594$, $p\leq 0,001$).

Таблица 3

Статистический анализ связи психологического благополучия с устойчивостью идентичности и моральной идентичностью

Показатели идентичности	Коэффициент корреляции	Психологическое благополучие	Устойчивость идентичности
Устойчивость идентичности	Pearson's r	0,288	—
	p-value	< ,001	—
Моральная идентичность	Pearson's r	0,502	0,594
	p-value	< ,001	< ,001

Полученные результаты не подтверждают нашу вторую гипотезу о связи моральной идентичности с показателями психического здоровья (табл. 4). Корреляционные связи между указанными параметрами крайне слабые и незначимые.

Таблица 4

Статистический анализ связи моральной идентичности с показателями тревоги и депрессии

Показатель	Коэффициент корреляции	Моральная идентичность
Тревога	Pearson's r	0,128
	p-value	0,149
Депрессия	Pearson's r	0,216
	p-value	0,014

Результаты демонстрируют наличие связи между психологическим благополучием и уровнем тревоги и депрессии (табл. 5), что подтверждает нашу третью гипотезу и также соотносится с данными литературы. Обнаружена значимая отрицательная корреляционная связь слабой выраженности между психологическим благополучием и тревогой ($r = -0,390$, $p \leq 0,001$) и соответственно депрессией ($r = -0,348$, $p \leq 0,001$).

Таблица 5

**Статистический анализ связи психологического благополучия
с показателями тревоги и депрессии**

Показатель	Коэффициент корреляции	Психологическое благополучие
Тревога	Pearson's r	-0,390
	p-value	<,001
Депрессия	Pearson's r	-0,348
	p-value	<,001

85

Обсуждение результатов

Генеральной целью настоящего исследования была проверка предположения о связи показателей психологического благополучия и моральной идентичности, а также об их связи с индексом устойчивости идентичности. Корреляционный анализ показал наличие значимой взаимосвязи между показателями психологического благополучия, выраженности морального компонента идентичности и общей устойчивости идентичности, а также психологического благополучия и психического здоровья, что в целом соотносится с имеющимися данными в зарубежной литературе [11; 18 с. 169 – 170; 22].

Несмотря на корреляционный характер нашего исследования, такие результаты могут свидетельствовать, во-первых, о том, что содержание общей структуры идентичности, соотношение и уровень выраженности ее компонентов модулирует развитие ее целостности, а во-вторых, что моральные убеждения, лежащие в основе целостной идентичности, формируют мотивацию к моральным поступкам. Мы полагаем, что согласованная и устойчивая идентичность, направляемая моральными нормами и правилами, выполняет опорную функцию в структуре личности, поддерживая позитивное отношение личности к себе и окружающим, автономность, адаптивность и другие параметры психологического благополучия [18, с. 161].

По всей видимости, моральная идентичность в зависимости от содержания и степени сформированности не только служит маяком для идеологической организации поведения, но также наделяет индивидуальность уникальными свойствами и охраняет субъективное ощущение благополучия. Отсутствие значимой взаимосвязи моральной идентич-

ности с показателями тревоги и депрессии наталкивает на предположения о том, что морально-нравственная сторона личности не искажается на фоне расстройств тревожно-депрессивной симптоматики.

Наши данные открывают отечественным исследователям новые возможности для углубленного изучения механизма и факторов развития морального компонента личности. Кроме того, наше исследование может служить ориентиром для формирования практических рекомендаций, направленных на развитие и укрепление морального компонента идентичности.

Список литературы

86

1. Беляева Е.В. Моральная идентичность я и другого // Электронная библиотека БГУ. 2017. URL: <http://elibr.bsu.by/handle/123456789/211992> (дата обращения: 04.06.2025).
2. Махмудова А.А. Госпитальная шкала тревоги и депрессии (HADS) // Инновации. Наука. Образование. 2021. №26. С. 1830–1835.
3. Жуковская Л.В., Трошихина Е.Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал. 2011. Т. 32, №2. С. 82–93.
4. Морозова М.А., Потанин С.С., Бениашвили А.Г. и др. Валидация русскоязычной версии Госпитальной шкалы тревоги и депрессии в общей популяции // Профилактическая медицина. 2023. Т. 26, №4. С. 7–14.
5. Соловьева Я.А., Одинцова М.А. Адаптация методики «Индекс устойчивости идентичности» на русскоязычной выборке // Актуальные проблемы психологического знания. 2023. №2. С. 21–36.
6. Сычев О.А., Протасова И.Н. Русскоязычная версия опросника моральной идентичности // Экспериментальная психология. 2023. Т. 1, №4. С. 204–218.
7. Эриксон Э. Идентичность и цикл жизни. СПб., 2024.
8. Atonini C., Donovan R.J. The relationship between youth's moral and legal perceptions of alcohol, tobacco and marijuana and use of these substances // Health Education Research. 2006. Vol. 21, iss. 2. P. 276–286.
9. Aquino K., Kay A. A social cognitive model of moral identity // Atlas of moral psychology. Guilford Press, 2018. P. 133–140.
10. Boegershausen J., Aquino K., Reed II A. Moral identity // Current Opinion in Psychology. 2015. Vol. 6. P. 162–166.
11. Karas D., Cieciuch J. The Relationship between Identity Processes and Well-Being in Various Life Domains // Personality and Individual Differences. 2018. Vol. 121. P. 111–119.
12. Colby A., Damon W. The uniting of self and morality in the development of extraordinary moral commitment // The Moral Self: Building a Better Paradigm. MIT Press, 1993. P. 149–174.
13. Gotowiec S., Mastrigt S. van. Having versus doing: The roles of moral identity internalization and symbolization for prosocial behaviors // The Journal of social psychology. 2019. Vol. 159, iss. 1. С. 75–91.
14. Frimer J.A., Walker L.J. Reconciling the self and morality: An empirical model of moral centrality development // Developmental Psychology. 2009. Vol. 45, iss. 6. P. 1669.
15. Hertz S.G., Krettenauer T. Does moral identity effectively predict moral behavior?: A meta-analysis // Review of General Psychology. 2016. Vol. 20, iss. 2. P. 129–140.
16. Hardy S.A., Carlo G. Moral identity // Handbook of Identity Theory and Research. Springer, 2011. P. 495–513.

17. Lewis M.A., Phillippi J., Neighbors C. Morally based self-esteem, drinking motives, and alcohol use among college students // *Psychology of Addictive Behaviors*. 2007. Vol. 21 (3). P. 398–403.

18. Ryff C.D. Eudaimonic well-being, inequality, and health: Recent findings and future directions // *International review of economics*. 2017. Vol. 64. P. 159–178.

19. Schwartz S.J., Hardy S.A., Zamboanga B.L. et al. Identity in young adulthood: Links with mental health and risky behavior // *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2015. Vol. 36. P. 39–52.

20. Soenens B., Berzonsky M.D., Dunkel C.S. et al. Are all identity commitments created equally? The importance of motives for commitment for late adolescents' personal adjustment // *International Journal of Behavioral Development*. 2011. Vol. 35, iss. 4. P. 358–369.

21. Sparks J.R. A social cognitive explanation of situational and individual effects on moral sensitivity // *Journal of Applied Social Psychology*. 2015. Vol. 45, iss. 1. P. 45–54.

22. Wang F., Man J.K., Lee E.K. et al. The Effects of Qigong on Anxiety, Depression, and Psychological Well-Being: A Systematic Review and Meta-Analysis // *Evidence-Based Complementary and Alternative Medicine*. 2013. Vol. 2013. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1155/2013/152738> (дата обращения: 04.06.2025).

Об авторе

Татьяна Олеговна Юдина — канд. психол. наук, доц., РАНХиГС, Россия.

E-mail: judinatatyana@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-36927636>

SPIN-код: 5569-4021

T. O. Yudina

MORAL COMPONENT OF IDENTITY AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

Received 05 June 2025

Accepted 13 August 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-8

To cite this article: Yudina T.O., 2025, Moral component of identity and psychological well-being, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №4. P. 80–88. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-8.

The influence of personality traits, values, and moral attitudes on the level of an individual's psychological well-being represents a relevant and promising topic, significant for addressing both fundamental and applied tasks across an interdisciplinary spectrum. Foreign studies confirm the connection between psychological well-being, indicators of mental health, and the level of moral development, which is reflected in prosocial behavior. However, both in international and domestic scientific circles, there is a lack of research dedicated to the relationship between the substantive components of identity and the integrity of identity structure with psychological well-being and mental health. The aim of the study is to test the hypothesis regarding the relationship of psychological well-being with moral identity and the identity stability index, as well as to examine the relationship of moral identity with anxiety and depression as indicators of mental health. Hypotheses were tested using standardized

methods on a sample of 127 participants, followed by a correlation analysis of the obtained data. The results, which showed a significant positive correlation between psychological well-being, moral identity, and the identity stability index, may serve as a basis for further research in the field of moral development, as well as for the development of practical recommendations.

Keywords: moral identity, identity stability, psychological well-being, mental health, identity integrity

The author

Dr Tatiana O. Yudina, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.

E-mail: judinatatyana@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-36927636>

SPIN code: 5569-4021

Л. А. Грицай

**РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ УЧИТЕЛЕМ И УЧЕНИКОМ
В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ ПРОТЕСТАНТИЗМА,
КАТОЛИЧЕСТВА И ПРАВОСЛАВИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Ярославский государственный педагогический университет

им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Россия

Поступила в редакцию 20.12.2024 г.

Принята к публикации 20.07.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-9

89

Для цитирования: Грицай Л. А. Религиозно-философские основы взаимоотношений между учителем и учеником в педагогических традициях протестантизма, католицизма и православия: сравнительный анализ // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. №4. С. 89–100. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-9.

Проведен сравнительный анализ религиозно-философских основ взаимоотношений между учителем и учеником в педагогических традициях протестантизма, католицизма и православия. Исследование показывает, что каждая из этих традиций базируется на уникальных религиозных принципах, формирующих ценностные ориентиры воспитательного процесса. Научная новизна работы заключается в комплексном анализе педагогических систем, основанном на систематическом учете их религиозных и культурных компонентов. Применение цивилизационного подхода помогло выявить уникальность каждой традиции. Установлено, что протестантские (кальвинистская и лютеранская) модели акцентируют развитие самостоятельности и дисциплины через демократическое взаимодействие. Католическая модель строится на иерархическом учителецентризме, направленном на воспитание гармонично развитой личности. Православная педагогика ориентирована на духовное преображение личности через послушание и соборность. В католической и православной традициях роль учителя сакрализована, но интерпретируется по-разному: в католицизме учитель воспринимается как строгий наставник, чья миссия состоит в поддержании дисциплины и соблюдении иерархии, в православии — как любящий отец и пастырь, ответственный за духовное и личностное развитие ученика, направляющий его к мудрости и спасению через наставничество. Подчеркивается, что заимствование педагогических моделей без учета их религиозной основы может привести к искажению их смыслового содержания в иной культурной среде.

Ключевые слова: религиозная педагогика, православие, католицизм, протестантизм, учитель и ученик, религиозные традиции, духовное воспитание

Введение

Изучение генезиса педагогических систем неизбежно приводит к анализу их религиозных корней, так как именно религия во многом формировала мировоззренческие, этические и аксиологические основы

воспитания. Концепции воспитания народов мира, зарождавшиеся на базе религиозных традиций, представляют собой уникальные проявления взаимодействия духовного и образовательного компонентов культуры. В этом контексте особое значение приобретает цивилизационный подход, предполагающий рассмотрение педагогики через призму религиозных оснований соответствующей цивилизации.

Актуальность исследования заключается в необходимости осмысления взаимосвязи существующих религиозных традиций и моделей отношений учителя и ученика. Анализ религиозных корней учительства и ученичества, основанный на цивилизационном подходе, позволяет выявить специфику каждой традиции и обозначить факторы, влияющие на эффективность воспитания в различных социокультурных контекстах.

Цель исследования состоит в сравнительном анализе религиозно-философских основ взаимоотношений между учителем и учеником в протестантской (кальвинизм и лютеранство), католической и православной традициях.

Задачи исследования:

1. Выявить цели взаимодействия учителя и ученика в разных религиозных традициях.
2. Охарактеризовать ведущие принципы педагогического взаимодействия в каждой из рассматриваемых систем.
3. Проанализировать мотивацию учителя и ученика, обусловленную религиозными представлениями.
4. Исследовать когнитивные, эмоциональные, аксиологические и поведенческие компоненты педагогического взаимодействия в различных религиозных контекстах.
5. Сравнить религиозные модели учительства и ученичества с точки зрения их влияния на процесс воспитания.

Материалы и методы

Источники исследования включают религиозные тексты и связанные с ними педагогические практики, а также труды классиков цивилизационного подхода — Н.Я. Данилевского [4], А.С. Хомякова [15], И.В. Киреевского [6], К.Н. Леонтьева [7], Е.Н. Трубецкого [12].

Следует отметить, что современные авторы активно изучают религиозные аспекты педагогических концепций, что подтверждается работами Н.Б. Мельник, анализирующей философско-педагогические идеи Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо [9], С.В. Афанасьева, исследующего религиозные идеи в контексте современной педагогики [3]. Педагогический потенциал религиозного воспитания в современных условиях рассматривается в исследованиях М.С. Акишевой [1], а исламская педагогика подробно описана в учебном пособии Р.Л. Саяхова и Т.М. Аминова [10]. Также значимы труды В.Г. Александровой, посвященные влиянию христианского учения на развитие гуманистической педагогики XVII—XX вв. [2].

Несмотря на обилие работ, в существующих исследованиях недостаточно внимания уделяется комплексному сравнительному анализу педагогических моделей учительства и ученичества с акцентом на когнитивные, эмоциональные, аксиологические и поведенческие компоненты. Значимость осмысления данного вопроса обусловлена уникальностью каждой религиозной традиции, которая формирует педагогические принципы, их интерпретацию и применение. Следовательно, научная новизна исследования заключается в комплексном сравнительном анализе религиозных основ педагогических отношений в разных вариантах христианской традиции.

Методы исследования базируются на цивилизационном подходе и включают в свой состав сравнительно-исторический метод, анализ религиозных источников, феноменологический подход к изучению воспитания, а также аксиологический анализ педагогических систем.

Применение цивилизационного подхода позволяет учитывать уникальные духовные основания каждой культурно-исторической общности, избегая универалистских интерпретаций педагогических традиций. Исследование акцентирует внимание на необходимости интегрального подхода, объединяющего религиозный, культурный и педагогический аспекты, для анализа педагогических моделей взаимоотношений учителя и ученика.

Результаты исследования и их обсуждение

Первая модель отношений учителя и ученика сложилась в **протестантской традиции**. Именно кальвинизм определил особенности педагогического взаимодействия, использованные позднее в американской школе, которая взяла за основу постулаты, изложенные в фундаментальном труде Жана Кальвина «Наставление в христианской вере» [5].

1. Цель взаимодействия. В кальвинистской модели цель взаимодействия между учителем и учеником определяется двумя ключевыми аспектами. Во-первых, это развитие индивидуальных способностей ученика как проявления его избранничества. Кальвинизм акцентирует внимание на идее предопределения, предполагающей, что успех в земной жизни является признаком Божьей благодати. Соответственно, образовательный процесс направлен на раскрытие индивидуального потенциала ученика и его подготовку к самостоятельной жизни в конкурентной среде. Во-вторых, цель взаимодействия заключается в формировании у ученика способности к автономному суждению и самостоятельному духовному поиску, что связано с кальвинистским акцентом на личной ответственности человека перед Богом.

2. Ведущий принцип взаимодействия. Данная традиция строится на демократическом принципе взаимодействия, исключающем сакрализацию учителя. В отличие от католической или православной тради-

ции, где учитель воспринимается как носитель сакрального знания, в кальвинистской системе он играет роль координатора образовательного процесса. Ведущий принцип — взаимодействие между учителем и учеником. Учитель становится наставником и мотиватором, его задача создать условия для активного участия ученика в образовательном процессе. Такой подход подразумевает не только передачу знаний, но и развитие навыков самостоятельного поиска и критического анализа информации.

3. Мотивация учителя и ученика. Мотивация учителя основывается на идее служения общине и необходимости помочь каждому ученику раскрыть свои индивидуальные способности, которые рассматриваются как дар Божий. Учитель должен стимулировать личностный рост учеников и их стремление к успеху, который понимается как подтверждение избранности. Мотивация ученика формируется через осознание необходимости достижения успеха как свидетельства Божьего благоговения. Ученики ориентированы на высокую индивидуальную активность и ответственность за свои образовательные результаты. В основе мотивации лежат принципы самодисциплины и самоуправления, которые соответствуют децентрализованной и автономной структуре американского образования, исторически восходящей к кальвинистским общинам.

4. Когнитивный, эмоциональный, аксиологический и поведенческий компоненты.

Когнитивный компонент. Обучение в кальвинистской педагогике направлено на развитие критического мышления, аналитических способностей и самостоятельности в принятии решений. Ученики активно вовлекаются в образовательный процесс, что достигается использованием интерактивных методов преподавания и демократичных форм общения.

Эмоциональный компонент. Отношения между учителем и учеником строятся на принципах уважения и доверия. Эмоциональный контакт поддерживается за счет налаживания непринужденной, дружеской атмосферы, что снижает барьеры и способствует раскрытию потенциала ученика.

Аксиологический компонент. Ценности кальвинизма, такие как индивидуализм, трудолюбие, ответственность и самодисциплина, формируют основу педагогической модели. Учитель придает большое значение развитию у ученика моральных качеств и способности к самостоятельному выбору.

Поведенческий компонент. Учитель выступает в роли наставника, который демонстрирует личным примером важность дисциплины и организованности. В свою очередь, ученики обучаются самостоятельному планированию своей деятельности, что формирует у них навыки самоорганизации.

Таким образом, американская модель педагогических отношений, основанная на кальвинистской традиции, акцентирует внимание на демократизации взаимодействия учителя и ученика, ценности индивидуального подхода и развитии личной ответственности. Однако внедрение этой модели в российских школах требует учета ее культурных и религиозных корней. Демократизация образовательного процесса и снижение дистанции между учителем и учеником в условиях российского общества могут вступить в конфликт с традиционными подходами, основанными на сакрализации знаний и уважении к статусу учителя. Это подчеркивает необходимость критического осмысления и адаптации таких воспитательных практик к условиям российского образования.

93

Вторая модель отношений возникла на основе **лютеранской религиозной традиции**. Она базируется на трудах М. Лютера (в первую очередь его трактате «О свободе христианина») и распространена в странах Северной Европы [8].

1. Цель взаимодействия. В лютеранской педагогической модели целью взаимодействия между учителем и учеником определяется развитие навыков самостоятельного мышления, способности к анализу и критическому осмыслению информации с акцентом на подготовку к профессиональной и социальной жизни. Главной задачей образования было обучение чтению Библии и пониманию ее текстов, чем была обусловлена необходимость всеобщего образования. Впоследствии эти принципы расширились до подготовки ученика не только к религиозной, но и к профессиональной деятельности, делая акцент на его социализации и практической пользе для общества.

2. Ведущий принцип взаимодействия. Модель основана на принципе всеобщего священства, предполагающего равенство всех перед Богом и ответственность каждого за свое духовное и интеллектуальное развитие. В педагогическом контексте этот принцип выражается в требовании доступности образования для всех независимо от социального положения. Учитель выступает проводником знаний, помогающим ученикам осознать их внутренние способности, но не возвышается над ними как носитель сакрального знания. Взаимодействие строится на рациональном подходе и строгости, где ключевая роль отводится дисциплине и трудолюбию.

3. Мотивация учителя и ученика. Учитель мотивирован задачей формирования ответственных и самостоятельных личностей, способных к саморазвитию и социальной адаптации. Его роль заключается в том, чтобы не только передать знания, но и привить ценности, способствующие профессиональному и личностному росту. Он стремится обучить ученика использовать свои способности для служения обществу. Ученик мотивирован осознанием важности образования как средства познания Божьего слова и подготовки к жизни в обществе. Успех в

учебе рассматривается как проявление личной ответственности и трудолюбия, что является отражением религиозных и нравственных установок.

4. Когнитивный, эмоциональный, аксиологический и поведенческий компоненты.

Когнитивный компонент. Лютеранская традиция уделяет внимание глубокому пониманию материала, аналитическим навыкам и способности самостоятельно интерпретировать тексты, в первую очередь Библию. Ученики обучаются применять знания для решения практических задач, связанных с их будущей профессиональной деятельностью.

Эмоциональный компонент. Взаимоотношения между учителем и учеником основаны на уважении и строгости. Эмоциональная составляющая взаимодействия ограничивается формальной дистанцией, подчеркивающей ответственность ученика за свои действия и достижения.

Аксиологический компонент. Основные ценности включают трудолюбие, дисциплину, скромность и ответственность. Образование рассматривается как моральный долг, важный для духовного и профессионального развития. Эти ценности формируются посредством регулярного обучения и религиозного воспитания.

Поведенческий компонент. Ученик в лютеранской системе привыкает к соблюдению строгого порядка и дисциплины. Его поведение в образовательной среде ориентировано на достижение целей и выполнение установленных норм, что формирует у него навыки организованности и ответственности.

Следовательно, лютеранская педагогическая модель, являющаяся основой для образовательных систем Северной Европы, таких как финская или немецкая, акцентирует внимание на дисциплине, трудолюбии и подготовке к профессиональной деятельности. Образование воспринимается не только как инструмент социализации, но и как способ формирования морально зрелой личности, способной служить обществу.

Следующая, **католическая модель** взаимодействия между учителем и учеником воспроизводится в книге Фомы Аквинского «Сумма теологии» [14].

1. Цель взаимодействия. Католическая педагогическая модель основывается на формировании целостной, гармонично развитой личности, способной следовать христианским идеалам и добродетелям. Главная цель — передача знаний, духовных ценностей и воспитание в духе уважения к установленному порядку и авторитету. Образование направлено не только на интеллектуальное развитие, но и на формирование у ученика моральных качеств, соответствующих христианскому учению.

2. Ведущий принцип взаимодействия. Ключевым принципом является учитеlecентризм, в рамках которого учитель рассматривается как носитель истины, авторитета и духовного знания. Его роль состоит в том, чтобы выступать посредником между учеником и высшими духовными ценностями, направляя его развитие. В образовательном процессе соблюдается иерархия, при которой учитель является главным источником знаний, а ученик — их восприимчиком. Взаимодействие строится на дисциплине, уважении к учителю и строгом следовании установленным нормам.

3. Мотивация учителя и ученика. Учитель в католической образовательной системе движим стремлением выполнять миссию наставника, передающего божественную истину и воспитывающего учеников в духе христианских добродетелей. Его деятельность ориентирована на формирование у учеников уважения к знаниям, дисциплине и нравственным устоям. Ученик мотивирован необходимостью следовать примеру учителя и приобретать знания, которые помогут ему осознать свое место в мире и подготовиться к служению обществу в соответствии с христианскими принципами. Главным стимулом является стремление к личностному совершенствованию через подчинение установленным правилам.

4. Когнитивный, эмоциональный, аксиологический и поведенческий компоненты.

Когнитивный компонент. Учитель передает знания в строго регламентированной форме, формируя у учеников четкую систему взглядов, основанную на христианских истинах. Ученик воспринимает знания как часть общей дисциплинарной структуры.

Эмоциональный компонент. Эмоциональное взаимодействие между учителем и учеником носит формальный характер, подчеркивающий уважение и дистанцию. При этом ученик стремится заслужить одобрение учителя, что формирует эмоциональную привязанность через признание авторитета.

Аксиологический компонент. Воспитание акцентируется на христианских ценностях, таких как послушание, смирение, добродетель и уважение к авторитету. Эти качества воспитываются через взаимодействие с учителем как носителем идеальных моральных норм.

Поведенческий компонент. Ученик обязан строго следовать установленным правилам, проявлять дисциплину и уважение. Взаимодействие предполагает соблюдение иерархии, что воспитывает навыки подчинения и ответственности.

Таким образом, католическая педагогическая модель, основанная на учитеlecентризме, направлена на развитие личности через дисциплину, уважение к авторитету и интеграцию христианских ценностей. Взаимодействие между учителем и учеником формирует строгую, но эффективную иерархию, где учитель является основным проводником знаний и нравственности, а ученик осознает себя частью этой системы.

Наконец, последней стала **византийско-русская православная модель** взаимодействия между учителем и учеником, которая нашла свое отражение в трудах Григория Богослова «Творения» [11] и Феофана Затворника Вышенского «Путь ко спасению» [13].

1. Цель взаимодействия. Основывается на идее духовного преобразования личности. Образование рассматривается не только как передача знаний, но как процесс формирования целостного человека, направленный на обретение Богоподобия. Преобразование личности в данном контексте означает движение от греховной природы к состоянию внутренней гармонии, духовной зрелости и способности служить другим. Эта цель укоренена в христианском идеале «образа и подобия Божия».

2. Ведущий принцип взаимодействия. Базируется на концепции соборности и послушания. Соборность подразумевает единство личного и общественного начала, что делает воспитательный процесс коллективным, но с учетом индивидуального духовного роста. Послушание, в свою очередь, является важнейшим условием для усвоения учеником духовного и образовательного опыта.

3. Мотивация учителя и ученика. *Мотивация учителя:* желание поделиться знаниями, передать опыт, сформировать личность, способную жить по христианским принципам. *Мотивация ученика:* жажда познания, стремление к нравственному совершенству, уважение к наставнику и вера в его авторитет.

4. Когнитивный, эмоциональный, аксиологический и поведенческий компоненты.

Когнитивный компонент: обучение строится на уважении к авторитету учителя, который воспринимается как носитель знания и духовного опыта.

Эмоциональный компонент: взаимное доверие и любовь, когда учитель видит в ученике личность, а ученик чувствует поддержку наставника.

Аксиологический компонент: важность истины как высшей ценности, на которую ориентируются оба участника взаимодействия.

Поведенческий компонент: дисциплина, проявляющаяся в готовности ученика следовать наставлениям учителя.

Следовательно, можно заключить, что православная модель взаимоотношений учителя и ученика формируется на основе холистического взгляда на образование. Основными характеристиками этой модели являются ориентация на духовное преобразование, соборность, послушание и ценностный подход. Эти принципы, несмотря на видимые трансформации, оказали существенное влияние на отечественную педагогическую систему, включая советский период, и продолжают сохранять свою значимость в современных условиях.

Обобщим изученные модели с помощью таблицы.

**Модели взаимоотношений между учителем и учеником
педагогических традициях протестантизма, католичества и православия**

Критерии	Кальвинистская модель	Лютеранская модель	Католическая модель	Православная модель
Цель взаимодействия	Раскрытие индивидуального потенциала ученика	Подготовка ответственных дисциплинированных личностей	Формирование гармонично развитой личности	Духовное преобразование личности через послушание и соборность
Ведущий принцип	Демократический принцип	Принцип всеобщего свящества	Учительцентризм	Сакрализации роли учителя
Мотивация учителя	Поддержка раскрытия Божьей избранности ученика	Социализация учеников	Исполнение миссии наставничества	Проводник истины
Мотивация ученика	Осознание успеха как признака благословения	Осознание образования как религиозного и профессионального долга	Стремление к личностному совершенствованию	Стремление к Богу и самосовершенствованию
Когнитивный компонент	Развитие критического мышления	Способность к самостоятельному осмыслению знаний	Передача систематизированных знаний	Передача знаний
Эмоциональный компонент	Установление доверительных равноправных отношений	Уважительные отношения	Поддержание уважения и иерархии	Развитие любви и доверия
Аксиологический компонент	Воспитание трудолюбия, ответственности	Воспитание трудолюбия и скромности	Воспитание послушания и смирения	Воспитание христианских ценностей
Поведенческий компонент	Формирование навыков самоуправления, самостоятельности	Осознание своего долга перед Богом и обществом	Дисциплина и следование правилам	Формирование ответственного поведения

Заключение

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Модели педагогического взаимодействия в протестантизме, католичестве и православии различаются по целям, принципам и смыслам организации образовательного процесса. Протестантские подходы (кальвинизм и лютеранство) ориентированы на демократизм и самостоятельность, акцентируя внимание на индивидуализме и рационализме. Католическая модель характеризуется строгой иерархией и формальной дисциплиной, а православная фокусируется на духовном преображении личности через послушание и соборность, подчеркивая важность гармонии между учеником и учителем.

2. Протестантские педагогические традиции (особенно кальвинизм) строятся на принципах индивидуальной свободы и равноправия. Учитель выступает в большой степени как наставник и партнер, помогая ученику раскрыть свои способности, развить критическое мышление и осознать личную ответственность. Такая либеральная модель стимулирует самостоятельность и самоуправление, формируя учеников как независимых личностей.

3. И в католической, и в православной педагогических системах роль учителя сакрализована, однако интерпретируется по-разному. В католицизме учитель выступает как строгий судья, требующий послушания и дисциплины, его авторитет основан на иерархии и необходимости уважения. В православии учитель рассматривается как любящий отец и духовный наставник, ответственный за судьбу ученика. Он направляет ученика к мудрости и спасению через заботу, но требует уважения и смиренного послушания, создавая гармоничное сочетание любви и дисциплины.

4. Сравнительный анализ моделей отношений между учителем и учеником показывает, что они во многом основаны на религиозных ценностях. Эти различия демонстрируют необходимость осторожного подхода к заимствованию педагогических моделей: они будут эффективны лишь при сохранении связи с исходными духовными основами. Попытки внедрения подобных систем вне их культурного и религиозного контекста (как это происходило в России в 1990-е гг., когда в школах внедрялась американская модель) создают риск утраты их философского содержания и адаптивного потенциала.

Список литературы

1. Акишева М.С. Педагогический потенциал религиозного воспитания на современном этапе // Научный вестник Крыма. 2021. №5 (34). С. 17.
2. Александрова В.Г. Влияние христианского учения на развитие гуманистической педагогической традиции XVII—XX веков : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2004.
3. Афанасьев С.В. Некоторые аспекты религиозной идеи в современной педагогике // Сибирский педагогический журнал. 2009. №3. С. 318—322.

4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2003.
5. Кальвин Ж. Наставление в христианской вере : в 4 т. / пер. с фр. А. Д. Бакулов. Т. 2, кн. 3. М., 1997–1998.
6. Киреевский И. В. Избр. статьи. М., 1984.
7. Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. : в 12 т. СПб., 2001.
8. Лютер М. О свободе христианина. Уфа, 2013.
9. Мельник Н. Б. Религиозные основания философско-педагогических концепций Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо // Общество: философия, история, культура. 2022. №2 (94). С. 36–43.
10. Саяхов Р. Л., Аминов Т. М. Исламская педагогика : учеб. пособие для бакалавров по направлению 47.03.03 «Религиоведение». Уфа, 2019.
11. Святитель Григорий Богослов. Творения : в 2 т. М., 2022. Т. 1.
12. Трубецкой Е. Н. Избранное. М., 1995.
13. Феофан Затворник. Путь ко спасению. М., 2005.
14. Фома Аквинский. Сумма теологии. М., 2019.
15. Хомяков А. С. Собр. соч. Париж, 1989.

Об авторе

Людмила Александровна Грицай — канд. пед. наук, доц., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Россия.

E-mail: usan82@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-3156-4074>

SPIN-код: 9447-8656

L. A. Gritsay

RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN TEACHER AND PUPIL IN THE PEDAGOGICAL TRADITIONS OF PROTESTANTISM, CATHOLICISM AND ORTHODOXY: A COMPARATIVE ANALYSIS

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia

Received 20 December 2024

Accepted 20 July 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-9

To cite this article: Gritsay L. A., 2025, Religious and philosophical foundations of the relationship between teacher and pupil in the pedagogical traditions of Protestantism, Catholicism and Orthodoxy: a comparative analysis, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №4. P. 89–100. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-9.

A comparative analysis of the religious-philosophical foundations of the teacher-student relationship in the pedagogical traditions of Protestantism, Catholicism, and Orthodoxy is conducted. The study shows that each of these traditions is based on unique religious principles that shape the value orientations of the educational process. The scientific novelty of the work lies in the comprehensive analysis of pedagogical systems, based on a systematic consideration of their religious and cultural components. The application of a civilizational approach helped reveal the uniqueness of each tradition. It is established that Protestant (Calvinist and Lutheran) models emphasize the development of independence and discipline through democratic interaction. The Catholic model is built on hierarchical teacher-centrism, aimed at cul-

tivating a harmoniously developed personality. Orthodox pedagogy focuses on the spiritual transformation of the individual through obedience and conciliarity. In both Catholic and Orthodox traditions, the role of the teacher is sacralized but interpreted differently: in Catholicism, the teacher is perceived as a strict mentor whose mission is to maintain discipline and uphold hierarchy; in Orthodoxy, the teacher is seen as a loving father and shepherd, responsible for the spiritual and personal development of the student, guiding them toward wisdom and salvation through mentorship. It is emphasized that the adoption of pedagogical models without consideration of their religious foundation may lead to a distortion of their semantic content in a different cultural context.

Keywords: religious pedagogy, Orthodoxy, Catholicism, Protestantism, teacher and student, religious traditions, spiritual education

The author

Dr Lyudmila A. Gritsai, Associate Professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Russia.

E-mail: usan82@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-3156-4074>

SPIN code: 9447-8656

Н. В. Нечаева

**ФОРМИРОВАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ
С ФОКУСОМ НА БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИИ:
ОПЫТ РАЗРАБОТКИ КУРСА «ОСНОВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
КОММУНИКАЦИИ» ДЛЯ СТУДЕНТОВ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ**

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия

Ассоциация преподавателей перевода, Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию 24.09.2024 г.

Принята к публикации 17.06.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-10

101

Для цитирования: *Нечаева Н. В.* Формирование универсальных компетенций с фокусом на будущей профессии: опыт разработки курса «Основы профессиональной коммуникации» для студентов переводческих образовательных программ // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. №4. С. 101 – 112. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-10.

Универсальные компетенции необходимы для успешного трудоустройства выпускникам всех образовательных программ без исключения. Работодатели отмечают их значение для начала успешной карьеры и одновременно подчеркивают низкий уровень сформированности универсальных компетенций у выпускников вузов. Хотя универсальные компетенции в соответствии с актуальными ФГОС входят в структуру всех образовательных программ, по факту их формирование остается в теневом сегменте образовательного процесса. Чаще всего разработчики образовательных программ выбирают путь формирования универсальных компетенций на первых курсах обучения в рамках «универсальных» предметов, которые ведут «универсальные» преподаватели для студентов разных специальностей. При таком подходе связь предметов, а значит, и универсальных компетенций с будущей профессиональной деятельностью остается для студентов неявной и размытой, что, как следствие, снижает их мотивацию и интерес к обучению. Представлен опыт разработки и реализации, профессионально ориентированного курса «Основы профессиональной коммуникации» для студентов переводческих образовательных программ. В рамках курса целенаправленно формируются зафиксированные в ФГОС универсальные компетенции, но с акцентом на будущей профессиональной деятельности студентов. Курс разработан рабочей группой «Взаимодействие вузов и отрасли» Ассоциации преподавателей перевода и реализован в рамках одноименной дисциплины в РГПУ им. А.И. Герцена в 2022/23, 2023/24 и 2024/25 учебных годах.

Ключевые слова: подготовка переводчиков, универсальные компетенции, основы профессиональной коммуникации, взаимодействие вузов и отрасли, переводческая отрасль

Введение

Образовательные программы подготовки переводчиков, как и программы профессионального образования, предполагают формирование у обучающихся не только собственно профессиональных компетенций, так называемых «жестких» навыков (с англ. *hard skills*) — базовых специальных навыков, которые нужны для будущего специалиста в той или иной сфере, но и активное формирование универсальных компетенций — «мягких» или «гибких» навыков (с англ. *soft skills*), которые в равной степени актуальны для любой сферы профессиональной деятельности: работа в команде, управление временем, финансовая и правовая грамотность, поиск информации, критическое мышление и т. п.

Универсальные компетенции формируют тот самый базис, от которого зависит успех начала карьеры выпускника. Гибкие навыки и умения позволяют выпускнику вуза не только устроиться на работу, то есть начать свой профессиональный путь, но и успешно работать, а не быть уволенным в первый же месяц [17].

Однако, как показывают исследования, уровень развития многих универсальных компетентностей у студентов российских вузов остается критически низким [15], работодатели недовольны результатами их развития у выпускников университетов [2; 8; 14].

В современной системе высшего образования есть существенный разрыв между признанием важности развития универсальных компетенций со стороны потенциальных работодателей и актуальными результатами обучения, которые демонстрируют выпускники вузов при выходе на рынок труда.

Необходимость целенаправленного развития универсальных компетентностей у студентов признается многими университетами России. В конце 2021 г. НИУ ВШЭ, Университет ИТМО, Уральский федеральный университет, Томский государственный университет и Тюменский государственный университет подписали соглашение о создании Консорциума вузов по развитию универсальных компетентностей [12].

Исследование, проведенное консорциумом, показало, что в России существуют три вида высших учебных заведений: 1) университеты, которые развивают универсальные компетенции у всех студентов в течение первых двух лет обучения на основе так называемого ядра бакалавриата; 2) университеты, которые включили курс развития универсальных компетенций в качестве курса по выбору; 3) университеты, которые поручили своим преподавателям развивать универсальные компетенции, в то время как сами они не контролируют их развитие. При этом большая часть вузов относится к третьей группе [12].

Таким образом, несмотря на то что универсальные компетенции, согласно ФГОС, входят в структуру всех образовательных программ, по факту их формирование остается в теневом сегменте образовательного процесса. В рамках разработки образовательной программы они равномерно распределяются по разным дисциплинам, как правило с большей концентрацией в дисциплинах первого и второго курса обучения. Универсальные компетенции формируются в рамках так называемых

универсальных дисциплин, которые обычно столь же «универсально» преподаются для студентов всех специальностей. Такой подход, к сожалению, нередко приводит к тому, что студенты не понимают связь программы профессиональной подготовки с выбранной профессией и, как следствие, их мотивация к обучению и профессиональному развитию в интересной для них на момент поступления в вуз сфере значительно снижается (или пропадает полностью).

«Голые знания» [11], которые студенты получают без обоснования их необходимости в будущем, снижают интерес к предметам и обучению в вузе в целом. Важно помнить, что студент приходит в учебное заведение не только за знаниями, но и преследуя цель стать хорошим работником. Преподаватель обязан уметь доказать студентам, что его предмет действительно будет полезен студентам в их будущей профессиональной деятельности [11].

В связи с этим представляется необходимым рассмотреть еще один путь формирования универсальных компетенций у студентов вузов, а именно разработку и реализацию профессионально ориентированных базовых дисциплин, в рамках которых целенаправленно формируются традиционные универсальные компетенции, но с акцентом на будущей профессиональной деятельности обучающихся. Такой подход, на наш взгляд, позволит, с одной стороны, повысить мотивацию студентов к обучению, с другой — с первых курсов обучения более эффективно выстраивать базу для последующего активного формирования собственно профессиональных компетенций будущих специалистов.

В качестве примера подобного рода разработки в настоящей статье будет описан опыт разработки и реализации курса «Основы профессиональной коммуникации» для студентов переводческих образовательных программ, а также его апробации в рамках одноименной дисциплины на переводческом отделении РГПУ им. А. И. Герцена.

Универсальные компетенции в программах подготовки переводчиков

Содержание подготовки переводчиков по программам бакалавриата в России определяется федеральным государственным образовательным стандартом (на момент написания статьи это ФГОС 3++) по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика», а по переводческим программам магистратуры — по направлению подготовки 45.04.02 «Лингвистика».

Как известно, основное различие между стандартами ФГОС 3+ и ФГОС 3++ заключается в структуре компетенций. Именно в рамках ФГОС 3++ в дополнение к общепрофессиональным компетенциям (ОПК) и профессиональным компетенциям (ПК) в стандарты были введены универсальные компетентности, называемые «универсальными компетенциями» (УК-1, УК-2, УК-3, УК-4, УК-5, УК-6, УК-7, УК-8, УК-9, УК-10, УК-11). УК одинаковы для всех областей образования. Такой подход, судя по опубликованным проектам ФГОС нового поколения (4.0), останется в обозримом будущем.

Гибкие навыки и умения также включены в европейский стандарт подготовки письменных переводчиков программы EMT (European Master's in Translation) – европейской магистерской программой по письменному переводу. Гибкие навыки и умения входят в число желаемых образовательных результатов стандарта EMT Competence Framework (2022), составляя два блока: «личностный» («personal and interpersonal») и «сервисный» («service provision») [6].

В настоящей статье мы рассмотрим формирование универсальных компетенций с фокусом на будущей профессиональной деятельности студентов переводческих образовательных программ в рамках курса «Основы профессиональной коммуникации».

Концепция курса «Основы профессиональной коммуникации»

Курс «Основы профессиональной коммуникации» был разработан в 2023 г. автором статьи при тесном взаимодействии с представителями переводческой отрасли в рамках деятельности рабочей группы «Взаимодействие вузов и отрасли» Ассоциации преподавателей перевода. В разработке концепции, списка и содержания тематических блоков курса приняли активное участие отраслевые эксперты из ряда профильных компаний: «Протранслейшн» (Нальчик), «Литерра» (Санкт-Петербург), «Палекс» (Томск), «Альба» (Нижний Новгород), ЛИНСО (Москва), «Альфатран» (Москва), общественный проект «Этический кодекс переводчика» (в лице куратора Татьяны Ярошенко), «СТАР СПб» (Санкт-Петербург), «Колко Групп» (Москва).

В рамках проектирования курса был проведен анализ существующих разработок в этой сфере.

Анализ содержания образовательных программ подготовки переводчиков в вузах РФ показал, что дисциплина «Основы профессиональной коммуникации» не является традиционной, то есть встречается далеко не во всех образовательных программах. Программы подготовки, в которых эта дисциплина есть, характеризуются разнообразием подходов к ее тематическому наполнению, которое, как правило, носит достаточно абстрактный характер и имеет неявную связь с будущей профессиональной деятельностью [1; 3–5; 7; 9; 10; 13].

Анализ существующих программ показывает, что профессиональная коммуникация трактуется разработчиками образовательных продуктов как умение красиво и грамотно говорить, соблюдать этикет в ситуации устного перевода, а также умение убедить собеседника в той или иной точке зрения. Иногда в содержание такой дисциплины также включается формирование собственно переводческих умений: предпереводческий анализ текста, использование компьютера и различных программ автоматизации для перевода текстов.

На подготовительном этапе разработки курса был проведен опрос работодателей с целью выявить ключевые знания, умения и навыки, которые необходимы выпускникам для построения успешной профессиональной коммуникации. В опросе приняли участие 25 сотрудников из вышеперечисленных организаций. Работодатели отметили, что бу-

дущим переводчикам необходимо до выпуска из университета познакомиться с рынком перевода в целом, его основными игроками, «примерить» на себя роль участника этого рынка, узнать о тех ситуациях профессионального общения, в которых переводчик должен взаимодействовать с разными коммуникативными партнерами, понять цели такой коммуникации, научиться искать, отбирать и применять релевантную информацию на разных этапах взаимодействия с клиентом, работодателем и коллегами по команде, адекватно выстраивать профессиональное взаимодействие. Следовательно, у студентов в рамках курса «Основы профессиональной коммуникации» необходимо сформировать адекватные паттерны поведения в различных ситуациях профессионального общения с учетом факторов, которые влияют на этот процесс.

Исходя из рекомендаций работодателей, инновационный курс «Основы профессиональной коммуникации» был направлен на формирование у будущих переводчиков умений адекватно вести профессиональную коммуникацию в переводческой отрасли с разными коммуникативными партнерами: клиентами, коллегами, работодателями, наставниками, представителями разных служб и ведомств, с которыми будущие специалисты должны будут взаимодействовать после выпуска из университета.

Тематическое наполнение курса было выстроено с этим учетом. В него вошли следующие тематические блоки:

1. Профессиональная коммуникация. Что входит в профессиональную коммуникацию. Для чего она нужна будущим специалистам в области перевода (тема коррелирует с формированием следующих УК: УК-1, УК-2, УК-4).

2. Переводческая отрасль в России и мире: анализ существующих компаний, профессиональных сообществ, ассоциаций и союзов, профессиональных мероприятий в сфере перевода (коррелирует с формированием УК-1, УК-2, УК-3).

3. Профессиональная самопрезентация: ответ на вакансию (резюме, сопроводительное письмо), собеседование, аккаунт в социальных сетях (коррелирует с формированием УК-2, УК-4).

4. Взаимодействие с коллегами (в команде и внешними): цели, принципы успешной коммуникации в команде, уточнение технического задания, работа с обратной связью, поиск помощи в профессиональных сообществах (где и как искать) (коррелирует с формированием УК-1, УК-2, УК-3, УК-4, УК-6).

5. Правовые аспекты профессиональной коммуникации. Варианты юридического статуса специалиста в области перевода: работа в штате, фриланс. Типовые документы, которые необходимы для осуществления профессиональной коммуникации (договор, коммерческое предложение (включая расчет стоимости заказа), акт приемки-сдачи), ресурсы, которые позволяют оценить контрагентов (коррелирует с формированием УК-1, УК-2, УК-3, УК-4, УК-6, УК-10, УК-11).

6. Этические аспекты профессиональной коммуникации. Этический кодекс переводчика, разбор этических кейсов, этические нормы онлайн-коммуникации посредством ВКС (коррелирует с формированием УК-3, УК-5).

7. Поиск, работы, вакансий и стажировок. Анализ ресурсов, оценка рисков и возможностей, оценка собственных перспектив (коррелирует с формированием УК-1, УК-2, УК-3, УК-8).

8. Инклюзивные аспекты переводческой деятельности и инклюзивные виды перевода: все люди разные, все равны, зачем и кому нужен внутриязыковой и межсемиотический перевод (коррелирует с формированием УК-5, УК-9).

Таким образом, курс имеет своей задачей целенаправленное формирование фактически всех обозначенных в актуальном образовательном стандарте ФГОС универсальных компетенций будущих переводчиков с фокусом на будущей профессиональной деятельности студентов.

Представители работодателей приняли участие не только в разработке концепции курса, но и привлекались к оценке релевантности оценочных материалов, оценке результатов обучения, а также частично непосредственно к реализации курса в роли приглашенных преподавателей.

Результат апробации

Курс прошел апробацию в 2022/23, 2023/24 и 2024/25 учебных годах в рамках одноименной дисциплины в РГПУ им. А.И. Герцена. За это время его освоили более 250 студентов переводческой образовательной программы бакалавриата.

По итогам прохождения курса всем участникам было предложено заполнить анкету обратной связи. Заполнение анкеты было добровольным, кроме того, у каждого респондента была возможность пройти опрос анонимно. Анкету обратной связи (на конец 2024/25 учебного года) заполнили 102 студента.

Респондентам было предложено:

- в целом оценить содержание курса (понравился или не понравился, был ли полезен для будущей профессии);
- отметить, рекомендовал ли бы респондент пройти такой курс другим студентам (если бы курс был факультативным);
- отметить, что изменилось в собственных знаниях респондента после прохождения курса;
- оценить, что изменилось в собственной мотивации респондента.

Анализ результатов опроса показал, что студенты переводческих образовательных программ высоко оценивают актуальное содержание курса: 55 % респондентов отметили, что курс очень понравился и был очень полезным для будущей профессии, 44 % — что курс понравился и был полезным, 2 % опрошенных (2 человека) затруднились с ответом при оценке содержания и актуальности курса для будущей профессии.

Также однозначно положительными были ответы на вопрос относительно того, рекомендовал ли бы респондент пройти курс другим

студентам, если бы он был факультативным: 56 % выбрали вариант «однозначно да!», 43 % — «да», менее 1 % — «затрудняюсь ответить» (1 респондент).

Анализ ответов на вопрос, что изменилось в знаниях студентов после прохождения курса, показал, что разработанная программа позволила респондентам:

1) получить представление о будущей профессии и основах коммуникации в переводческой отрасли (коррелирует с формированием следующих УК: УК-1, УК-2, УК-4) — отметили 90 % прошедших анкетирование студентов;

2) узнать, какие переводческие компании существуют, где и как можно начать с ними взаимодействовать еще до выпуска из университета, получить первый опыт взаимодействия (коррелирует с УК-1, УК-2, УК-3) — отметили 85 % студентов;

3) получить представление о том, как и где искать работу или стажировки, как писать резюме и сопроводительные письма для ответа на вакансии, получить первый опыт отклика на вакансию компании (коррелирует с УК-1, УК-4) — отметили 75 % студентов;

4) узнать, какие этические дилеммы могут встречаться в профессиональной коммуникации специалиста в области перевода, а также понять, какие варианты действий возможны в разных ситуациях этического плана, получить первый опыт решения этических кейсов с последующим разбором отраслевым экспертом (коррелирует с УК-5, УК-9) — отметили 69 % студентов;

5) узнать, как их будущая профессиональная деятельность связана с вопросами инклюзии, создать инструкцию для обеспечения инклюзии в организации (коррелирует с УК-5, УК-9) — отметили 62 % студентов.

Кроме того, студенты отметили, что благодаря курсу они:

— узнали, какие профессиональные сообщества и мероприятия существуют в переводческой отрасли, стали участниками интересующих их профессиональных сообществ (коррелирует с формированием следующих УК: УК-1, УК-6) — отметили 55 % студентов;

— получили представление о том, на что обращать внимание с правовой точки зрения, что такое договор, какие типы договоров существуют, получили первый опыт согласования договора на оказание переводческих услуг (коррелирует с УК-1, УК-2, УК-3, УК-4, УК-6, УК-10, УК-11) — отметили 52 % студентов;

— узнали о возможных статусах, в которых может работать переводчик, о плюсах и минусах работы «на себя» (ИП, самозанятый) и в штате (на работодателя), определили для себя возможные статусы в начале карьеры (коррелирует с УК-1, УК-2, УК-3, УК-4, УК-6, УК-10, УК-11) — отметили 50 % студентов;

— узнали, как правильно вести себя в рамках профессиональной онлайн-коммуникации (с помощью различных ВКС-платформ) (коррелирует с УК-4) — отметили 49 % студентов;

— усвоили, как правильно и уместно называть свой профессиональный адрес электронной почты, как называть прикрепляемые к электронному письму файлы, создали и стали применять «взрослый» адрес (коррелирует с УК-4) — отметили 49 % студентов;

— узнали, как и с помощью каких ресурсов можно знакомиться с контрагентами, как оценивать их надежность, провели оценку ряда контрагентов (коррелирует с УК-1, УК-8, УК-10, УК-11) — отметили 47 % студентов.

В ответах на вопрос о мотивации более 80 % студентов указали, что после прохождения курса их мотивация к обучению повысилась, интерес к профессии вырос. Студенты отметили, что после прохождения курса у них появилось больше уверенности в себе, им «стало понятнее, чего ожидают от начинающего переводчика будущие работодатели», и какие профессиональные навыки им предстоит приобрести.

Самым ценным в курсе студенты посчитали приближение учебного процесса к реальной рабочей среде (отметили 80 %), большой объем практических заданий, включающих реальные кейсы (72 %), подробный разбор выполненных заданий с участием отраслевых экспертов (69 %), а также возможность пообщаться с потенциальными работодателями (72 %).

Повышение мотивации у обучающихся представляется особенно важным в рамках обучения на первых курсах университета, когда, как было отмечено выше, многие студенты, осваивая большое количество «универсальных» дисциплин, призванных развивать универсальные компетенции, по сути, теряют интерес к профессии, поскольку им (а порой и самим преподавателям) бывает сложно выявить связь «универсальных» дисциплин с будущей профессией, а значит, важность таких дисциплин для своего профессионального становления.

В оценке результатов апробации курса также приняли участие сотрудники компаний: они были привлечены к оценке результатов обучения, а также могли оценить уровень подготовки студентов в сравнении со студентами-переводчиками из других вузов, присутствуя в качестве жюри на деловой игре «Перевод объединяет профессионалов», которая прошла в Санкт-Петербурге в 2023, 2024 и 2025 гг.

По результатам оценки сотрудникам компаний было предложено ответить на вопросы относительно пользы разработанного курса, соответствия его содержания актуальным требованиям работодателей к выпускникам переводческих образовательных программ, а также уровню развития универсальных компетенций у студентов, прошедших курс.

В оценке приняли участие 23 сотрудника переводческих компаний, в число которых вошли сотрудники следующих организаций: переводческая компания «Аврора» (Санкт-Петербург), производственная компания «КИНЕФ» (Кириши), переводческая компания «Протранслейшн» (Нальчик), бюро переводов «Литерра» (Санкт-Петербург), компания «Палекс» (Томск), переводческие компании ЛИНСО и «Альфатран» (Москва), компания «СТАР СПб» (Санкт-Петербург), компания «Колко Групп» (Москва).

Респонденты из числа представителей работодателей отметили высокую актуальность содержания курса (более 90 % респондентов), его соответствие требованиям современных работодателей к выпускникам

переводческих образовательных программ (90 % респондентов), подчеркнули достойный уровень подготовки студентов, которые прошли данный курс (более 80 %), а также их выигрышное позиционирование с точки зрения ведения профессиональной коммуникации и гибких навыков в сравнении со студентами, которые такой курс не проходили (72 % респондентов).

Выводы и перспективы

Универсальные компетенции важны и необходимы выпускникам всех образовательных программ без исключения. Работодатели отмечают значение универсальных компетенций для начала успешной карьеры и одновременно подчеркивают их низкую сформированность у выпускников вузов.

Формировать универсальные компетенции на первых курсах обучения в рамках «универсальных» предметов — наиболее популярный путь, который выбирает большинство современных вузов. Такой подход, с одной стороны, наполняет учебный план далекими от будущей профессиональной деятельности студентов предметами, с другой (как следствие) — снижает мотивацию студентов и интерес к профессии. Студентам сложно понять, зачем нужен тот или иной предмет, поэтому к его освоению они относятся без энтузиазма. Как следствие, универсальные компетенции в рамках «универсальных» предметов не формируются, а интерес к обучению и профессии у многих студентов теряется.

Дисциплина «Основы профессиональной коммуникации» входит в учебные планы первых курсов ряда вузов. Как правило, она характеризуется достаточно теоретическим содержанием, которое очень слабо связано с профессией (как, например, теория аргументации, конфликт, ссоры и т.п.) или же связано с профессиональной сферой, но отражает не самые важные и релевантные ее аспекты (например, правила этикета).

Опыт реализации курса «Основы профессиональной коммуникации» в рамках одноименной дисциплины в РГПУ им. А. И. Герцена показывает, что «универсальная» дисциплина может быть разработана и реализована при участии работодателей и с фокусом на будущей профессии студентов.

Опыт апробации курса свидетельствует о том, что он положительно влияет на мотивацию студентов, способствует формированию у них универсальных компетенций применительно к ситуациям профессионального общения, проигрыванию в рамках квазипрофессиональной деятельности типовых ситуаций профессионального взаимодействия с разными коммуникативными партнерами.

Опыт разработки и апробации курса позволяет выделить следующие ключевые принципы разработки курса, направленного на формирование универсальных компетенций студентов с фокусом на будущей профессии:

- взаимодействие с отраслевыми экспертами: на этапе разработки — обязательно; на этапе реализации — желательно;

- минимум теории, максимум практики: описываемый курс состоит из 4 лекций и блока практических занятий (14 лабораторных занятий в различных интерактивных форматах: деловые игры, кейс-поединки, мировые кафе и т.д.);

- практические задания — обсуждение примеров кейсов и конкретных заданий из сферы реальной профессиональной деятельности;

- лабораторные занятия проводятся с привлечением представителей отрасли.

Представленный в настоящей статье опыт может помочь распространению подобной практики разработки «универсальных» курсов, направленных на профессионально ориентированное формирование универсальных компетенций студентов.

Курс «Основы профессиональной коммуникации» может быть реализован в других вузах в рамках дисциплин с иными названиями, но схожими образовательными задачами, например «Введение в профессию», «Введение в профессиональную деятельность», «Введение в практику перевода», «Перевод как профессия» и др.

Перспективной также представляется разработка других «универсальных» курсов в образовательной программе подготовки переводчиков при непосредственном участии работодателей в качестве консультантов, разработчиков и (или) преподавателей с опорой на будущую профессию студентов и разворотом в ее сторону.

Список литературы

1. *Основы профессиональной коммуникации*: аннотация рабочей программы дисциплины для направления подготовки 45.03.02 «Лингвистика» / Амурский государственный университет. URL: https://cabinet.amursu.ru/uploads/sveden/edu_prog/Annot_Name_Code_Date/90006/Annot_Osnovy_professionalnoy_kommunikatsii_45.03.02_18.07.2023.pdf (дата обращения: 23.07.2024).

2. *Развитие навыков для инновационного роста в России*. М., 2015. URL: https://lirt.hse.ru/data/2015/04/06/1096342275/russia_skills.pdf (дата обращения: 23.07.2024).

3. *Основы профессиональной коммуникации*: курс в системе дистанционного обучения / Московский городской университет. URL: <https://sdo.mgpi.ru/course/info.php?id=6133> (дата обращения: 23.07.2024).

4. *Основы профессиональной коммуникации*: курс на портале электронного обучения / Санкт-Петербургский государственный университет культуры. URL: <https://sdo.spbgik.ru/local/crw/course.php?id=1595> (дата обращения: 23.07.2024).

5. *Основы профессиональной деятельности переводчика*: методические рекомендации для подготовки к занятиям лекционного, семинарского типа и к самостоятельной работе студентов / Челябинский государственный университет. URL: [https://csukz.ru/sveden/files/K.M.07.02_MR\(1\).pdf](https://csukz.ru/sveden/files/K.M.07.02_MR(1).pdf) (дата обращения: 23.07.2024).

6. Нечаева Н.В., Каирова Э.М. Формирование умения самопрезентации у студентов переводческих специальностей // Вопросы методики преподавания в вузе. 2020. №33. С. 80—94.

7. *Основы коммуникации в профессиональной деятельности*: онлайн-курс // Stepik.org. URL: <https://stepik.org/course/82218/promo> (дата обращения: 23.07.2024).

8. Подольский О.А., Погожина В.А. Ключевые компетенции выпускников и молодых специалистов при приеме на работу // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2016. №1 (96). С. 96–103.

9. Основы профессиональной коммуникации : рабочая программа дисциплины / Алтайский государственный университет. URL: <https://www.asu.ru/sveden/education/programs/subject/207900> (дата обращения: 23.07.2024).

10. Профессиональная коммуникация и перевод в сфере бизнеса : рабочая программа дисциплины / Северо-Кавказская государственная академия. URL: <https://ncsa.ru/institutes/fdii/eduRpd/upload/74584.pdf> (дата обращения: 23.07.2024).

11. Стародубцева В.К. Мотивация студентов к обучению // Современные проблемы науки и образования. 2014. №6. С. 432.

12. Универсальные компетенции в российских университетах / под общ. ред. Т.В. Пашенко. М., 2023.

13. Учебный план и рабочие программы для направления подготовки 45.03.02 «Лингвистика» / Петрозаводский государственный университет. URL: <https://petrsu.ru/specialization/uch-plan-sved?uchPlanId=33823&type=rpд> (дата обращения: 23.07.2024).

14. Gruzdev M.V., Kuznetsova I.V., Tarkhanova I.Y., Kazakova E.I. University Graduates' Soft Skills: The Employers' Opinion // European Journal of Contemporary Education. 2018. Vol. 7, №4. P. 690–698.

15. Loyalka P., Liu O.L., Li G. et al. Skill levels and gains in university STEM education in China, India, Russia, and the United States // Nature Human Behaviour. 2021. March. P. 892–904.

16. Tulgan B. Bridging the Soft Skills Gap: How to Teach the Missing Basics to Today's Young Talent. Jossey-Bass Inc Pub, 2015.

Об авторе

Наталья Викторовна Нечаева — канд. филол. наук, доц., Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия; президент Ассоциации преподавателей перевода, Россия.

E-mail: nechaeva.translator@gmail.com

N. V. Nechaeva

UNIVERSAL COMPETENCIES FOCUSING ON THE FUTURE PROFESSION: EXPERIENCE IN DEVELOPING THE COURSE “BASICS OF PROFESSIONAL COMMUNICATION” FOR STUDENTS OF TRANSLATION EDUCATION PROGRAMS

The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia
Association of Translation and Interpretation Teachers, Saint-Petersburg, Russia

Received 24 September 2024

Accepted 17 June 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-10

To cite this article: Nechaeva N.V., 2025, Universal competencies focusing on the future profession: experience in developing the course “Basics of Professional Communication” for students of translation education programs, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №4. P. 101–112. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-10.

Universal competencies are essential for the successful employment of graduates from all educational programs. Employers note their importance for launching a successful career while simultaneously emphasizing the low level of development of universal competencies among university graduates. Although universal competencies, according to current Federal State Educational Standards (FSES), are included in the structure of all educational programs, in practice their development remains in the shadow segment of the educational process. Most often, educational program developers choose to form universal competencies during the first years of study within "universal" courses, which are taught by "universal" instructors to students from different specialties. With this approach, the connection between the courses, and consequently the universal competencies, and future professional activities remains implicit and blurred for students, which, in turn, reduces their motivation and interest in learning. The experience of developing and implementing a professionally oriented course, "Basics of Professional Communication," for students of translation programs is presented. Within the course, the universal competencies fixed in the FSES are purposefully formed, but with an emphasis on the students' future professional activities. The course was developed by the working group "University-Industry Interaction" of the Association of Translation Teachers and implemented as part of the eponymous discipline at Herzen State Pedagogical University in the 2022/23, 2023/24, and 2024/25 academic years.

Keywords: translation training, universal competences, basics of professional communication, academia and industry interaction, translation industry

The author

Dr Natalia V. Nechaeva, Associate Professor, The Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia; President, Association of Translation and Interpretation Teachers, Russia.

E-mail: nechaeva.translator@gmail.com

С. М. Ежелый

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ФОРМИРОВАНИЯ
УНИВЕРСАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ И ТИПА ЛИЧНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ ДИСЦИПЛИНЫ «АНТИКОРРУПЦИОННОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПОЛИТИКА»)**

Калининградский государственный технический университет,
Калининград, Россия

Поступила в редакцию 03.03.2025 г.

Принята к публикации 20.07.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-11

113

Для цитирования: Ежелый С. М. Взаимосвязь формирования универсальной компетенции и типа личности (на примере дисциплины «Антикоррупционное законодательство и политика») // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. № 4. С. 113 – 128. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-11.

Изучены особенности социальной ситуации, выражающиеся в возрасте знакомства студентов специальности «Экономическая безопасность» с коррупционными проявлениями, а также динамика восприятия студентами феномена коррупции. Изучено распределение студентов данной специальности по склонности к профессиональным типам личности. Тип личности определялся с использованием адаптированной Б. А. Кондратенко методики Г. В. Резанкиной, опирающейся на работы Дж. Холланда. Выяснено, что у студентов специальности «Экономическая безопасность» доминирует склонность к предпринимательскому типу личности. Подтверждена взаимосвязь формирования универсальной компетенции «Гражданская позиция» и профессиональных типов личности обучающихся в ходе освоения дисциплины «Антикоррупционное законодательство и политика», читаемой на 4-м курсе. Для прогноза результатов формирования универсальной компетенции предложена линейная регрессионная модель, учитывающая тип личности студента. Выполнен однофакторный дисперсионный анализ результатов промежуточной аттестации студентов 4-го курса и контрольной проверки остаточных знаний по дисциплине на 5-м курсе, показавший условно тесную связь усвояемости знаний по противодействию коррупции и доминирующего профессионального типа личности. Результаты исследования предполагается использовать для построения моделей, позволяющих прогнозировать достижение целей по формированию всех универсальных и общепрофессиональных компетенций на основе профессионального типа личности студентов экономических направлений и специальностей.

Ключевые слова: противодействие коррупции, универсальные компетенции, профессиональный тип личности, формирование компетенций

Введение

Проблема противодействия коррупции в государстве, обществе и бизнесе не теряет своей актуальности. Для управления качеством в образовании специалистов в сфере экономической безопасности в рамках

федерального государственного образовательного стандарта приказом Минобрнауки России от 14.04.2021 г. №293 введена нацеленная на противодействие коррупции категория универсальной компетенции «Гражданская позиция». Развитие и модернизация российской общественно-политической и социально-экономической системы мыслятся и программируются как суверенно управляемые взаимосвязанные процессы, в которых образование как социальный конструкт российского социума в долгосрочной перспективе играет созидательную роль. Опыт событий 2020-х гг. наглядно показывает, что образовательные организации должны формировать кадры, активно участвующие в экономической, политической, общественной деятельности на основе законов, морально-этических норм и традиционных для нашей страны ценностей. Высшее образование отождествляется в обществе с самым высоким уровнем осознания сложных социальных и общественных процессов, влияющих на экономику в целом и экономические системы, со способностью управлять системами, учитывая и предотвращая влияние многочисленных негативных факторов. Решению различных проблем в менеджменте образования, направленному на выработку способности формировать нетерпимое отношение к коррупционному поведению и противодействовать ему в профессиональной деятельности, посвящены работы многих российских ученых и педагогов, в том числе О.В. Коноваловой [1], Т.Н. Львовой [2], Е.В. Маркиновой [3], А.Ю. Нагорновой [4] и др. По мнению авторов исследования [5], на качество образования наибольшее влияние оказывают политические факторы, в первую очередь государственные реформы. Другие исследователи [6] усматривают ведущую роль социальных факторов социума, прежде всего семейного уклада, выделяя также традиции образования, связанные с факторами конкретных национальных экономик и социального положения индивидов.

Имеется позитивный российский опыт преподавания студентам первого курса технических вузов дисциплины, способствующей выработке компетенции в сфере противодействия коррупции и формирующей у молодых людей правовую модель поведения при возникновении коррупционной ситуации [7–9]. Подготовка экономистов в высшей школе в современных условиях осуществляется также на основе компетентностного подхода [2]. Вместе с тем обучение должно формировать практико-ориентированных специалистов, мыслящих в парадигме российских экономических интересов, учитывающих в будущей профессиональной деятельности исторические процессы и сложившиеся реалии хозяйственной деятельности России и других государств.

Постановка задачи

В рамках исследования была выдвинута и проверена гипотеза о влиянии профессионального типа личности (далее – ПТЛ) студентов специальности «Экономическая безопасность» на результаты формирования универсальных компетенций. ПТЛ выступает предиктором результативности профессиональной деятельности, что послужило

предпосылкой для формулирования гипотезы. ПТЛ студентов определялись по методике Г.В. Резапкиной [11; 12], опирающейся на работы Дж. Холланда. Ведущими компонентами ПТЛ являются реалистический, исследовательский, артистический, социальный, предпринимательский и конвенциональный [10–12]. Диагностический потенциал методики основан на предположении, что успешность профессиональной деятельности и удовлетворенность результатами собственного труда зависят от соответствия типа личности типу профессионального окружения [10–13]. На качество обучения влияют экзогенные и эндогенные факторы, включая содержание дисциплины «Антикоррупционное законодательство и политика» (далее — АЗИП), технологии и методики обучения, личностные свойства и качества преподавателя и студентов. Факторы, неотъемлемо связанные с личностями студентов, рассматриваются в данном исследовании как объективные причины, влияющие на качество обучения [13].

115

Задачи исследования:

- изучить динамику знаний о коррупции и фактического наличия нетерпимости к этому явлению на протяжении обучения и после окончания вуза;
- осуществить распределение по ПТЛ студентов специальности «Экономическая безопасность» в период изучения АЗИП;
- выявить взаимосвязь типов личности и результатов сформированности универсальной компетенции «Гражданская позиция» в части противодействия коррупции;
- разработать линейную регрессионную модель для прогнозирования результатов формирования универсальных компетенций.

Методология и методы

В ходе исследования на первом этапе использовались специальные методы исследования — анкетирование, интервьюирование. Для реализации цели и задач на всех этапах применялись общенаучные методы: анализ, сравнение, аналогия, метод фокус-групп, математико-статистические методы.

В качестве объекта исследования выступили студенты специальности «Экономическая безопасность» Калининградского государственного технического университета. Проанализированы материалы 16 фокус-групп, проведенных в 2022–2024 гг. Фокус-группы включали группы завершивших обучение в университете и студенческие группы от 10 (заочники) до 25 (очники) человек. Всего в исследовании приняло участие 309 респондентов в возрасте от 17 до 40 лет. Состав групп обеспечивал вариативность мнений будущих специалистов социально-гуманитарного профиля, для которых существуют коррупционные риски в дальнейшей профессиональной деятельности. Каждая фокус-группа длилась в среднем 30–40 минут и проводилась в соответствии со специально подготовленным сценарием. Особенность условий исследования состоит в том, что на 4-м курсе студентам читалась отдельная дисциплина АЗИП, в силу чего изучившие данную дисциплину респонденты обладают максимально полным представлением о коррупции.

Для объективизации результатов измерения и оценивания учитывалась допустимость операций и преобразований, позволивших получить данные, использовавшиеся при анализе, в том числе регрессионном и дисперсионном. В рамках исследования применялась только диагностическая часть методики Г. В. Резапкиной, адаптированная к преподаванию в вузе в работах Б. А. Кондратенко и А. Б. Кондратенко [13].

Результаты

На первом этапе исследования установлена динамика знаний респондентов о коррупции и фактического наличия у них нетерпимости к данному явлению во время обучения, а также после окончания вуза. В ходе опросов и интервью студентов и выпускников получена эмпирическая база, которая однозначно свидетельствует о том, что почти все выпускники средних школ Калининградской области репрезентируют знание о противоправности данного феномена.

Опыт столкновения с коррупцией в средних классах (10–14 лет) получили примерно 63 %, в выпускных классах (15–18 лет) — 35 % опрошенных. Остальные 2 % познакомились с этим явлением в период учебы в высшем учебном заведении. В процессе социализации и взросления в годы обучения в университете заметна тенденция возрастания толерантности к коррупции, у выпускников доля таких лиц достигает 72 %, демонстрирующие непримиримость остаются в меньшинстве (28 %).

Коррупция в ее бытовом понимании достаточно хорошо известна студентам всех возрастных групп и воспринимается как фундаментальное свойство любого социума (рис. 1).

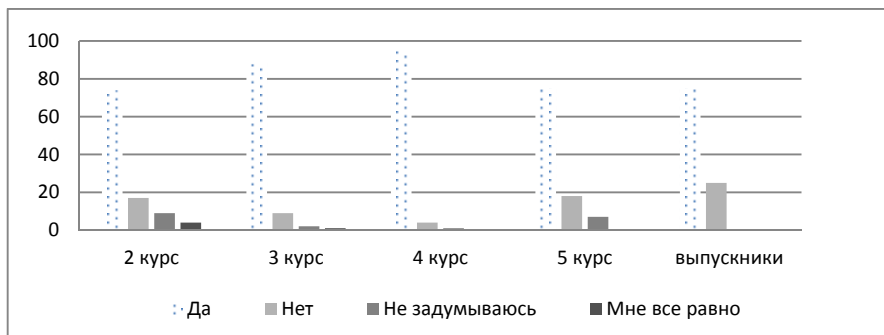

Рис. 1. Оценка студентами коррупции как неизбежного феномена, %

Конкретно-социологические методы позволили выявить закономерности при распределении студентов разных курсов очной и заочной формы обучения, которые на предложенные варианты определений термина «коррупция» выбрали ответ точно в соответствии с нормой закона, приблизительно и отдаленно (рис. 1).

Распределение студентов разных курсов очной и заочной формы обучения, которые на предложенные варианты определений термина «коррупция» выбрали ответ точно в соответствии с нормой закона, отражено на рисунке 2.

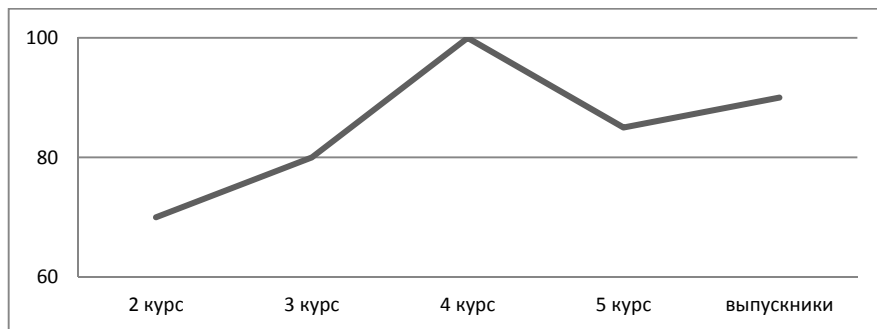

Рис. 2. Распределение точности формулировки термина «коррупция» в соответствии с законодательной дефиницией, %

На первых курсах всех форм обучения читаются дисциплины экономико-правового обеспечения базовых знаний экономистов, включая введение дефиниций «коррупция» и основ противодействия преступным посягательствам. Как результат, студенты 2-го и 3-го курсов показали повышенный уровень компетенции. Познание объекта изучения на 4-м курсе частично изменило, а также дополнило и иерархически структурировало имеющиеся старые знания. В связи с этим характерными являются максимально высокий уровень актуальных и остаточных знаний у очников (точное формулирование дефиниций в 100 % случаев) и несколько сниженный уровень у заочников.

Известно, что коррупция как тема научного осмысления довольно сложна для молодых людей ввиду неполноты и разрозненности знаний и отсутствия системного взгляда на нее. Вместе с тем полученные данные свидетельствуют, что к моменту начала преподавания дисциплины АЗИП на 4-м курсе студенты обладают значительным объемом знаний, однако они слабо структурированы. В ходе изучения дисциплины происходит диалектический процесс понимания феномена, его толкование вплотную приближается к актуальной правовой трактовке (на 4-м курсе очники показывают абсолютное знание, но около 10 % заочников не могут или затрудняются дать каноническое определение коррупции). Дальнейшая социализация выпускников обеспечивает устойчивость полученной универсальной компетенции. Опросы показывают, что спустя год после выпуска до 95 % молодых специалистов четко определяют коррупцию.

Коррупционными могут быть взаимоотношения внутри как государственных, так и коммерческих структур. Осознание этого факта (рис. 3) у абсолютного большинства студентов происходит в период интенсивного изучения дисциплины.

Рис. 3. Понимание студентами проявления феномена коррупции в экономике, %

Вопрос об том, должны ли противодействовать коррупции все организации (рис. 4), логически вытекает из предыдущего и отражает позитивные изменения суммы знаний студентов, позволяющей им проводить оценку коррупционности тех или иных событий и фактов, с которыми специалисты будут иметь дело в профессиональной деятельности.

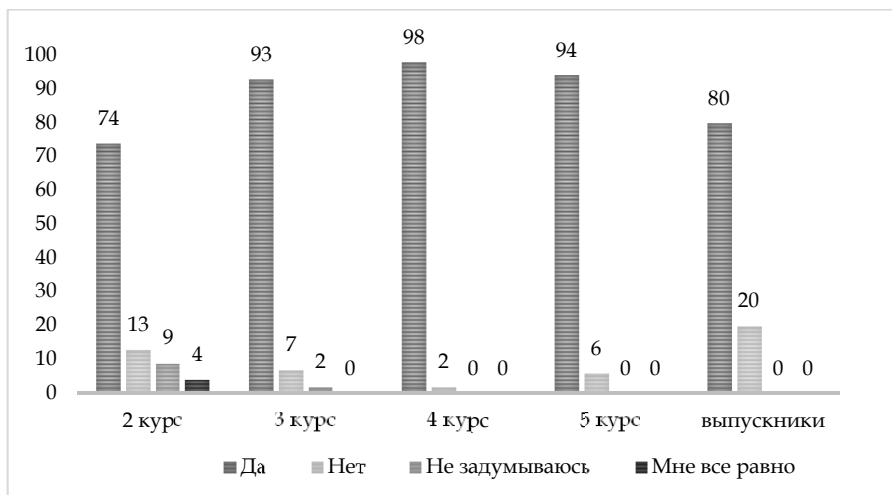

Рис. 4. Обязанность каждой организации противодействовать коррупции, %

Результат опроса о негативном влиянии коррупции на национальную экономическую безопасность отражен на рисунке 5.

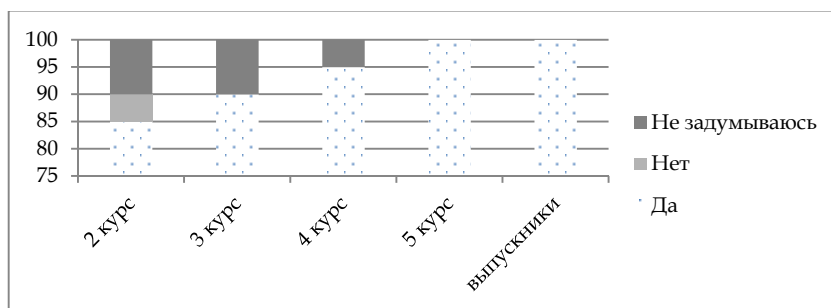

Рис. 5. Оценка студентами-экономистами коррупции как угрозы национальной экономической безопасности, %

119

Эмоциональное восприятие любой формы коррупции выяснялось в ходе обработки присутствовавшего в каждом вопросе варианта ответа «не задумываюсь над этим (мне все равно)». В соответствии с вышеупомянутой тенденцией роста толерантности к коррупции и на фоне усвоенных знаний о противоправности данного явления, $\frac{1}{4}$ студентов 5-го курса и выпускников вуза показали тренд эмоциональной нейтральности при ответах на вопросы о том, «являются ли коррупционные отношения, установленные руководством организации с государственными контролирующими структурами, конкурентным преимуществом» (рис. 6).

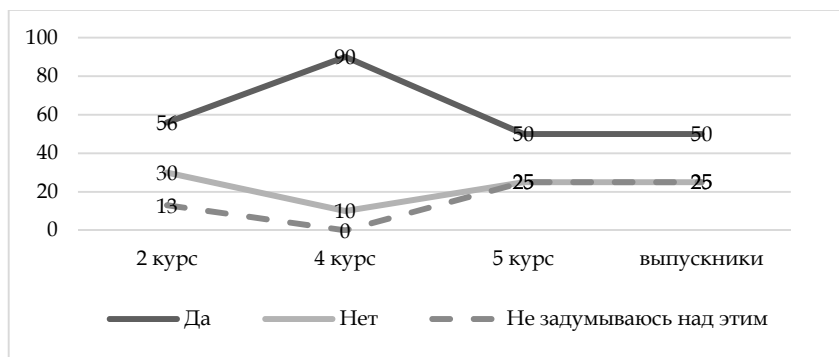

Рис. 6. Распределение ответов о коррупционных связях как конкурентном преимуществе, %

Следует подчеркнуть, что измерение эмпирической базы отразило некоторые негативные аспекты наличия у большинства опрошенных социальной индифферентности в вопросах о противодействии коррупции.

Рассмотрение потенциального поведения индивида в случае возникновения коррупционной ситуации исследовано на примере студентов 4-го курса в период изучения ими антикоррупционной дисциплины. На протяжении 2 лет исследований установлено, что при практически всеобщем знании о противоправности коррупционных взаи-

моотношений, демонстрируемом в ходе неоднократного тестирования, около 18 % студентов откровенно признаются, что однозначно трактуемое как коррупционное поведение непосредственного начальника не будет вызывать у них намерения противодействовать ему из-за опасения увольнения.

Полученные данные подчеркивают, что выпускники находятся под воздействием общественных настроений и отражают преобладающее в социуме мнение по данной проблеме. Коррелируют с предыдущими данными также и ответы на вопрос о возможности полной ликвидации коррупции как социально-экономического явления (рис. 7).

120

Рис. 7. Распределение мнений о возможности ликвидации коррупции как социально-экономического явления, %

Уровень развития самосознания обучающихся отражают ответы на вопрос о том, на каком курсе университета следует начинать преподавать антикоррупционную дисциплину (рис. 8). Следует отметить, что в ходе проведения фокусированного опроса был расширен диапазон возраста обучаемого, с которого, по мнению группы, следует начинать преподавание основ противодействия коррупции. В результате практически все возрастные группы почти полностью считают правильным изучать дисциплину такого содержания в средней школе (75 %) или на 1-м курсе (15 %).

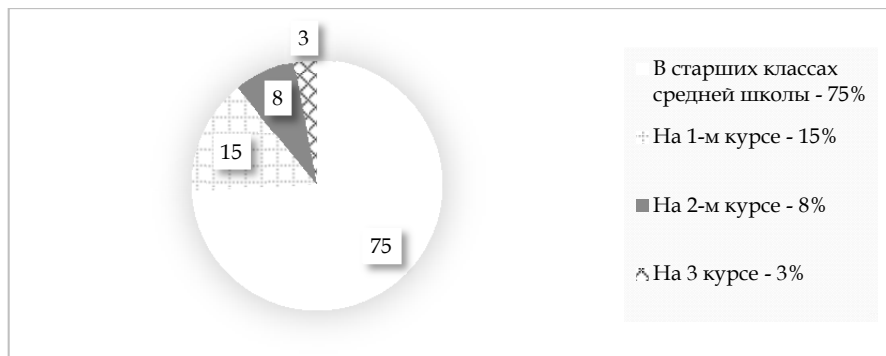

Рис. 8. Мнение студентов о том, на каком курсе следует начинать антикоррупционное обучение, %

Полученные данные хорошо согласуются с результатами ранее проводившихся исследований [8; 9; 14]. В совокупности около половины опрошенных сообщили, что элементы противодействия коррупции они изучали самостоятельно в старших классах средней школы.

На втором этапе исследования выяснялось распределение по ПТЛ студентов специальности «Экономическая безопасность», которые учились на 4-м курсе в 2023 и 2024 гг. и изучали на этом курсе дисциплину АЗИП. В результате среди студентов были выделены шесть групп в соответствии с основным профессиональным типом личности. Исследование показало, что для трети студентов данной специальности доминирующим является предпринимательский тип (табл. 1). Выпускники с таким профессиональным типом личности в случае наличия возможности реализоваться в профессиональной среде часто выбирают профессии, связанные с бизнесом (такие, как предприниматель, руководитель, экономист, репортер, артист, дипломат и т. п.) [10 – 12].

121

Таблица 1

**Распределение доминирующих профессиональных типов личности
среди студентов, обучающихся на 4-м и 5-м курсах
по специальности «Экономическая безопасность»**

ПТЛ	Число студентов с доминирующим ПТЛ		Максимально близкие студентам вторые ПТЛ	
	Количество, чел.	Доля в общей выборке, %	Наименования	Число проявлений, чел.
Реалистический	9	10,0	Социальный	4
			Предпринимательский	5
Исследовательский	5	5,6	Конвенциональный	5
Социальный	21	23,3	Предпринимательский	10
			Артистический	11
Конвенциональный	16	17,8	Предпринимательский	9
			Реалистический	7
Предприниматель- ский	31	34,4	Артистический	8
			Исследовательский	8
			Социальный	8
			Конвенциональный	7
Артистический	8	8,9	Предпринимательский	6
			Реалистичный	2
<i>Итого</i>	90	100,0	—	90

Профессиональные типы личности, связанные с трудовыми функциями в области финансов и экономики (указанной в приказе Минобрнауки России от 14.04.2021 г. №293), а именно предпринимательский и социальный, в качестве доминирующих встречаются более чем у половины студентов — 57,7 % (34,4 и 23,3 % соответственно). Характерно, что еще для трети студентов этот ПТЛ максимально близок (табл. 1).

Третий этап проектировался с целью выявить взаимосвязь типов личности и результатов сформированности универсальной компетенции «Гражданская позиция» в части противодействия коррупции. Соответственно, по всем студентам 4-го курса были обобщены результаты прохождения ими аттестации. Для оценивания использовались разработки «синтетической шкалы» [13], для которой выполнены допустимые преобразования классической процентной шкалы (до 40 % правильных тестовых ответов — неудовлетворительно, от 41 до 60 — удовлетворительно, от 61 до 80 — хорошо, от 81 до 100 — отлично). Учитывалось, что применимость тестовых ответов как метода контроля сформированности компетенций надежно изучена [17].

Осуществлялся сбор из сводных ведомостей результатов промежуточной аттестации обследуемых студентов по дисциплине АЗИП. Обработка собранных данных велась с помощью инструмента «Описательная статистика» табличного процессора Microsoft Excel 2010 (табл. 2).

Таблица 2

Статистическое распределение результатов промежуточной аттестации

Статистический показатель	Значение
Математическое ожидание (средняя величина)	3,911
Мода	4,000
Медиана	4,000
Стандартная ошибка	0,090
Стандартное отклонение	0,787
Дисперсия выборки	0,555
Эксцесс	-0,301
Асимметричность	0,511

Исследование показало, что результаты промежуточной аттестации согласуются с нормальным распределением исследуемых признаков. Имеется положительная асимметрия (это указывает на преобладание в распределении положительных отклонений от среднего, то есть среднее значение выборки низкое) и отрицательный эксцесс (что говорит об относительной сглаженности изменчивости признака).

Стоит отдельно обратить внимание на допустимые в используемой шкале показатели определения центральной тенденции — моду и медиану; они незначительно отстоят от математического ожидания (средней величины), что характеризует близость полученного результата к фактической центральной тенденции (64,61 % обследованных студентов 4-го курса получили оценку «хорошо»).

На следующем этапе исследования осуществлена контрольная проверка остаточных знаний по дисциплине АЗИП у студентов 5-го курса спустя год после сдачи ими промежуточной дисциплины. Обследование проводилось по тем же тестам, которые необходимо проходить для сдачи промежуточной аттестации. Результаты отражены в таблице 3.

Таблица 3

Статистическое распределение результатов контрольной проверки знаний

Статистический показатель	Значение
Математическое ожидание (средняя величина)	3,312
Мода	3,000
Медиана	3,000
Стандартная ошибка	0,070
Стандартное отклонение	0,730
Дисперсия выборки	0,555
Экспесс	-0,501
Асимметричность	-0,110

123

Данные таблицы 3 отражают реальное наличие прочных знаний о коррупции и противодействии ей. Результаты характеризуются малой отрицательной асимметрией распределения (это указывает на преобладание в распределении отрицательных отклонений от среднего) и значительно более низким по сравнению с предыдущим значением эксцесса (говорящим об относительно гладком, равномерном распределении вариаций признака).

Отдельно для справки можно отметить ряд моментов, касающихся рассматриваемой выборки:

1. Заметно серьезное расхождение оценок центральной тенденции: математическое ожидание (средняя величина)=3,312; мода (наиболее часто встречающееся в ряду значение)=3,000; медиана («середина» выборки)=3.

2. Особенность выборки результатов контрольной проверки знаний по дисциплине АЗИП заключается в том, что модальная оценка «отлично» получена только 29,9 % обследованных студентов 5-го курса, а низшая положительная «удовлетворительно» — 44,8 %.

3. В среднем получены более низкие оценки сформированности универсальной компетенции по результатам контрольной проверки знаний спустя год после прохождения промежуточной аттестации, что объясняется естественными причинами.

4. Студенты с доминирующим предпринимательским, социальным, конвенциональным (кроме одного случая) типом личности демонстрируют более высокие положительные результаты оценивания сформированности компетенции по сравнению с другими типами, для которых устойчивая корреляционная взаимосвязь не обнаружена. Выявленное распределение положительных результатов у предпринимательского и социального типов было не только подтверждено спустя год, но и показало еще большее число положительных оценок у названных типов по сравнению с другими.

В рамках гипотезы исследования выдвинуто предположение о возможности построения модели линейной регрессионной связи, объясняющей результаты промежуточной аттестации.

Заключительным этапом исследования стало прогнозирование у студентов специальности «Экономическая безопасность» следующих результатов:

а) формирование универсальной компетенции «Гражданская позиция» на основе ПТЛ студента и с учетом выраженности различных профессиональных типов в структуре его личности (табл. 1, столбцы «Максимально близкие студентам вторые ПТЛ»);

б) формирование остальных универсальных компетенций на основе доминирующего ПТЛ студента;

в) изучение дисциплин на основе доминирующего ПТЛ студента.

Подход к построению регрессионной модели продемонстрировал достаточно высокую эффективность для предсказания результатов по исследованной дисциплине АЗИП на основе доминирующего профессионального типа личности, параметры линейной регрессии были определены следующим образом:

$$\text{Оц} = 1,145 + 0,498 \cdot \text{Б}, \quad (1)$$

где Оц — оценка по дисциплине; Б — количество баллов по доминирующему ПТЛ студента.

В завершение исследования в 2025 г. был осуществлен дисперсионный анализ математических ожиданий (средних величин) уровня знаний по дисциплине АЗИП (признак-результат) при условии фактора ТПД (признак-фактор) [18]. Проверке подлежала «нулевая» гипотеза о статистической неразличимости средних $H_0: a_1 = a_i$. У студентов выделенных по типу личности шести групп в 2023 г. подсчитаны средние величины баллов. Сравнивались результаты контрольной проверки знаний по дисциплине АЗИП студентов этих же 6 групп, переведенных на 5-й курс в 2024 г. Необходимые предположения для корректного использования F-критерия (нормальное распределение значений зависимой (результативной) переменной в каждой группе и равенство дисперсий в группах) выполнено (данные табл. 2 и 3).

Принимая уровень значимости 0,05, то есть при вероятности ошибочного решения 5 %, для рассчитываемых чисел степеней свободы исходя из 2 выборок для 6 групп табличное верхнее критическое значение F-критерия Фишера равно 3,29. Результаты дисперсионного анализа, полученные с помощью Microsoft Excel 2010 («Однофакторный дисперсионный анализ»), представлены в таблице 4.

Получены данные о том, что F-критерий > F-критическое, следовательно, различия между средними значениями уровня знаний на 4-м и 5-м курсах статистически значимы. Таким образом, «нулевая» гипотеза H_0 отклоняется. Проведенный дисперсионный анализ показал наличие статистически значимой связи. Эту связь можно измерить с помощью эмпирического корреляционного отношения η :

$$\eta = \sqrt{\frac{SS \text{ между группами}}{SS \text{ общая}}} = \sqrt{\frac{39,94}{51,72}} = 0,88. \quad (2)$$

Таблица 4

**Однофакторный дисперсионный анализ
уровня сформированности компетенции**

Источник вариации	Число степеней свободы f	Суммы квадратов отклонений SS	Средняя сумма квадратов отклонений, приходящаяся на одну степень свободы MS	F-критерий	F-критическое
Между группами	5	39,94	7,989	4,07	3,29
Внутригрупповая	6	11,78	1,963	—	—
Общая	11	51,72	—	—	—

125

Дисперсионный анализ продемонстрировал, что между усвояемостью знаний (качеством знаний) по противодействию коррупции и профессиональным типом личности существует условно тесная связь.

Выводы и перспективы исследования

Опросы студентов специальности «Экономическая безопасность» показали, что абсолютное большинство из них получило опыт знакомства с проявлениями коррупции до поступления в вуз. До начала изучения на 4-м курсе отдельной дисциплины АЗИП от 70 % (после 1-го курса) до 90 % (после 3-го курса) обучающихся считали коррупцию неизбежным феноменом. Заложенная в дисциплине АЗИП программная цель формирования уровня универсальной компетенции «Гражданская позиция» достигается, имеется высокий остаточный уровень знаний спустя год.

Исходя из потребностей общества и конкретных условий социальной среды представляется эффективным вводить антикоррупционную пропедевтику в старших классах средней школы и формировать универсальную компетенцию, включающую нетерпимость к коррупционным проявлениям, на первых курсах вузов.

Выявлено, что у студентов специальности «Экономическая безопасность» имеется склонность ко всем шести ПТЛ. Предпринимательский и социальный типы в качестве доминирующих встречаются более чем у половины студентов — в 57,7 % случаев (34,4 и 23,3 % соответственно), еще для 1/3 студентов этот профессиональный тип личности максимально близок. Выявленное распределение положительных результатов сформированности универсальной компетенции у предпринимательского и социального типов было не только подтверждено спустя год, но и показало еще большее число положительных оценок у названных типов по сравнению с другими.

Выдвинутое предположение о возможности построения модели линейной регрессионной связи, объясняющей результаты промежуточной аттестации, нашло подтверждение, в работе предложена формула модели. Дисперсионный анализ свидетельствует о том, что между усвояемостью (качеством) знаний по противодействию коррупции и ПТЛ существует условно тесная связь.

Планируется продолжение исследования в следующих направлениях:

- анализ всего спектра дисциплин, предусмотренных для формирования универсальных компетенций;
- изучение воздействия российской социальной среды на иностранных студентов и формирования у них универсальных компетенций, предусмотренных федеральным государственным образовательным стандартом.

Список литературы

1. Коновалова О.В., Прасолов В.И. Формирование и развитие антикоррупционного мировоззрения студента российского вуза // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9, №2 (31). С. 121–125. doi: 10.26140/anip-2020-0902-0027.
2. Львова Т.Н., Семенова И.А. Компетентностный подход в реализации профессиональной подготовки бакалавра направления 100700.62 «Торговое дело» профиль «коммерция» // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2016. №1 (28). С. 203–206.
3. Маркинова Е.В. Антикоррупционное образование как элемент системы качества инженерной подготовки // Управление устойчивым развитием. 2023. №6 (49). С. 110–114. doi: 10.55421/2499992X_2023_6_110.
4. Нагорнова А.Ю., Рогалева Г.И., Бобылев А.В. Современное высшее образование: теория и практика. Ульяновск, 2020.
5. Busemeyer M.R., Lergetporer P., Woessmann L. Public opinion and the political economy of educational reforms: A survey // European Journal of Political Economy. 2018. Vol. 53. P. 161–185. doi: 10.1016/j.ejpoleco.2017.08.002.
6. Huss O., Keudel O. Open government in education: Clarifying concepts and mapping initiatives // UNESCO. 2020. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373142/PDF/373142eng.pdf.multi> (дата обращения: 19.07.2025).
7. Graaf G. de. Causes of corruption: Towards a contextual theory of corruption // Public Administration Quarterly. 2017. Vol. 31, №1. P. 39–86.
8. Шмаков А.В. Поведенческие причины недостаточной эффективности мер по борьбе с коррупцией в образовательных учреждениях // Журнал институциональных исследований. 2022. Т. 14, №4. С. 83–94. doi: 10.17835/2076-6297.2022.14.4.083-094.
9. Головин А.Ю., Бугаевская Н.В. Антикоррупционное просвещение в системе мер предупреждения коррупции на современном этапе // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, №3. С. 311–319. doi: 10.17150/2500-4255.2022.16(3).311-319.
10. Елисеев О.П. Практикум по психологии личности : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2020.
11. Резапкина Г.В. Психология и выбор профессии: программа предпрофильной подготовки : учеб.-метод. пособие для психологов и педагогов. М., 2005.

12. Рогов Е.И. Выбор профессии: Становление профессионала. М., 2003.
13. Кондратенко Б.А., Кондратенко А.Б. Определение типа личности студентов и его влияние на качество обучения // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2024. №4. С. 80—91. doi: 10.5922/vestnikpsy-2024-4-8.
14. Карпова С.Г., Пинчук А.Н., Некрасов С.В. Московские студенты о коррупции и антикоррупционной деятельности в современном обществе: по материалам фокус-группового исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22, №1. С. 113—137. doi: 10.31119/jssa.2019.22.1.6.
15. Алонцева Д.В., Ламанов Е.Н., Лаврищева О.А. Противодействие коррупции в образовательной среде как условие повышения качества образования // Перспективы науки и образования. 2023. №2 (62). С. 732—748. doi: 10.32744/pse.2023.2.43.
16. Чихладзе Л.Т. Современная доктрина антикоррупционного воспитания: поиск оптимальной модели. Рец. на кн.: Антикоррупционное правовое воспитание / под ред. Д.А. Пашенцева. М., 2020. 144 с. // Журнал российского права. 2020. №11. С. 187—191.
17. Белалов Р.М. Тестирование как метод контроля и оценки сформированности компетенций // Образовательный вестник Сознание. 2021. Т. 23, №1. С. 18—23.
18. Елисеева И.И. Статистика : учебник. СПб., 2010.

Об авторе

Сергей Михайлович Ежельый — ст. преп., Калининградский государственный технический университет, Россия.

E-mail: sergey.ezheliy@klgtu.ru

ORCID: 0000-0003-0964-5676

SPIN-код: 3909-4617

S. M. Ezheliy

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE FORMATION OF UNIVERSAL COMPETENCE AND PERSONALITY TYPE (USING THE EXAMPLE OF THE DISCIPLINE “ANTI-CORRUPTION LEGISLATION AND POLITICS”)

Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia

Received 03 March 2025

Accepted 20 July 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-11

To cite this article: Ezheliy S.M., 2025, The relationship between the formation of universal competence and personality type (using the example of the discipline “Anti-corruption Legislation and Politics”), *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №4. P. 113—128. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-11.

The study examines the features of the social situation, expressed in the age at which students of the Economic Security program encounter corrupt practices, as well as the dynamics of students' perception of the phenomenon of corruption. The distribution of students in this program according to their inclination toward professional personality types was investigated.

ed. Personality type was determined using an adaptation of B. A. Kondratenko's methodology by G. V. Rezapkina, based on the works of D. Holland. It was found that students of the Economic Security program predominantly exhibit an "entrepreneurial" personality type. The study confirms the relationship between the development of the universal competency "Civic Position" and students' professional personality types during the course Anti-Corruption Legislation and Policy, taught in the fourth year. A linear regression model, which takes into account the student's personality type, is proposed to predict the outcomes of the formation of this universal competency. A one-way ANOVA of fourth-year students' midterm results and fifth-year residual knowledge assessments in the course was performed, showing a conditionally close relationship between the assimilation of anti-corruption knowledge and the dominant professional personality type. The results of the study are intended to be used for developing models that allow predicting the achievement of all universal and general professional competencies based on the professional personality type of students in economic fields and specialties.

Keywords: anti-corruption, universal competences, professional personality type, competence development

The author

Sergey M. Ezheliy, Lecturer, Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: sergey.ezheliy@klgtu.ru

ORCID: 0000-0003-0964-5676

SPIN code: 3909-4617

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА

Серия: Филология, педагогика, психология

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — не менее 20 тыс. знаков с пробелами.

4. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Рецензентами выступают как члены редакционной коллегии журнала, так и внешние эксперты.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта <https://journals.kantiana.ru/submit/> и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

7. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске журнала один раз; второй раз — в соавторстве (в исключительном случае и только по решению редакционной коллегии).

8. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

а) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

б) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (до 12 слов);

в) аннотацию на русском и английском языках (150 – 250 слов, то есть 500 печатных знаков). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

г) ключевые слова на русском и английском языках (4 – 8 слов). Располагаются перед текстом после аннотации;

д) список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Должен включать от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК, и (или) в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников;

е) сведения об авторах на русском и английском языках (ФИО полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), e-mail, ORCID);

ж) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу даются в тексте статьи только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пунктах 1–2, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210×297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная *информация о правилах оформления текста*, в том числе *таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы*, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/vestnik/psychology/rules/>

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика и психология» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих тематике серии, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

2. Ответственный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

- а) степень интереса тематики для читателей журнала;
- б) степень оригинальности статьи;
- в) точность и адекватность представленной информации;
- г) знание существующего состояния дел по данной проблематике;
- д) стиль и манера изложения;
- е) логичность построения статьи.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией журнала.

9. После принятия редколлегией журнала решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

11. Редакция журнала «Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика и психология» направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

2025

Серия

Филология, педагогика, психология

№ 4

Редактор *Д. А. Малеваная*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 05.11.2025 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 11,5
Тираж 45 экз. Цена свободная. Заказ 120

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14